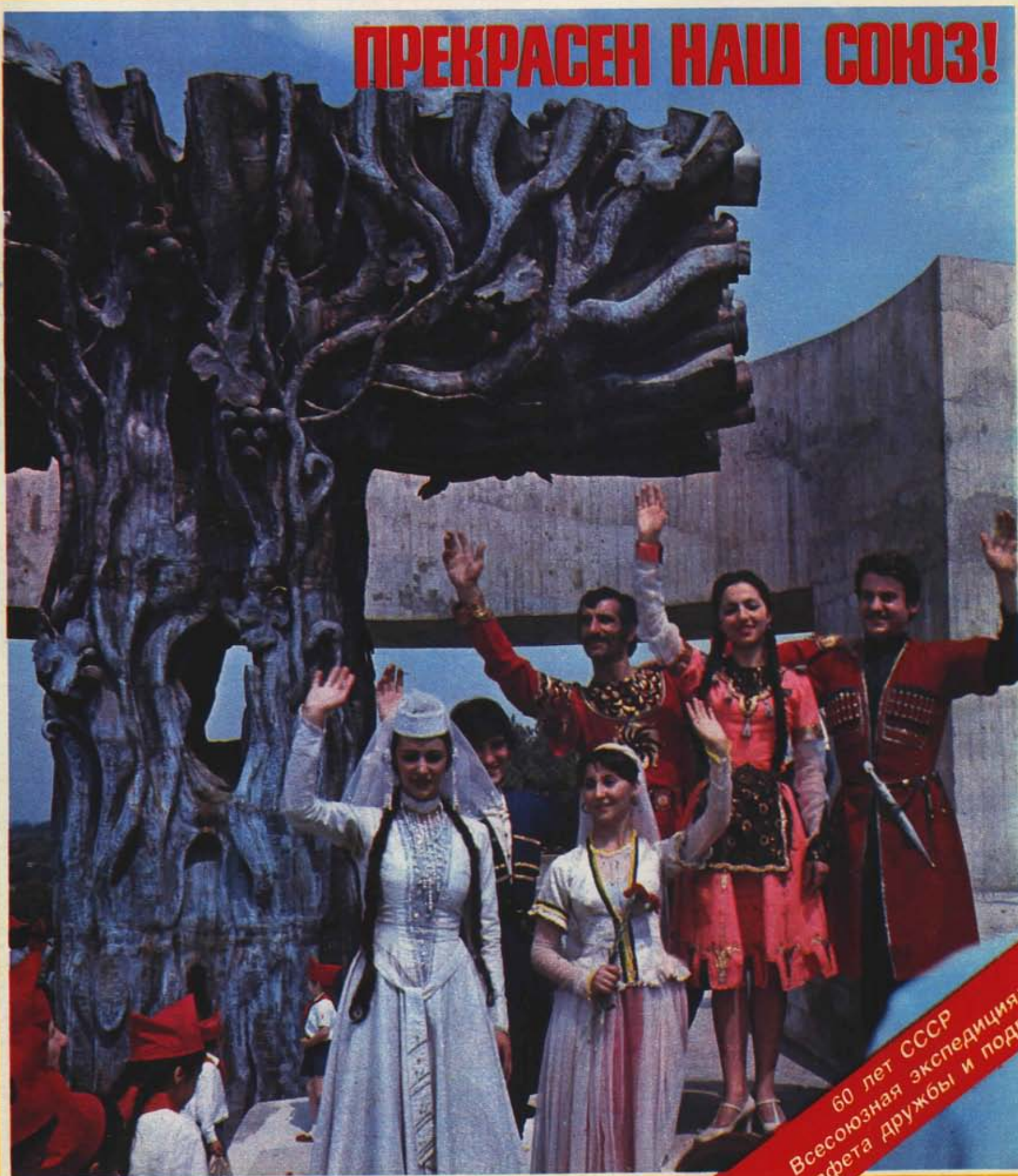

СМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1982

ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!

60 лет СССР
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета Дружбы и подвига».

УШЕДРАВДДЕ МЕСТО И РОЛ

РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ

**XIX
СЪЕЗД
ВЛКСМ**

Участие молодежи в управлении экономикой — тема сложная, ставящая немало вопросов. Прежде всего как, в какой форме, с какой эффективностью комсомольские организации могут участвовать в управлении производством, социальным развитием коллективов? Достаточно ли для этого у молодых профессионального и житейского опыта, знаний, квалификации, инициативы? Наконец, чем вызвана необходимость участия в управленческих заботах не только специалистов, но и молодых рабочих, техников?

На наш взгляд, простые исполнители чужих решений уже не отвечают требованиям сегодняшнего дня. И не случайно такое значение придается участию в управлении производственных коллективов. В речи на XVII съезде профсоюзов Леонид Ильич Брежнев говорил: «Хорошо организованная, я бы сказал, умно работающая бригада — подлинная школа для развития управленче-

ских навыков рабочих, экспериментальная лаборатория для любой творческой инициативы. Члены такой бригады в деле, в повседневном совместном труде овладевают столь необходимыми в наше время экономическими да и политическими знаниями. В такой бригаде действительно выковывается чувство хозяина своего завода, хозяина своей страны».

И бригада и каждый рабочий могут реально влиять на положение дел в экономике. Задача в том, чтобы создать нужные условия для рабочей инициативы, стимулировать творческую активность каждого человека. Есть в этом деле и успехи, есть и проблемы. В блоке материалов, предлагаемых читателям, мы рассказываем об опыте комсомольских организаций, поставивших целью сделать эффективным участие молодежи в управлении экономикой, о трудностях, встающих перед молодым рабочим, о правах и обязанностях членов трудовых коллективов.

димся ударно в последнюю неделю и все наверстаем. Сил-то и возможностей у нас много!

Привычка к авралам и аритмии становится второй натурой. Скажу больше — авралы кое-кому... удобны. Ими можно объяснить собственные промахи и неумение управлять ритмом, ими можно оправдать любой беспорядок. А когда устанавливается ритмичность в снабжении, люди к ней попросту оказываются внутренне не готовы. Беспорядок привычнее, иной руководитель чувствует себя в нем как рыба в воде.

Авралы приучают к волевым методам управления. Когда надо любой ценой спасти план — тут уж не до того, чтобы все заранее продумать, спланировать, предусмотреть различные варианты. И вдруг наступает спокойный период — не надо «пробовать», «нажимать», «мобилизовывать». Непривычно!

Мои выводы могут показаться спорными и слишком категоричными. Конечно, силы привычек и инерции трудно взвесить на весах экономики, показать их влияние в цифрах. Но влияние несомненно. Недаром самым трудным считается преодоление не столько технических, сколько психологических барьеров. Стиль работы человека, стиль управления невозможно изменить с той же легкостью, как, скажем, переменить программу станка-автомата. Проблема эта, насколько могу судить, не местного значения.

Привыкая к «авральным» методам управления, мы привыкаем также и к тому, что человек превращается в механического исполнителя приказов, ибо некогда обдумать, прикинуть, как лучше выполнить то или иное задание. Скажем, когда я утром прихожу в цех, то хочу наперед распланировать предстоящий день, рассчитать, в какой последовательности сделать дневную норму. Настраиваю свой кромокибичный станок на определенную партию деталей. А через час, бывает, ко мне подходит мастер и требует, чтобы я срочно начал делать другие детали — выяснилось, что они сейчас нужнее сборочному цеху. Значит, мой распорядок дня ломается. Теперь мне уже трудно рационально управлять своим рабочим временем. Ритм работы нарушен.

В текучке будней подчас забывается то, что многие производственные вопросы могут решаться быстрее и безболезненней, если вовремя посоветоваться с рабочим. Так, решили технологи внедрить на моем станке изготовление балки поворотной рамы. Но не учли один момент. В балке вырубается паз, а как убирать отходы металла — не продумали. Пару деталей сделала — и вытаскиваешь обрубки руками. В итоге пришлось совсем отказаться от неплохой в принципе идеи. И подобные случаи не единичны. Нечасто инженеры и технологи советуются с рабочим. Что это — инерция мышления? Потом, в процессе серийного выпуска деталей, неизбежно продолжается доводка до ума оборудования и технологии. Интересно, что это проис-

Постановка
проблемы

СИЛА

Анатолий КОРНИЛОВ,
штамповщик холоднопрессового
цеха Калининского экскаваторного
завода, лауреат премии
Ленинского комсомола

Неуправляемым звеном производства у нас на заводе однажды назвали ритмичность. Посмотришь сводку за любой месяц в нашей многотиражке и только диву даешься, как завод еще умудряется выполнять план и выпускать экскаваторы со Знаком качества. Первая декада: делаем процентов десять (бывает и меньше) месячного плана. Вторая: приближаемся к нормальной загрузке. Третья: мобилизуем все силы — ведь надо выполнить до шестидесяти процентов плана. И выполняем! Но какой ценой — вряд ли стоит пояснять...

В Андиган постоянно летают самолеты за гидрораспределителями. Уж сколько мы обращались к тамошним машиностроителям — а все без толку,

УЩЕРБНАЯ ПРИВЫЧКИ

подводят по-прежнему. Сотни тысяч тратит завод на воздушные перевозки, иначе любые планы провалим. Накладно, а что делать? Так хоть что-то получим...

Многие годы Ивановский завод автокранов исправно поставлял нам опорно-поворотные зубчатые венцы. Но потом завод передали из «Союзэкскаватора» в другое объединение. Не берусь судить, чем была вызвана реорганизация управления. Если же говорить о ее последствиях, то положение с поставками намного ухудшилось. Какой смысл в таком «совершенствовании» управления, если ритм производства в итоге страдает? Череповецкий металлургический наши снабженцы знают не хуже собственного завода: столько еще неувязок с поставками металла! То вообще ничего не присылают, то пришлют металл, да не того профиля. Спрашивается: как в таких условиях можно управлять производством?

Наш цех заготовительный, он от поставок металла больше других зависит. Как все эти перебои отражаются на работе, я по себе знаю. Но вот что интересно. Были периоды, когда снаб-

жение металлопрокатом намного ухудшалось. И что же, цех работал устойчиво? Вовсе нет!

Нужно вот о чем задуматься. Авралы в конце месяца показывают, сколько у нас сил и потенциальных возможностей. Да, с немалым трудом, но двойную норму осиливаем. Значит, можем, когда надо! А когда нормальные условия созданы, разве тогда не надо? Казалось бы, только работой — без спешки, без напряжения. Что же тут-то сбивает с ритма?

Оставлю пока в стороне трудности технического и технологического порядка, которых всегда хватает. Может быть, не меньше — а то и больше — влияют на ритм производства такие нематериальные вещи, как сила инерции и привычка к беспорядку. Предположим, я пришел в цех и вижу, что все необходимое для работы мне доставлено. Но на календаре — первое число месяца, а у меня уже вошло в привычку, что в первые дни с нас меньше требуют... Есть инерция движения и инерция покоя. Так вот, у меня (и не только у меня) сегодня — инерция покоя. Все знают: конец месяца далек, в случае чего потру-

ШИШЕ МОЛОДЕЖИ

ходит обычно при подсказках того же рабочего. А почему бы не посоветоваться раньше, до запуска деталей в серию?

Совсем плохо, когда неразбериха аврала по инерции переносится в сферу повседневных деловых отношений. Случается, изменяют специалисты чертежи какой-либо детали, а в технологию забудут внести поправку и рабочему вовремя не сообщат. Скажем, делаю я бензобак по привычной технологии, а потом вдруг узнаю, что она давно изменена — оказывается, прежде чем гнуть деталь, в ней надо отверстие просверлить. Но я-то не знал!

Есть такая форма участия рабочих в управлении производством, как комплексные творческие бригады. Недавно бюро горкома комсомола обязало нас создать такие бригады, организовать между ними соревнование. Решение правильное и своевременное. Ну, а почему сами — и намного раньше — не пришли к такой идее? Наверное, мешала сила инерции, привычка работать так, как работали многие годы.

Год назад на заводе создан экономический совет по эффективности производства, качеству продукции, экономии и бережливости. В цехах и отделах тоже действуют такие советы и еще общественные посты экономии. Пользу они приносят немалую, но беспокоит то, что молодежь в их работе почти не участвует. В заводском совете комсомольская организация никак не представлена. В нашем цеховом совете, в составе постов нет ни одного комсомольца. Это в какой-то степени говорит о нехватке доверия к молодежи. Иногда приходится слышать, как некоторые руководители жалуются на пассивность молодежи в решении производственных вопросов — это тоже своего рода инерция покоя. Однако активность требует стимулирования и поддержки. И прежде всего надо четко определить место комсомольской организации в управлении производством.

Недавно заводской комитет комсомола занялся тем, что, видимо, надо было начинать год назад — разработкой комплексного плана участия молодежи в соревновании за повышение эффективности производства. Но опять же после напоминания горкома комсомола. Этот упрек я обращаю и к себе как члену заводского комитета комсомола. Нельзя всегда ждать подсказки или подталкивания.

Есть один примечательный факт. В цехах оборудовали специальные стенды с ящиками для предложений по улучшению работы. Идея в принципе неплохая. Предполагалось, что предложений будет много, поскольку и производственных проблем еще немало. Но в нашем цехе, например, такой ящик пустует. И это невольно наталкивает на мысль о недостатке рабочей инициативы. А как сделать инициативу и творчество неотъемлемым качеством каждого человека? Может ли в этом деле быть какая-то система? Или она есть, просто мы о ней не знаем?

Василий ПЕРЕВАРИН,
генеральный директор
производственного
объединения
«Краснодарский ЗИП»

Виктор АНОПКО,
секретарь
комитета ВЛКСМ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Поиск решения

В. ПЕРЕВАРИН. Нам с вами, Виктор, обоим знакома система, которую мы называем Краснодарской комплексной системой повышения эффективности производства. Собственно, в упрощенном виде она представляет неразрывное единство восьми подсистем управления: процессом производства, основными фондами, финансовыми, материальными, трудовыми ресурсами, качеством продукции, научно-техническим, социальным развитием. Впрочем, вам как члену заводского координационного совета все это хорошо известно; напоминаю лишь для того, чтобы очертить круг вопросов, о которых пойдет разговор. Итак, общая схема есть. Но насколько полно она реализуется в практической нашей деятельности? Знаете, как ни сложно создать какую-либо систему, еще труднее довести ее до каждого человека, то есть сделать действующей. Иначе говоря, наполнить форму содержанием.

В. АНОПКО. Что касается нашей комсомольской организации, то, откровенно говоря, не во всех подсистемах управления мы четко видим свое место, точку приложения сил, где мы могли бы принести наибольшую пользу. Хотя сразу оговорюсь: у нас есть план участия комсомольской организации завода во внедрении и развитии комплексной системы. Там все подробно расписано, в каких формах должно выражаться это участие: от школ передового опыта до механизации производства. Но то, что гладко на бумаге, не всегда гладко в жизни...

В. ПЕРЕВАРИН. Почти три тысячи комсомольцев на нашем заводе — мощная сила. Без нее — без молодых рабочих, мастеров, инженеров, конструкторов — ничего не удалось бы сделать. И

Важно... помочь комсомольцу сделать первые шаги на общественном поприще, в полной мере обеспечить выход энергии и инициативе. Надо активнее использовать все формы индивидуальной работы, шире привлекать молодежь к участию в управлении делами производственных, учебных коллективов, в народном контроле.

Из Отчетного доклада ЦК ВЛКСМ XIX съезду комсомола.

стандарта. Поэтому мне трудно судить или сравнивать — вот, мол, как было и как стало.

В. ПЕРЕВАРИН. В общем, наша система родилась не на пустом месте. Она впитала в себя различные, хорошо известные системы управления производством: саратовскую, львовскую, другие.

В. АНОПКО. Потребность в переменах всегда вызывается необходимостью. Я по другим системам, кроме краснодарской, не работал, поэтому интересно: что же вас не устраивало в прежних способах управления?

В. ПЕРЕВАРИН. Когда-то казалось, самое главное — чтобы любая деталь изготавливалась без малейших отклонений от чертежа. Думали, стоит добиться такого, и каждое предприятие будет выпускать превосходные, качественные приборы, машины, вещи. Но... я сам был свидетелем таких ситуаций, когда все детали сделаны точно по чертежам, а прибор не собирается, не стыкуются его части.

Внедрили мы систему бездефектного изготовления продукции. Она регистрировала брак, но не его причины; предусматривала ответственность только непосредственных исполнителей. А вот новая система — система бездефектного труда — позволила шагнуть дальше: она направлена уже не только на управление качеством изделий, а на управление качеством труда, что видно из самого названия. Однако и у нее наблюдался серьезный недостаток — в этой системе не все работники предприятия участвовали.

В. АНОПКО. От этого недостатка избавлена львовская комплексная система. Она-то охватывает качество труда всех, от рабочего до директора.

В. ПЕРЕВАРИН. Совершенно верно, и мы активно использовали опыт львовян. Но в последние годы почувствовали — и этого недостаточно. Управление качеством — очень важная, и все же лишь составная часть управления предприятием. Задача краснодарской системы — увязать в единое целое все починки и направления, все инициативы в области эффективности производства. Можно и так сказать — распространить основы львовской системы управления качеством на всю хозяйственную деятельность предприятия.

В. АНОПКО. И не только хозяйственную...

В. ПЕРЕВАРИН. Правильное уточнение. Вы, вероятно, имеете в виду, что если вначале в нашей системе было семь подсистем, то позже выделилась самостоятельная восьмая — управление социальным развитием. Это нам сама жизнь подсказала. Ведь люди не только работают. Они отдыхают, обедают, женятся, заводят детей... Вроде бы какое отношение к управлению производством имеет такой житейский вопрос: где построить заводской детский сад? Важно, чтобы он был. Но если человеку надо утром встать на час раньше, чтобы успеть отвезти ребенка в детский сад, а вечером снова проделать тот же путь, растрачивая немало физической энергии и нервов, то может ли он при таких житейских обстоятельствах работать с

удовольствием, показать все, на что способен? И вправе ли мы требовать этого от него? Поэтому вовсе не случайно, что все наши детские учреждения построены вблизи завода...

В. АНОПКО. Вы говорили, что необходимо желание работать лучше, эффективнее. Мы возвращаемся к главной теме: как на деле поднять творческую активность каждого работника — особенно молодого, так как у нас их больше половины на заводе, — привлечь его к управлению производством? Был я как-то на комсомольском собрании в одном цехе. Шло оно очень активно, выступали многие. Говорили по делу — о разных неувязках, простоях, без стеснения критиковали руководителей. Мне, признаться, сначала эта активность понравилась. А потом встал начальник цеха и говорит: «Вы, ребята, правильно критикуете нас за простоту. Ну, а почему сами сидите сложа руки, ждете, когда вам работу подадут, не идете со своими предложениями?» Можно было б подумать, что начальник свою вину хочет на комсомольские плечи переложить, но разве и он не прав?

В. ПЕРЕВАРИН. А ведь краснодарская система принесла молодежи новые возможности участвовать в управлении, конкретизировала это конституционное право. Вспомним хотя бы одну из таких возможностей. Каждый год мы составляем комплексный план мероприятий, направленных на выполнение государственного задания. Теперь этим занят не только узкий круг специалистов. Практика показала, что наиболее рационально начинать с инициативы рабочих, бригад, участков. Так и делаем: собираем предложения на всех должностных ступенях, анализируем, разбиваем по подсистемам и вносим в комплексный план. Принятое предложение рабочего становится законом. Вот вам широкий простор проявить комсомольскую инициативу.

В. АНОПКО. В период составления плана мероприятий недостатка в инициативах нет. Иван Романович Юрченко, начальник сборочного цеха, рассказывал, что когда составляли цеховой план на этот год, обсуждали, как лучше организовать работу, то некоторые его предложения были сняты, а предложения рабочих приняты. Это, наверное, и называется — управление «по горизонтали»? Ну, например, Сергей Петушков, бригадир комсомольско-молодежной бригады сборщиков, нашел возможность вдвое ускорить испытание приборов. Написали по этому поводу служебную записку главному технологу, получили разрешение — и был внедрен новый технологический процесс. А по предложению бригады Владимира Дюльдина изменили организацию труда: создали специализированные бригады сборщиков и настройщиков; выделили звено рабочих для ремонта приборов... Примеров — сотни. Я думаю о том, как сделать инициативу не разовым мероприятием, а постоянным свойством, качеством молодежного коллектива.

В. ПЕРЕВАРИН. А вы присмотритесь, кто из молодых более инициативен и недоволен. Да-да, недоволен. Но не в потребительском смысле. Технический и социальный прогресс зависит от людей, недовольных существующей организацией производства и **знающих**, как ее улучшить. Если это комсомольцы, то наверняка квалифицированные рабочие: чтобы знать — надо много уметь. И наоборот.

В. АНОПКО. Понимаю вашу мысль. Пожалуй, подсистема управления трудовыми ресурсами — сфера, наиболее близкая комсомолу. Подбор, обучение, повышение квалификации молодых рабочих — и на этой основе привлечение их к управлению — наша прямая обязан-

ность. Знаете, в этом деле нам очень ощутимо помогает комплексная система.

В. ПЕРЕВАРИН. А если конкретней? **В. АНОПКО.** Помогает стандартами. Ведь нормативная база системы — стандарты предприятия. Область их применения у нас значительно расширена и распространяется на все стороны жизни предприятия. Раньше, мне рассказывали, новичков обучали, как кому бог на душу положит, каждый наставник изобретал свои методы, учил работать так, как ему, наставнику, привычней. Сейчас на все есть определенный стандарт предприятия, вобравший в себя опыт лучших. Как организовать рабочее место — стандарт; как начать работу, проверить инструмент — стандарт; как проверить качество изделия — стандарт. И так по всем позициям. Стандарты позволили намного ускорить сроки обучения молодых. Я недавно взял данные за квартал и даже сам удивился: **на всем заводе нет ни одного комсомольца, не выполняющего норму.** Причем именно в этом квартале многие молодые рабочие, комсомольско-молодежные бригады — того же Сергея Петушкова — написали заявления с просьбой пересмотреть им нормы. Может, кто-то недоверчиво усмехнется по поводу пересмотра норм, но факт есть факт. Разумеется, пересмотр норм по собственной инициативе материально поощряется, в этом нет секрета: рабочему как бы возвращается часть сэкономленных им средств.

В. ПЕРЕВАРИН. Вы сейчас назвали очень существенную сторону управления — нормирование. Оно определяет важнейший фактор — производительность труда. Пересмотр норм должен быть подготовлен или внедрением новой техники, технологии, или улучшением организации труда, культуры производства. Но в любом случае, всегда он подразумевает повышение квалификации рабочих. А этот процесс касается не одного периода обучения.

В. АНОПКО. Конечно, нельзя забывать о комсомольце, едва он прошел срок ученичества и получил первый разряд. Назову такую цифру: в четырнадцатом сборочном цехе производительность труда молодежи на восемь процентов выше средней и уже два года нет не выполняющих норм. За счет чего, спрашивается? Там по инициативе комсомольско-молодежного участка и бюро комсомольской организации были созданы курсы целевого назначения для быстрейшего освоения новой техники. Результат, как говорится, налицо.

В. ПЕРЕВАРИН. Неплохо, если бы такую инициативу проявили комсомольцы и других цехов.

В. АНОПКО. Мы сейчас пересматриваем план участия комсомольской организации в развитии комплексной системы. На опыте убедились, что он слишком обширен: старались охватить буквально все, и получилось, что некоторые пункты остались формальными, на бумаге. Скажем, в подсистеме управления материальными ресурсами вклад наш весьма условен. Хотели мы помочь нашим снабженцам, установить связи со штабами «Комсомольского проектора» заводов-поставщиков. Выбрали несколько адресов, написали письма. Эффект получился небольшой. Да и то сказать — поставщиков у нас более семисот, всем не напишешь... Может, лучше сосредоточиться на том, что в нашей власти, там, где можем оказать реальное влияние?

В. ПЕРЕВАРИН. Вряд ли стоит вам отказываться от мысли повлиять на поставщиков по комсомольской линии. Эта работа тоже должна принести свои плоды. Здесь можно бы привести пример от обратного. Я имею в виду случай, когда комсомольцы из Липецка прислали вам письмо с просьбой изготовить приборы для теплиц раньше срока. Смогли же выполнить просьбу? Собрали комсомольцев цеха, объяснили важность задачи — и люди откликнулись. А что мешает так же поступить нашим поставщикам?

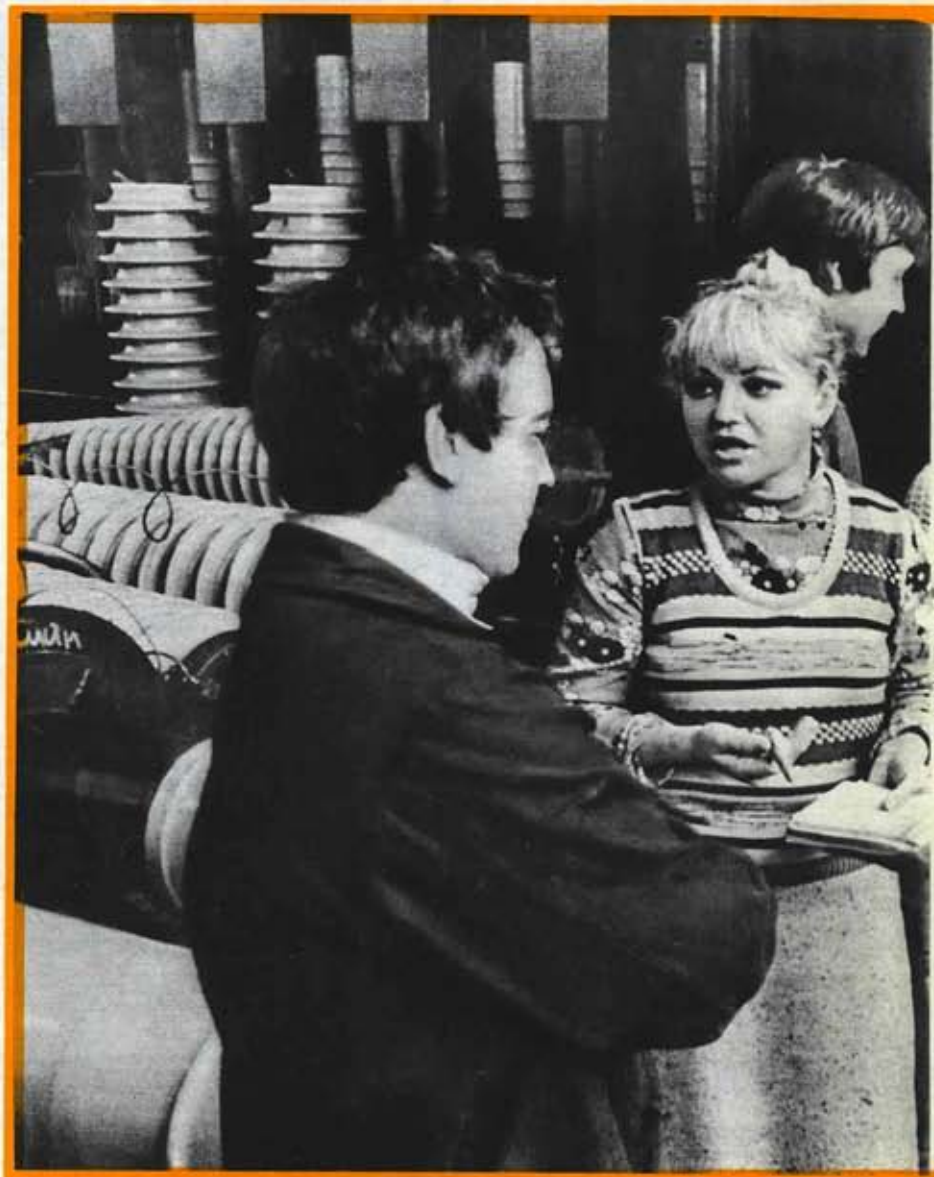
В. АНОПКО. Пожалуй, вы правы. В переработанном плане мы это учтем. Вероятно, объединим пункты, которые в чем-то дублируют друг друга — есть и такие... Что касается повышения квалификации, тут мы довольно четко видим направления комсомольской работы. К примеру, конкурсы профессионального мастерства, где концентрируется передовой рабочий опыт, — это дело чисто комсомольское, никто за нас его не организует. Форма работы известная, но мне говорили, что на некоторых заводах молодежь на конкурсы силком не затанешь, говорят: зачем нам это нужно? У нас на заводе за год по двадцать конкурсов проходит, и в желающих участвовать нехватки нет. Комсомольская организация добилась важного стимула: чтобы победителю конкурса повышали разряд без сдачи экзамена комиссии. Готовясь к конкурсу — а там жюри и теорию спрашивает, — молодой рабочий поневоле возьмется за специальную литературу, придет за советом к мастеру, то есть он растет профессионально.

В. ПЕРЕВАРИН. А управление научно-техническим прогрессом? Здесь тоже есть для комсомолы немалые возможности, причем я имею в виду не просто повседневную работу молодых инженеров. Сравнительно недавно появились у нас первые станки с числовым программным управлением, и сразу возникли новые проблемы: внедрение, составление программ для станков, обслуживание. На этом были завязаны люди разных профессий — рабочие, механики, технологи, электроники. Не все шло без сучка и задоринки, и больше всего мешала разобщенность людей — каждый считал свою задачу узкой и при неполадках искал не личную вину, а ошибки другого. Не всегда, правда, а такое случалось. Это был как раз период разработки основ комплексной системы, к чему мы привлекли как инже-

неров, так и рабочих. И вот сами рабочие предложили организовать творческие бригады по внедрению новой техники. А комсомольская организация взяла над ними шефство и, надо сказать, немало сделала для формирования таких бригад. У истоков шефства стоял ваш предшественник Валерий Вашина, нынешний первый секретарь райкома комсомолы.

В. АНОПКО. Работать с такими бригадами непросто, так как они временные, создаются для выполнения одного определенного задания. Но я полностью согласен с тем, что о шефстве над ними забывать нельзя. Как раз по этому поводу встречался на днях с Евгением Телковым, молодым инженером, руководителем комсомольско-молодежной бригады. По его убеждению, объединение в один коллектив заметно повлияло на сроки внедрения новой техники. В бригаде люди независимо от специальности объединены общей целью, заинтересованностью в конечном результате, нет деления на «мое» и «твое», рабочие стали участвовать в совершенствовании технологии. Например, рабочий Анатолий Еременко предложил почти полностью изменить конструкцию приспособления, разработанного инженерами. Спрашиваю Женю: а не обидно ли это, не ущемляет инженерское самолюбие? Он удивился: что, мол, обидно? Одна бригада — одно дело.

В. ПЕРЕВАРИН. С созданием творческих бригад целый ряд технических вопросов перестал доходить до вышестоящих руководителей — они решаются на месте. Более трудная задача — создать такую же творческую атмосферу в любой обычной бригаде. Я не останавливаюсь на роли бригадира — она очевидна. Кроме того, не будем забывать, что бригадной формой организации труда у нас охвачено пока немногим более половины работающих.

В любом случае — есть на участке бригады или нет — особая роль отводится мастеру как ближайшему к рабочему человеку специалисту. И вот именно такая категория работников, как молодые мастера, меня особенно беспокоит. Мы справедливо считаем, что важнейшая фигура в управлении производством, коллективом — мастер. Кстати говоря, когда одно время пытались, сокращая управленческий штат, сокращать и мастеров, заметно снижалась дисциплина, наступали перебои в ритме производства. Ибо какие хорошие решения ни принимались бы «наверху», их практическое воплощение в огромной степени зависит от мастера, от его умения правильно понять и наилучшим образом выполнить задачу. Но вот что получается. К нам ежегодно приходят двадцать — тридцать молодых специалистов, и каждому я предлагаю поработать в цехе. И что думаете? Почти все отказываются, просясь в отделы, в СКБ. Отказ можно было бы объяснить относительно невысоким заработком мастеров. Но в отделе он не выше! К тому же в цехах, где успешно внедряется краснодарская система, премии мастерам возросли вдвое. А если удастся убедить молодого специалиста занять место мастера, то нет полной уверенности, что он заранее не смотрит на свою должность как на вынужденную необходимость и не уйдет при первом подходящем случае на другую работу.

В. АНОПКО. Я технологом был, не мастером, но хорошо представляю, как непросто молодому специалисту вжиться в напряженный ритм цеха, освоиться в среде рабочих. Но твердо убежден: работа в цехе — незаменимая школа для специалиста. Ведь и вы, Василий Георгиевич, были мастером на нашем заводе?

В. ПЕРЕВАРИН. В свое время — да... Школа жизни и работы действительно

была серьезная. Ну, а сейчас что бы вы предложили, как сделать эту должность более привлекательной для молодежи?

В. АНОПКО. Мастеров-комсомольцев у нас все же немало, около сорока. Я заметил, что молодые рабочие к ним больше тянутся, чем к пожилым мастерам-практикам, охотнее делятся своими проблемами. Оно и понятно — сверстники все-таки... Но, признаюсь, мастера оказались обойденными вниманием комитета комсомола. У других категорий молодежи есть свой совещательный орган — совет молодых рабочих, совет бригадиров комсомольско-молодежных бригад, совет молодых специалистов. Последний вроде близок мастерам, однако тон в нем задают больше конструкторы, инженеры, технологи. Вот почему мы думаем создать и совет молодых мастеров, где молодой человек мог бы поделиться наболевшим, найти помощь, товарищеское участие.

И второе. На мой взгляд, будущих мастеров лучше всего подбирать из своих рабочих-комсомольцев. Я хорошо знаю молодого мастера Сергея Алехина из экспериментального цеха. Он раньше слесарем на своем участке работал. А теперь, в новом качестве, он сразу освоился. Знает всех людей, все тонкости технологии. И люди ему больше доверяют, чем доверяли бы выпускнику вуза, присланному по распределению. Потому что Сергей — «человек не со стороны».

В. ПЕРЕВАРИН. В условиях краснодарской системы управления значение мастеров еще больше поднялось: никто, кроме них, не сможет довести до каждой бригады, каждого молодого рабочего механизм действия и смысл системы, от чего она зависит и что дает человеку.

В. АНОПКО. К сожалению, мне пришлось сталкиваться с тем, что на вопрос о системе молодой рабочий, даже

бригадир, недоуменно пожимает плечами.

В. ПЕРЕВАРИН. Очень серьезный вопрос. Видите ли, проблема в том, что систему необходимо внедрять не только в производство. А прежде всего в умы, в сознание людей. Больше всего это относится к молодежи, начинающей свою трудовую биографию и еще мало знакомой с нашими традициями. Убежденность людей в нужности начатого дела — решающий фактор успеха.

В. АНОПКО. Такая убежденность как раз и присуща бригадам с участка Алехина. Бригадир комсомольско-молодежной бригады Сергей Малеваный сразу отметил, что после внедрения краснодарской системы срок запуска приборов в серийное производство сократился втрое.

В. ПЕРЕВАРИН. Это — действие стандартов предприятия. Они определили то, что раньше не соблюдалось: регистрацию в специальном журнале всех изменений в технологии изготовления новых образцов; точные сроки подачи конструкторской документации — другими словами, упорядочили отношения между рабочими, технологами и конструкторами. При любых сбоях автоматически начинает действовать шкала коэффициентов эффективности труда: задержал документацию на день — коэффициент снижается на столько, сколько определено стандартом.

В. АНОПКО. Стандарты упорядочили отношения людей и внутри цехов. Вот одна любопытная деталь: на участке Алехина рабочие рассматривали рацпредложение и из восьми отвергли четыре. Сами, не загружая бриз лишней работой. Объяснили просто: это раньше учитывалось количество рацпредложений, а по новому положению требуется экономический эффект. Так зачем вносить пустые предложения?

В. ПЕРЕВАРИН. Система стандартов и коэффициентов действует среди руководителей всех подразделений, отделов завода. Мы делаем одно общее дело. Но за каждый конкретный участок должна быть персональная ответственность. Это не всегда достигалось, так как функции многих руководителей были несколько размыты, иногда переплетались. Комплексная система прежде всего более четко разграничила обязанности управленцев, поскольку каждая из ее подсистем имеет строго определенные стандарты предприятия задачи, имеет своего руководителя из числа главных специалистов. Видите, у меня на стене диаграмма? Это оценка работы руководителя каждой подсистемы согласно коэффициенту эффективности его труда. Все строго обосновано и наглядно.

В. АНОПКО. Как видно, максимальный возможный коэффициент — единица. В цехах иначе...

В. ПЕРЕВАРИН. Это естественно. Для рабочего человека никакая система управления не должна быть только системой штрафов. Разумеется, за конкретные улучшения коэффициент эффективности труда рабочего снижается, и сто процентов премии он уже не заработает. Здесь принципиальный вопрос — мы считаем, что премия должна быть **заработана**, а не получена. Вместе с тем для рабочего эти сто процентов — не потолок. Если перевыполнено задание по ритмичности производства, то премия может вырасти до ста двадцати пяти процентов. А это важный дополнительный стимул к тому, чтобы думать, искать пути к ритмичной и эффективной работе на каждом месте — у станка или на конвейере.

В. АНОПКО. В связи с этим может появиться вопрос. От одного из гостей завода я слышал такое рассуждение: вот вы, говорил он, хотите привлечь к управлению молодежь, весь коллектив, хотите повысить творческую активность трудящихся. И в то же время у вас действия любого человека строго регламентированы стандартами предприятия. А известно, что стандарт и творчество — понятия противоположные. Так как же их совместить?

В. ПЕРЕВАРИН. А если провести аналогию с армейской службой? Действия бойца еще более строго регламентированы. Уставом! Но кто возьмется утверждать, что солдату негде проявить творческую активность? Да он пропадет без нее. Устав есть устав, но в конкретной обстановке солдат может — и должен! — принимать индивидуальные решения самостоятельно, опираясь на те правила, которым его научили. Так и стандарт не догма, а средство для решения задач. Стандарт, подобно уставу, впитывает передовой опыт, создает предпосылки для принятия правильных решений. Зачем человеку в каждом конкретном случае изобретать велосипед, если этот велосипед можно оговорить в стандарте? Пример: есть стандарт номер 541 по составлению годового комплексного плана мероприятий. Он регламентирует сроки, форму подачи плана. А в остальном принимаются и обсуждаются любые предложения.

В. АНОПКО. Я так и ответил: нет стандарта на образ мышления... Но есть вопросы и посложнее. Мы говорим о том, что комплексная система позволила навести порядок в управлении, во взаимоотношениях людей, добиться ритмичности. А вот недавно на производственном совещании в одном из цехов выясняли, почему конвейер полдня стоял. Причина всплыла сразу — не вовремя поступили детали из другого цеха. Стали разбираться дальше. Выяснили, что детали в том цехе были готовы к сроку, но их не могли отправить, так как до обеда отсутствовал контролер ОТК. Из-за одного человека сборочный цех полдня лихорадило, и система не смогла предупредить сбой.

В. ПЕРЕВАРИН. Прежде чем ответить, вспомню давний случай, связанный с внедрением автоматизированной системы управления. Установив первую электронно-вычислительную машину, мы решили испытать ее — пусть считает, сколько и каких материалов нам потребуется под годовой план. Составили программу, заложили в ЭВМ... И вот машина выдает расчет: заводу понадобится... пять граммов металла и миллион кубометров древесины! Или что-то в этом роде — словом, явную нелепость.

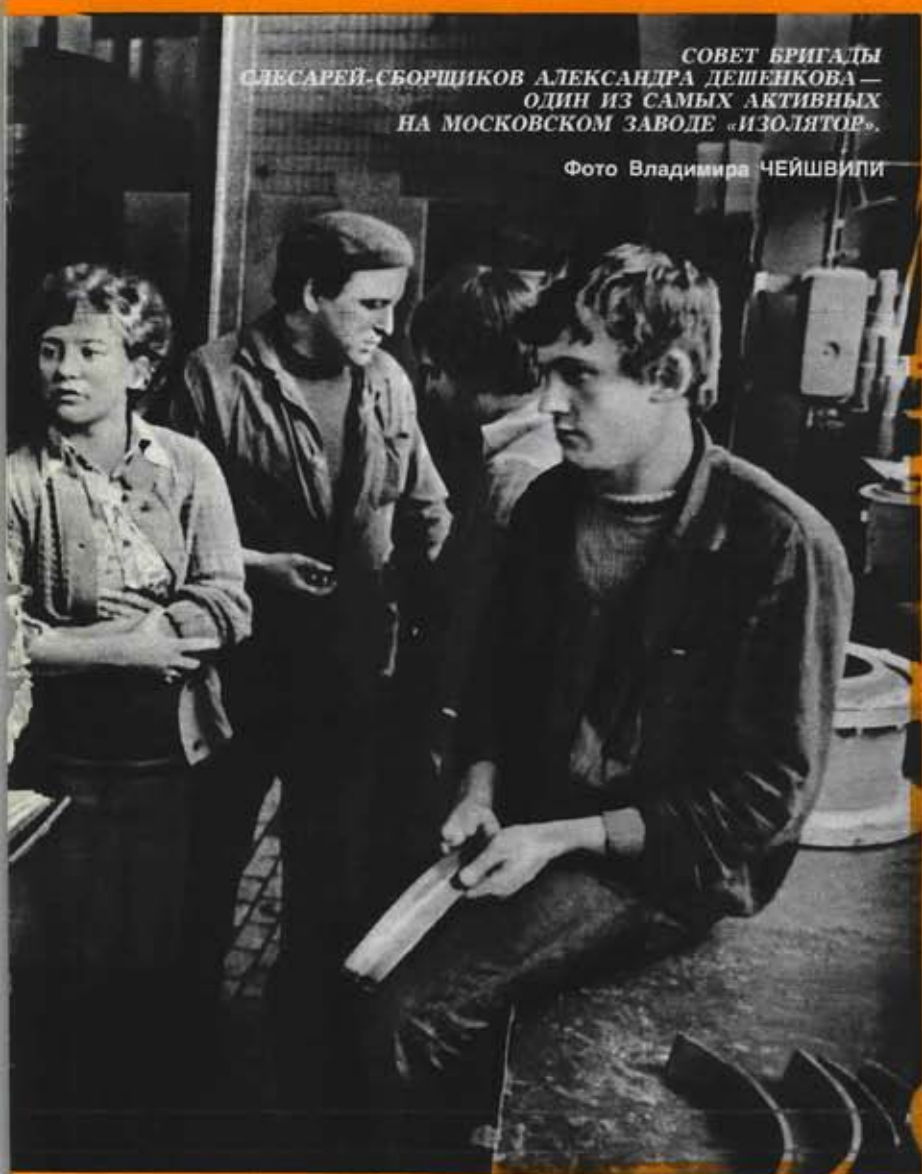
В. АНОПКО. По какой же причине?

В. ПЕРЕВАРИН. Да ведь чтобы машина выдала правильное решение, в нее надо вложить правильную информацию. А этим заняты люди... Несколькими ошибками в расчетах, в составлении программы для ЭВМ наложились друг на друга — ошибка конструктора, ошибка технолога и так далее. Наконец, мог ошибиться человек, обслуживающий машину, — допустим, нажать не ту кнопку. Но кто конкретно и в чем ошибся — сказать было трудно. Что же касается современного положения, — и вашего случая в частности, могу сказать с уверенностью, что комплексная система обязательно найдет виновника, кто бы он ни был, и накажет его. Это уже неплохо. Тем не менее, конечно же, проблема существует. Любая система зависит от работы человека. Человеческий фактор присутствует всегда. Поэтому мы очень во многом зависим от подсистем управления трудовыми ресурсами и социальным развитием — они непосредственно связаны с человеком. И в основном — с молодым человеком. У хозяйственников, к сожалению, не всегда доходят руки до этих проблем, так что здесь мы особенно рассчитываем — и вправе рассчитывать — на вас, комсомольскую помощь.

В. АНОПКО. Это наша, как я уже вначале говорил, прямая обязанность. Тем, кому сегодня за двадцать, завтра предстоит развивать и совершенствовать комплексную систему управления. С этой позиции сейчас ориентируем распространение технических, экономических, политических знаний среди молодежи — таково требование времени. А участие молодежи в плане социального развития коллектива — давняя традиция комсомольской организации завода. Комсомольцы участвуют в реконструкции цехов, которая ведется для

**СОВЕТ БРИГАДЫ
СЛЕСАРЕЙ-СБОРЩИКОВ АЛЕКСАНДРА ДЕШЕНКОВА —
ОДИН ИЗ САМЫХ АКТИВНЫХ
НА МОСКОВСКОМ ЗАВОДЕ «ИЗОЛЯТОР».**

Фото Владимира ЧЕЙШВИПИ

улучшения условий труда; провели множество субботников на строительстве жилья, общежитий, детских садов. Эта работа у нас постоянно на контроле... Хорошая школа управления — участие в соцсоревновании, в движении НТТМ. И еще вопрос, Василий Георгиевич. Вероятно, были и противники краснодарской системы?

В. ПЕРЕВАРИН. А как же. Все новое встречает сопротивление. Всегда придется начинать с учебы, с воспитательной работы даже среди крупных руководителей.

В. АНОПКО. Я сейчас подумал: без противников даже неинтересно было бы работать. Скучно, когда все во всем согласны и только поддакивают друг другу.

В. ПЕРЕВАРИН. Есть скептики и сейчас. Как члену постоянной комиссии по промышленности крайисполкома, мне приходится заниматься и другими предприятиями. Знаю, что отношение к комплексной системе неоднозначно. Некоторые руководители относятся к ней, как к временной кампании, считают лишней морокой. Здесь все тот же человеческий фактор — психологический барьер. Преодолеть его бывает труднее, чем решить сложную техническую проблему. Лучше всего убеждают цифры. А они таковы: за пять лет объединение на семьдесят процентов увеличило выпуск приборов при практически неизменной численности работающих; в прошлом году все четыре квартала занимали классные места в соревновании среди предприятий отрасли. Наконец, объединению присвоено звание «Образцовое предприятие». Это при том условии, что у нас более семисот поставщиков, не все из которых пунктуальны. Значит, несмотря на трудности, система действует, раскрывает наши внутренние потенциальные возможности.

В. АНОПКО. И раскрывает возможности, способности людей.

В. ПЕРЕВАРИН. Конечно, мы же договорились, что без человека любая система нежизнеспособна.

Диалог записал Владимир АНИСИМОВ

Владимир КОЗЛОВ,
кандидат юридических наук

Внимательно, с большим интересом прочитал в третьем номере «Смены» статью бригадира путевых рабочих из Целинограда Владимира Каа. Как юриста, мое внимание особо привлекли в ней два момента.

Первый. Как в рамках бригады развивается рабочая демократия, рабочее самоуправление? Момент важнейший. Бригадная форма организации и стимулирования труда становится основной в нашей экономике. Бригада — первичная ячейка трудовых коллективов, которым Конституция СССР предоставляет широкие права. Значит, от того, как используются эти права на уровне бригады, во многом зависит успех в работе всего производственного коллектива. Эти права должны определять законы жизни бригады. И, как видно из выступления бригадира Каа, это действительно так.

Второй момент. Давайте задумаемся над такой ситуацией: в процессе рабочего самоуправления бригаде приходится решать немало проблем нравственного порядка. Какое отношение к ним в правовом отношении? Думаю, взглянуть на дело с этой стороны полезно. Ведь бригада в наши дни — в особенности работающая на единый ряд — уже не просто первичная трудовая ячейка. Она призвана быть и низовым звеном управления. На эту роль ее прямо нацеливает действующее трудовое законодательство. Управлять же можно и должно только строго в рамках социалистической законности. Не нарушая при этом и законов нашей социалистической нравственности.

Анализируют ли сами бригадиры, советы бригад свою деятельность с этой точки зрения?

Жизнь невозможна без острых столкновений, конфликтов. Она часто ставит отдельных людей, а то и целые коллективы перед непростым выбором. Люди зачастую ищут выход, что называется, по собственному разумению, совершенно своим принципам, чувствам. Руководствуясь принятыми в коллективе оценками. Причем в разных коллективах эти оценки могут и отличаться друг от друга. Где-то терпимее относятся к

одним недостаткам, где-то к другим. Нравственный компас, безусловно, необходим в бурном море производственных коллизий, человеческих взаимоотношений. Но есть еще один компас — правовой. Очень важно, чтобы их показания совпадали. Чтобы, избрав в какой-то ситуации тот или иной выход, люди имели на него не только моральное право, но и право, предусмотренное законом. Тем более что закон вбирает в себя наши нравственные принципы.

Необходимо сразу заметить: для многих хозрасчетных бригад функция управления еще нова и потому особенно сложна. Так что какие-то ошибки и промахи тут в принципе объяснимы. Но их необходимо фиксировать, о них нужно знать, чтобы не только исправлять, но и не допускать в будущем.

Бригада Владимира Каа добилась немалых успехов, она не топчется на месте, в коллективе сложился благоприятный для дела микроклимат. Обо всем этом бригадир рассказал довольно убедительно. Мы вправе сделать вывод, что бригадная форма организации и стимулирования труда действительно благоприятствует развитию рабочей демократии, повышает роль трудового

наше: «Прошу зачислить меня в бригаду путейцев». И далее о том, что такой же порядок и в других бригадах.

Есть у бригады моральное право поступать так? Как будто бы есть.

А теперь все это проанализируем. Действующее законодательство о труде предусматривает возможность испытания нового работника, если администрация недостаточно осведомлена о его рабочих возможностях, либо сомневается, что его квалификация соответствует предоставляемой ему работе. Такое испытание может быть назначено при заключении трудового договора по обоюдному согласию рабочего и администрации. Причем следует заметить, что срок испытания не может превышать одной календарной недели. Необходимо знать: трудовой договор рабочий заключает не с бригадой, а с предприятием. Так что никакое испытание нового рабочего до заключения трудового договора законами не предусмотрено. А для некоторых категорий рабочих испытание вообще не положено.

Так что практика применения месячного испытательного срока противоречит законодательству. Она может привести к неприятным для бригады и

Мнение юриста

ДУЖ И БУЖВА

коллектива в управлении производством. Статья убеждает и в том, что на каждом рабочем месте, в каждой рабочей профессии бригадный подряд открывает неограниченные возможности для становления подлинно хозяйского отношения к коллективному труду, к его конечному результату, развивает трудовую активность, вскрывает дополнительные резервы.

Но давайте обратимся к некоторым примерам из жизни бригады.

«Если и решим принять человека на работу, — рассказывает бригадир, — то только с испытательным сроком. Месяц отработай, покажи себя. Если будем довольны, тогда можешь писать заявле-

администрации предприятия последствиям. Представим себе такой случай. Бригада установила испытательный срок новому рабочему. К концу месяца пришла к выводу, что коллектив его работа не устраивает. Обращаются с просьбой к администрации об увольнении. Человека увольняют как не выдержавшего, по мнению бригады, испытательный срок. Не работал он так, как принято в коллективе, как нужно коллективу. С точки зрения нравственности претензий тут быть не может. Но если уволенный таким образом работник обратится в суд, его обязательно восстановят на работе в прежней должности. И суд еще накажет виновное в незаконном увольнении должностное лицо, обязав возместить ущерб, причиненный предприятию, — речь идет об оплате вынужденного прогула. Вот к чему приведет расхождение между правом моральным и правом, определенным законом.

Но все это отнюдь не означает, что у бригады нет никаких прав, когда дело касается отбора рабочих. Права эти вполне достаточны. Надо только уметь, не переступая черту законности, пользоваться ими.

Так, совет бригады (если в бригаде нет совета, его функцию выполняют совместно бригадир и профгруппорг) вправе рассматривать вопросы приема в бригаду новых членов, выведения из ее состава, а также увольнения отдельных членов. Бригада может вывести из своего состава некоторых работников, если на общем собрании коллектива было принято решение о выполнении доведенного ей плана меньшим составом. В таком случае выведение освобожденных рабочих производится по правилам, предусматривающим сокращение численности или штата рабочих. Позиция бригады будет неуязвима как с моральной, так и правовой стороны.

Вопрос же об увольнении может и должен рассматриваться лишь как высшее дисциплинарное взыскание за нарушение трудовой дисциплины или другие проступки, исчерпывающий перечень которых содержится в статье 17 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде.

По всем этим вопросам совет бригады

После выступлений «Смены»

«РАЗРЫВ»

«Во что обходится РАЗРЫВ между передовым предприятием и заброшенным общежитием» — так называлась статья нашего специального корреспондента, выезжавшего по письму читателей в город Кайраккум Таджикской ССР, и опубликованная в «Смене» № 7. Статья рассказывала о крайне неблагоприятном положении, сложившемся в одном из общежитий Кайраккумского производственного коврового объединения.

В редакцию пришли ответы на это выступление.

«Сообщаем вам, что статья специального корреспондента «Смены» И. Серкова «Разрыв» обсуждена партийным и профсоюзным комитетами в присутствии администрации объединения. Организована также встреча руководителей объединения с жителями соседнего общежития, расположенного по улице Ленинабдской, 47.

Для улучшения жилищных условий жильцов этого общежития в теку-

щем году в нем будет произведена реконструкция, за счет чего вдвое увеличится жилая площадь каждой семьи, будут построены кладовые для хранения овощей, детская площадка, проведен капитальный ремонт бытовых помещений, сантехники, электросистемы, построена прачечная. Работы по ремонту сантехнических коммуникаций уже начаты.

В настоящее время в общежитии № 2 проводится капитальный ремонт бытовых коммуникаций с заменой сантехнического оборудования.

В 1982 году строителями будет сдано еще одно общежитие. С его вводом в эксплуатацию улучшатся жилищные условия 40 семей.

Партийный комитет взял под контроль выполнение всех мероприятий по общежитиям объединения.

М. РАХИМОВ,
секретарь парткома

Кайраккумского производственного коврового объединения»

Министерство легкой промышленности Таджикской ССР сообщает, что статья «Разрыв» рассмотрена на заседании коллегии министерства и Республиканского комитета профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности Таджикской ССР (протокол № 43). Факты, изложен-

ные в статье, полностью подтвердились.

Постановлением коллегии обращения влиятельные руководители Кайраккумского коврового объединения на отсутствие должной заботы по созданию необходимых жилищно-бытовых условий рабочих и их семей, проживающих в общежитии.

За недостаточное внимание к улучшению жилищно-бытовых условий рабочих и служащих, невыполнение предыдущих решений коллегии министерства по этим вопросам заместителю директора по быту тов. Сотиболдиеву А. С. объявлен выговор. За неприятие должных мер для ускорения своего строительства под строительство нового общежития и невыполнение плана ввода его в эксплуатацию в IV квартале 1981 года заместителю директора объединения тов. Устюжанину А. В. вынесено порицание. Руководству объединения поручено осуществить ряд мер, направленных на устранение недостатков и улучшение быта рабочих и служащих, проживающих в общежитиях объединения.

В 1982 году начатое окончание строительства общежития на 200 мест, в 1983 году — начало строительства 60-квартирного жилого дома.

Т. МИРХАЛИКОВ,
министр легкой промышленности Таджикской ССР»

может выработать свои предложения и передать их на рассмотрение администрации предприятия. Если предложение достаточно мотивировано, администрация может согласиться с мнением совета и принять окончательное решение в точном соответствии с трудовым законодательством. И тогда упрекнуть бригаду будет не в чем.

Другой пример из рассказа целиноградского бригадира, мимо которого не может пройти юрист,— это история увольнения рабочего Николая. Не может, потому что возникают большие сомнения в правильности действий бригады и администрации по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины. Да и опасность потерь морального плана здесь весьма очевидна.

Владимир Каа характеризует Николая как «большого лентяя». Он не объясняет, в чем конкретно заключалась его «большая лень». Остается догадываться, потому что эмоции, вложенные в определение «лентяя», юриста устроить не могут. Очевидно, это был рабочий, который систематически и умышленно, без уважительных причин не выполнял нормы выработки, недобросовестно относился к другим трудовым обязанностям. И, надо полагать, неоднократно привлекался за это к дисциплинарной ответственности. Подчеркиваю — неоднократно. Лишь прогул, как исключение из общего правила, может повлечь за собой сразу самое строгое наказание — увольнение с работы.

Что ж, если все обстояло именно так, законодательство о труде предусматривает в подобных случаях и увольнение. Но увольнение — крайняя мера. Ее применение возможно лишь тогда, когда исчерпаны все другие меры воздействия. Когда коллектив выполнил свой нравственный долг — попытался перевоспитать человека. Здесь, как мы видим, закон прямо диктует моральный подход к делу.

Предположим, Николай заслужил такое строгое наказание. Но почему же бригада Владимира Каа, освободившись от «лентяя Николая», долгое время вполне терпимо относилась к другому прогульщику — Михаилу Ивановичу? И тут выясняется, что, прогулав несколько дней, он потом оставался на сверхурочную работу и «все с лихвой возвращал». Автор имеет в виду, что Михаил Иванович в результате ничего не терял в заработке, несмотря на прогулы. Но ведь своей сверхурочной работой этот работник способствовал и выполнению бригадного плана, не правда ли? Так, наверное, именно поэтому коллектив терпел его грубейшие нарушения трудовой дисциплины? И если потянуть эту ниточку дальше, не потому ли бригада освободилась от «лентяя Николая», что он не хотел выходить на сверхурочные работы? И дело было не в умышленном, без уважительных причин невыполнении норм выработки? Очень хочется верить, что мои предположения неверны, что бригада все-таки не просто освободилась от Николая, а прежде попыталась сделать все, чтобы повлиять на парня, научить его работать добросовестно. Иначе действия ее никак не назовешь ни высоконравственными, ни законными.

Да, постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» руководство предприятий и общественные организации обязаны решительно искоренять факты примиренческого, либерального отношения к нарушителям трудовой дисциплины. Такая же обязанность ложится на бригадиров и трудовые коллективы. Не случайно при оценке их деятельности, подведении итогов социалистического соревнования, присвоении и подтверждении звания коллектива коммунистического труда показатели трудовой дисциплины должны учитываться наряду с основными показателями работы. Это жесткие требования. Они продиктованы временем, которое требует непримиримости к тем, кто не желает добросове-

стно трудиться, тем самым пренебрегает нравственными законами нашей жизни.

Но постановление партии, правительства и профсоюзов требует одновременно усилить воспитательную работу с нарушителями. Это тоже обязанность бригадиров и бригад. Бригадная форма организации и стимулирования труда призвана способствовать решению не только экономических, но и социальных задач, воспитывать в людях коллективизм, коммунистическое отношение к труду, высокие нравственные качества.

В связи с этим еще одно замечание. Трудно согласиться с установившейся в бригаде целиноградских путейщиков практикой сверхурочных работ, в которых видят и панацею от всех бед и показатель заинтересованности отдельного рабочего в общем деле коллектива. Вышел на сверхурочные — предан коллективу, нет — чужой, не болееешь общими нуждами. Напоминаю: сверхурочные работы могут назначаться только в исключительных случаях, установленных законодательством. И проводиться — лишь с разрешения местного комитета профсоюза. Они строго ограничены и по количеству часов. И вряд ли правомерно, исходя из отношения к ним, судить о моральном облике человека. Более того, если сверхурочные назначаются с нарушением трудового законодательства, негативное отношение к ним может свидетельствовать как раз о моральном, принципиальном подходе к делу.

Настораживает в рассказе Владимира Каа и такой момент.

Экономическая, социальная, воспитательная линия бригады может быть лишь составной частью деятельности всего трудового коллектива предприятия. А в изложении целиноградского бригадира дело выглядит так, будто администрация, по существу, не вмешивается в деятельность бригад. Возьмем тот же пример с увольнением рабочего Николая. Бригада не захотела с ним работать. Он обратился к начальнику цеха с просьбой о трудоустройстве. Разве такое обращение не свидетельствует о его желании работать? По-моему, несомненно. А вместо конкретной помощи начальник цеха в оскорбительном, на мой взгляд, тоне предлагает рабочему: «Я бы, знаешь, тебя устроил. Я лично. Но... бригада тебя не берет. Или иди к ребятам в ножки падай, проси, или...» Прямо не сказал, но совершенно недвусмысленно предложил уволиться.

Как и в случае со сверхурочными работами, руководство цеха не контролировало положения. Подобного рода невмешательство чревато серьезными издержками. Как экономического, так и морального плана. В любом конфликте одного работника с коллективом, даже если он прямо не касается администрации, она остается ответственной стороной в трудовом договоре с каждым конкретным рабочим своего предприятия. При любой форме организации труда. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Есть немало других проблем правового характера, касающихся жизни и деятельности новой по форме и сути производственной бригады. Они не ограничиваются только ее рамками. Они тянутся к другим бригадам, к руководству предприятия. Обсуждение этих проблем на страницах журнала содействовало бы правовой подготовке руководителей бригад, повышало бы роль трудовых коллективов в управлении. Заниматься же управлением можно, лишь руководствуясь принципом: какой бы выход в сложившейся ситуации ни подсказывало нам нравственное чувство, эмоции, их необходимо проверить прежде всего законом. Даже если его рамки и покажутся кому-то на первый взгляд недостаточно широкими. Жизнь, практика доказывают: все, что действительно, по-настоящему, в основе своей нравственно, всегда найдет в законе союзника и помощника.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1329) ОКТЯБРЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: на границе Грузии, Армении и Азербайджана возвышается монумент, символизирующий дружбу народов СССР. Каждый год комсомол республик Закавказья устраивает здесь торжественные встречи молодежи.

Фото
Сергей ВЕТРОВА

1 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ.
РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.
«УПРАВЛЕНИЕ: МЕСТО И РОЛЬ МОЛОДЕЖИ».

6 «РОССИЯ, РОДИНА МОЯ!». Стихи поэтов РСФСР.

8 Владимир ДЕСЯТНИКОВ.
«НЕИСТОВЫЙ ЧЕЛЛИНИ».

12 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
«ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА».
«КУСОЧЕК НЕБА, УПАВШИЙ НА ЗЕМЛЮ».
Фотоочерк Зория БАЛАЯНА,
Сергея ВЕТРОВА и Александра НАГРАЛЬЯНА.

14 «ВЕРА В ДОБРО И ЛЮБОВЬ».

18 СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА: «ШТЕРН», ФРГ.
Петер ТОМСЕН. «ВСЕ — СПЛОШНОЙ ОБМАН...».

19 Алина ЧАДАЕВА.
«ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СЕВЕРА».

20 «ВАРНИЦА».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Сергея ПЕТРУХИНА.

22 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

24 Марианна ДИХТЯРЬ. «КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ».

25 АВТОБИОГРАФИИ.
Анастасия ЗУЕВА, народная артистка СССР.
«СКОЛЬКО СЫГРАНО — СТОЛЬКО ПРОЖИТО...».

28 Повесть Николая ОГАНЕСОВА
«НЕПОХОЖИЙ ДВОЙНИК».

32 КОНКУРС «НАША РОДИНА».
«ЛЕТОПИСЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ». Третий тур.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАЙН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

Виктор ШИРОКОВ

В краю непуганых ромашек,
где краток сон

и долог крик,
круги затерянности нашей —
как над метелью снегири.
Растут неслышимые сосны
в горячей

слышимой траве,
и промелькнет,

едва осознан,
то ль миг летящий,

то ли век.
Замру на медленной опушке
в разливе света,

как в броду,
к чужой прислушаюсь

кукушке,
шагну несмело —

и войду,
войду в леса твои,

Россия,
и, паутинкой ослепясь,
глаза закрою,

обессилев,

но нет,
не выплакать тебя...

Борис КУНЯЕВ

Осень на Уссури

Октябрь-художник поработал лихо,
На склонах сопок красочный набор:
Оралия, лимонник, заманиха
Заманивают в чащу, в недра гор.

Малиновые гроздья на лазури,
Лиловый кедр, алмазная трава.
Багрянец, синева и чистый сурик,
И снова — чистый сурик, синева.

Березы лучезарной встали стенкой,
В янтарных листьях тонут сапоги.
Сто солнечных цветов и сто оттенков
Земля не пожалела для тайги.

Ни ветерка — торжественно и тихо,
Раскраской раскрывают имена
И бархатное дерево и пихта,
Орешник и приморская сосна.

Любой листочек размалеван хитро,
В росинке каждой светится кристалл.
Я в жизни не видал такой палитры,
Таких мазков ярчайших не видал.

Как описать? Каким
заветным словом
Мне рассказать об этой красоте?
Стою один на сопке, околдован,
Слова мои высокие, — не те.

Анатолий СМИРНОВ

Былина

Тихим рассветом над ширью полей
В Россию летели пять журавлей.
Вышла из дому старая мать,
Чтобы гостей дорогих повстречать.

Было у матери пять сыновей,
Стало у матери пять журавлей...
Первый журавль —

это старший — Иван:
«Мама, пошел я на смертный таран.

Это случилось в бою под Москвой,
Вражий пилот
будет помнить мой бой...»

«Мама, не сдал я врагу Сталинград!»
Это рассказ начинает Игнат...

Третий журавль
повернул вдруг к реке:
Это — Василий. «На Курской дуге

Пал я в неравном и тяжком бою,
Но не подвел батарею свою...»

Слышится матери голос Петра:
«Мама, убит я на склонах Днепра.

Чтобы спасти от гибели взвод,
Грудью упал я на вражеский дот...»

Пятый журавль
показался над крышей,
Вскрикнула мать:

«Это младший мой, Миша».
Ехал с победой, от счастья хмелен,
Бандой обстрелян был эшелон...

Свежее утро, исчезла роса,
Стихли вдали журавлей голоса.

Было у матери пять сыновей,
Стало у матери пять журавлей...

РОССИЯ, РО

Борис СОКОЛОВ

Тонкие ветки в полоске света —
росчерк пера.
Упруго, глухо толчками где-то
стук топора.

Тихие, сонные, окна — в низину,
хаты стоят.
Смотрят лениво на вечер синий,
на листопад.

Желтые капли — дождь на дорогу
золотом слез.
Сумрак-старик чуть волочит ногу
вниз, под откос.

Никнет березка. Кудрями светлыми
вьется кора.
Глухо, как в вате, отзвуком лета
стук топора.

Тревожные огни,
желтые блики на рельсах,
сколько лет назад я видел вас
в раскрытые двери теплушек?
И слышал песни под стук колес
в сухой степи,
пропахшей полынью.

Громыхали мимо
разбитые полустанки,
стонали под ветром
искромсанные железом березы.
И шли на запад
составы за составами,
а меня везли на восток.
И пели матросы.

И слезы текли
по женским щекам
горше полыни...
Когда это было — давно?
А может, недавно?
Сколько серых шинелей
в черной земле истлело?
Был я мал и запомнил тогда немного.
Но никогда
не забыть мне тех песен,
что пели матросы.

Алексей РОГОВ

За игрой виртуоза
вся округа следит,
не шурша.
Засветлела береза,
обнажилась природы душа.

Для последней улыбки,
для последних даров октября.
Клен играет
на скрипке,
на костре вдохновенья горя.

А назавтра — попался!
Хоть играй ты,
хоть в голос кричи.
Осыпаются пальцы
в наступившей жестокой ночи.

Наступает возмездье
за сезон небывалых удач,
и со скрипкою вместе
умирает великий скрипач.

Римма
ЧЕРНАВИНА

Деревья молчаливы,
неподвижны,

Разобщены.
Но в разобщенности своей
Едины.
Их единит
отсутствие

Вражды.
Вражда чужда
Деревьям
и кустам.
И травам,
и цветам.
Как счастливо бы жили

я и ты.
Когда б меж нами
не было вражды!

Виктор РЕВЯКИН

Мастер

Под палящими лучами,
К набегающей волне
Мальчик строил дом песчаный
И взаврадашний вполне.

Стеночку поставил прямо
И камин к стене приткнул.
И счастливо крикнул: «Мама!
Я построил!»—И вздохнул.

На курортном знойном месте,
Где положено лежать,
Мальчик—зодчий ли безвестный?—
Дом свой начал украшать.

И внутри и на подворье
Представлялась счастьем жизнь...
А у ног кипело море
И могло все сокрушить.

Свято веря, что всевластен—
Он-то в жизни зла не знал,—
Чистый мир свой создавал
И смеялся малый мастер.

Николай НОВИКОВ

Загорянка

Постоит минуту электричка,
Простучит
и сгинет за леском...
Тут же и припомнится привычка:
Туфли скинь
и шлепай босиком.

Все иди
да узнавай подошвой
Летней пыли прежнее тепло,
Очертанья колеи заросшей,
Камешки
и битое стекло.

Над рекой прошелестят стрекозы:
— Сколько зим,
дружище, сколько лет!
— Здравствуйте!
Степенные березы
Покивают вежливо в ответ.

Как хозяин,
обходи владенья,
Сколько глаз хватает—
все твое:

Тропок
и дорог хитросплетенья,
Сизый лес и сивое жнивье.

Маленькими часиками
в полдень
Тикают кузнечики в траве.
Дух лесной вдохнешь
дыханьем полным—
И свежо и чисто в голове.

Ляг,
раскинись—
в океане синем
Белые плывут материки.
Где б тебя по свету ни носило,
Как бы ни мутило от тоски,

Знаешь:
за горами—Загорянка.
Там и перелески, и ручьи,
И любой бугор,
любая ямка—
Родственники близкие твои.

Борис ВАСИЛЬЕВ

Память тех дней...

Небосвод, как разглажен!
Ни тучки,
Ни облачка нет.
И не верится даже,
Что с войны столько минуло лет.
Я полями иду,
Золотятся хлеба
И овсы...
И заходится дух
От такой несказанной красоты.
Солнце режет глаза,
Сок земли
У корней иссяк...
Громыкает гроза,
Исцелительный ливень неся.
Пональется зерно,
И умолкнет,
Оглохнув, гроза.
Заблестят озорно
У счастливых казачек глаза.
Дай им счастья,
Судьба,
От невзгод и беды охрани.
Убирают хлеба
И готовятся к свадьбам они.
И за щедрым столом,
Никому
Не поставя в вину,
Кто-то вспомнит о том,
Как от голода пухли в войну.
Он со всеми споет,
Быть хмельным в этот день
Не порок.
Как военный паек,
Вдруг поделит румяный пирог.
Отпусти, отпусти
Его память
С войны навсегда.

ДИНА МОЯ!

Николай КАРПОВ

А что мне память сохранила
О малой родине моей?
Голубоватый блеск светила
И пенье липовых ветвей.
Полураскрытые пионы,
И печки сказочный уют,
И крики вестие вороны,
Что спать доньше не дают.
И речь рокочущей гитары
В руках веселого отца,
И сад, запущенный и старый,
Как лес дремучий—без конца...
И вдруг возникшее жестоко,
Как обнажившееся дно,
То ощущение истока,
Куда вернуться не дано.

Светлана ВИШНЕВСКАЯ

Крапивный дождь

Слышу снова дождь
крапивы прежней,
снова гнутся стебли тех дождей,
шелестевших еле слышной песней
Девочки,
не знавшей этажей.
Все осталось
цвести, шуршать, плескаться,
чтобы плеск,
и шорох, и расцвет
мог метать мгновения акаций
в девочку,
которой больше нет.
Чем метнуло время
в крышу дома?

Где мой дом,
стоявший сотню лет?
Знал ли, что доохает до слома,
обнажив дубовый свой скелет?
Дождь рассеян.
Сад в дождях потерян.
Дом стоит без окон, без дверей
под дождями стихнувших растений,
под дождями смолкнувших зверей...
Дождь, наверно,
станет молчаливей,
но, наверно, не устанет петь
песню детства и крапивных ливней
то окно,
какого больше нет.

...Крошки хлеба в горсти,
Плесневелая в бочках вода.
Как те годы близки,
Словно было то время
Вчера.
Собирать колоски
Выходила в поля детвора.
С лебедой попадам
Испекали
Хлеба на золе...
В золотые поля
Выплывает комбайн на заре.
Скажет кто-нибудь мне
Над цветинистой
Нивой жнивья:
Вспоминать о войне
Ни к чему, так богато живя.
Что ж, он, может быть, прав,
Молодой,
На стальном скакуне.
Только в запахе трав
Запах голода чудится мне.
Я полями иду,
Воздух пью,
Как березовый сок.
И у всех на виду,
Как святыню,
Несу колосок.
Этот колос в горсти—
Повседневная наша еда...
Видно, память тех дней
Не отпустит меня
Никогда.

Наталья БАБИЦКАЯ

Слушая вальс Георгия Свиридова

Когда слеза не слушается глаз
и жизнь вспорхнет надеждой
на удачу,
благодарю я всех, творящих вальс
из ливня арф, из скрипок переплеча.

Благодарю и славлю я того,
кто музыку
на нотных
строчках вывел,
кто, мастерством
приправив волшебство,
его напиток жгучий дал мне выпить.

Но все—и музыкант и нот творец—
благодарят его, чей смуглый гений
«Метели» беломраморный дворец
возвел навеки, на века, над всеми.

Рисунки
Олега ВУКОЛОВА

Вячеслав ЕГИАЗАРОВ

Летели птицы за ветром марта.
И отступали пурга и мгла.
Летели птицы... Какая карта
с пути не сбиться
им помогла?

Летели птицы. С весной спешили.
Одной дорогой—миллионы лет!
И улыбались им люди
или
смотрели с грустной надеждой вслед.

Роса

Замри
и не дыши!
Рождается слеза.
Мы говорим «роса»,
А это плачут травы.
Не видим их глаза,
Не слышим голоса,
Но слезы их
Чисты
И величавы.

Верхом на лошади ехали двое и во всю силу молодых глоток пели, а точнее, орали какую-то веселую чепуху. Правил лошадей Бенvenuto, сын флорентийского музыканта и архитектора маэстро Джованни Челлини. Маэстро принуждал сына, обладавшего талантом игры на флейте, стать музыкантом, но Бенvenuto хотел быть ваятелем и в девятнадцать лет бежал из Флоренции.

Сзади Бенvenuto сидел резчик по дереву Тассо, тоже жаждавший перемен. Впоследствии он прославился как архитектор, построивший знаменитый Новый рынок во Флоренции.

Молодые люди ехали в Рим, завязав на спине рабочие фартуки. По этим фартукам всякий мог догадаться—едут вольные работники, готовые своим трудом и талантами стяжать себе славу. Бенvenuto прятал на груди сделанную им серебряную пряжку для пояса. В Риме он показал ее золотых дел мастерам. Тем ничего не стоило отличить сову от воробья, и будущее Челлини было обеспечено. Кардиналы, знатные римляне наперебой заказывали ему чаши и ларцы, браслеты и перстни. Работал Челлини споро и в короткое время обрел известность своим мастерством. Деньги не копил. Большую часть заработка отсылал отцу, помогал сестрам. Главным для него было желание сравняться искусством с самыми большими художниками-ювелирами. Поэтому Бенvenuto много рисовал с античных скульптур, копировал рисунки Рафаэля, Микеланджело, Леонардо. Он покупал у крестьян античные монеты, медали, кулоны, перстни, найденные при окапывании виноградников. Бенvenuto раз и навсегда взял за правило—сначала рисовал будущую вещь, затем лепил восковую модель и только после этого приступал к работе в материале.

Молодой Челлини познакомился с известными художниками. Друзья свели его со скульптором Пьеро Тарриджани. Тарриджани приехал погостить из Англии. Он хотел набрать даровитых юношей себе в помощники, чтобы лучше справиться с заказами короля. Челлини чуть было не уехал с ним, но помешал случай. Рассматривая как-то прекрасно исполненный рисунок с картонки Микеланджело «Битва при Кашине», Тарриджани рассказал, что еще мальчишкой он учился рисовать вместе с Микеланджело, у которого тогда была привычка издеваться над всеми, кто рисовал. Тарриджани однажды не выдержал насмешек Буонарроти и сильно хватил его кулаком по носу—нос превратился вроде как в трубочку с взбитыми сливками, и с этой метиной Буонарроти остался на всю жизнь. Рассказ Тарриджани породил у Челлини такую ненависть к нему, что ни о какой Англии и речи быть не могло.

Микеланджело для Челлини всю жизнь был самым большим авторитетом. Его он называл не иначе как «божественный Буонарроти». Когда, бывало, Микеланджело заходил в мастерскую Челлини, чтобы посмотреть новые работы, то Бенvenuto чувствовал себя именинником. А уж если великий скульптор порой хвалил что-то, Челлини, подстегнутый похвалой, мог работать сутками, без сна и отдыха.

Шло время. Челлини работал и учился то во Флоренции и Риме, то в Пизе и Сиене и снова в Риме. Давно известно, что большой талант разносторонен и многокрасочен, как букет цветов. У Челлини были выдающиеся музыкальные способности. Услышав как-то его игру на корнете, придворный музыкант папы Климента VII пригласил Челлини сыграть на празднике. И вот в торжественный день октет, в который входил и Челлини, тонко и слаженно заиграл в папском дворце. Климент VII слушал и восхищался. Музыка звучала чарующе сладостно. После концерта папа подозвал к себе дирижера и спросил, откуда он достал такой хороший корнет для сопрано. Тот назвал Челлини. «Так это сын маэстро Джованни?»—спросил папа. Оказывается, они были знакомы по Флоренции. За концерт папа дал музыкантам сто золотых скудо и велел поделить их поровну. Когда же узнал, что Бенvenuto еще и искуснейший ювелир, то он захотел насладиться и этим умением Челлини.

Для начала Челлини получил заказ на изготовление большой застежки для папской ризы. Застежка величиной с блюдце, по желанию папы, должна была иметь полурельефное изображение бога-отца. Украсить ее предполагалось огромным алмазом с множеством других камней большой ценности. Челлини с присущей ему страстностью взялся за работу. Тем временем его завистники из золотых дел цеха задумали отобрать у него выгодный заказ. Двое из них, приближенных к папскому двору, сделали десяток рисунков застежки. А Челлини, зная себе, работал с утра до ночи и за несколько дней сделал модель застежки в натуральную величину. В назначенный час все трое явились во дворец. Папа—а он понимал толк в искусстве—начал смотреть рисунки. Ни один из рисунков ему не понравился. Папа приказал: «Покажи-ка сюда, Бенvenuto, твою модель, чтобы я видел, та же ли у тебя ошибка, что и у них». Челлини подошел и когда раскрыл круглую шкатулочку, то словно от яркого луча папа зажмурился и восторженно воскликнул: «Если бы ты сидел у меня в теле, ты бы сделал это как раз так, как я вижу. Эти же двое ничего другого не могли придумать, чтобы опозориться». Столпилось множество вельмож, и папа показывал им разницу между моделью Челлини и рисунками. «Я здесь вижу,—продолжал он,—только одну беду, но она превеликой важности, мой Бенvenuto, с воском работать легко; вся штука в том, чтобы сделать это из золота». На это Челлини ответил: «Если я не сделаю в десять раз лучше, чем эта моя модель, пусть будет условлено, что вы мне за нее не платите».

Через неделю Бенvenuto развернул перед папой золотую пластину, где пока был изваян только бог-отец. Однако и вчерне застежка вызвала восхищение. Папа сказал: «Отныне вперед всему, что ты скажешь, я готов верить». Тут же Челлини получил еще один важный заказ—сделать чеканы для папских монет. Через некоторое время Бенvenuto принес чеканы во дворец, захватив с собой все старые монеты, которые выпускали предшественники Климента VII. Папа приятно изумился мастерству и быстроте работы. Тогда Челлини достал из-за пазухи заротовленный им указ о назначении его на должность чеканного мастера монетного двора. Папа отдал указ начальнику двора. Тот с плохо скрываемой завистью сказал: «Вашему святейшеству незачем так торопиться: это дела, которые требуют некоторого размышления». Папа тогда взял указ назад и

подписал его: «Теперь уже не может быть возражений; справьте его сейчас же, ибо я так хочу; и больше стоят сапоги Бенvenuto, чем глаза всех этих прочих тупиц».

Вскоре в Риме стали попадаться фальшивые монеты. Их отнесли к папе, намекнув, что это не иначе, как работа Челлини. Папа вызвал начальника монетного двора и губернатора Рима. И те, словно сговорившись, заявили, что никто другой, кроме Челлини, не сможет сделать таких монет. За художником установили негласное наблюдение. Бенvenuto, почувствовав его, почти не выходил из мастерской. Тогда папа послал за ним. Встретил художника как всегда ласково, и во время разговора папа между прочим спросил: «Бенvenuto, взялся ли бы ты делать фальшивые деньги?»

Художник без обиняков ответил, что фальшивые деньги сделаны его чеканами, но без должного тщания и искусства и на примере показал небрежность в чеканке новых монет. «Сам бы я сделал это куда лучше,—заклучил Челлини,—однако никогда бы не взялся за подобные вещи. Этот дурак начальник монетного двора зол на меня, поэтому и не хочет искать вора там, где следует». Папе показали доводы Челлини убедительными, и он отпустил его с миром. Через несколько дней были пойманы с поличным чеканщик монетного двора и его помощник, которые небрежно делали насечку на ребрах фальшивых монет.

Работая на монетном дворе, Челлини вскоре сделал подлинный шедевр нумизматики—монету ценой в два карлино с изображением головы Климента VII. Она так понравилась при дворе, что ватиканский секретарь в присутствии папы сказал: «Ваше святейшество может гордиться, что у него есть монета, какой мы не видим и у древних, при всем их великолепии». И вот здесь, может быть, и пробежала «кошка» между папой и художником. Климент VII ответил на это: «Также и Бенvenuto может гордиться, что служит государю, подобному мне, который его знает».

Климент VII ошибался, когда говорил, что знает «своего Бенvenuto». Вскоре Челлини получил заказ сделать рисунок богато украшенной чаши. Не теряя времени и не дожидаясь дальнейших распоряжений, он создал и рисунок и рабочую модель чаши из дерева и воска. Чаша стояла на ножках в виде трех

Владимир
ДЕСЯТНИКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

НЕИС

женских фигурок. Подножие ее было украшено сценами из библей, закомпонированными в трех кругах. Папа то и дело хотел видеть чашу, чтобы полюбоваться работой. В один из показов, а дело происходило во дворце, Челлини весьма деликатно попросил у папы должность, которая давала бы ему материальную свободу. Папа уклончиво сказал, что Челлини тогда бы начал «почесывать живот» и его искусство пропало бы, а в ответе был бы папа. На что Бенvenuto заявил: «Породистые кошки лучше охотятся с жиром, чем с голоду; так и те честные люди, которые склонны к талантам, гораздо лучше их применяют к делу, когда у них есть в переизбытке, чем жить». Тотчас же откланявшись, художник ушел. Вдогонку ему Климент VII бросил: «Этот дьявол Бенvenuto не выносит никаких замечаний... нельзя же быть таким гордым с папой».

Рассерженный папа больше не вызывал Челлини, а тот ни за что не хотел идти во дворец без вызова. Собираясь на время уехать из Рима, папа наконец дал знать, что хочет посмотреть, как продвинулась работа над чашей. Бенvenuto при встрече просил папу оставить ему пятьсот золотых скудо, частью в расчет, а частью для окончания самой чаши. Расставаясь, папа сказал: «Кончай, кончай ее». Художник ответил, что кончит работу, если ему оставят денег.

В отсутствие папы легатом в Риме был оставлен кардинал Сальвиати. Через неделю он послал за Челлини: «Где это твоя мешанина с луком? Кончил ты ее?»

На что художник ответил: «О преосвященный монсиньор, мешанину свою я еще не кончил, и не кончу, если вы мне не дадите луку, чтобы ее кончить».

Вернулся папа. Художника встретил грубо и неприветливо, почти как Сальвиати: «Дай сюда свою работу; что, кончена она?» Художник развернул тряпку. Папа увидел, что чаша не продвинулась ни на йоту: «Божьей истиной говорю тебе, который взял себе за правило ни с кем не считаться, что если бы не уважение к людям, я бы тебя вместе с этой работой велел выбросить из этих окон». «Видя, что папа стал таким сквернейшим скотом,—писал в своих воспоминаниях Челлини,—я решил поскорее от него убраться».

Когда Сальвиати обозвал его работу «мешаниной с луком», Челлини так разволновался, что на время даже ослеп. «Цельный свет того не делает,—сказал Челлини папе в свое оправдание,—чтобы слепой человек был обязан работать над такими вещами». Еще больше повысив голос, папа сказал: «Я не верю ничему из того, что ты говоришь».

С тех пор Челлини забыл дорогу во дворец. Тогда папа, по наущению завистников мастера, решил уволить его из своего монетного двора, лишит всяческого содержания и тем заставить закончить чашу. С этим известием и пришел к Челлини самый ярый враг его, придворный ювелир Помпео. «Скажите его святейшеству,—сказал художник,—что монетный двор отнял у себя, а не у меня»... Тогда папа, выйдя из себя, послал все того же гонца сказать, что требует чашу в любом виде. На это художник ответил: «Это не монетный двор, чтобы ее можно было у меня отнять; конечно, те пятьсот скудо, что я получил, принадлежат его святейшеству, каковые я ему немедленно верну; а работа—моя, и с ней я сделаю все, что мне угодно».

Папа велел арестовать Челлини, если он не отдаст чаши. На это художник ответил: «Если бы я отдал работу его святейшеству, я бы отдал свою работу, а не его, а я свою работу не хочу ему отдавать; потому что, подвинув ее много вперед своими великими трудами, я не хочу, чтобы она досталась в руки какому-нибудь невежественному скоту, чтобы он с малым трудом мне ее испортил». Несговорчивого Челлини доставили к римскому губернатору, и тот от имени Климента VII заверил его: «Папа говорит, чтобы ты мне принес сюда работу и чтобы при мне ее положили в коробку и опечатали, затем я должен отнести ее к папе, каковой

В публикации использованы цитаты из книги «Жизнь Бенvenuto Челлини». Изд-во «Художественная литература», М., 1958 г.

обещает своим словом не трогать ее из-под печати и тотчас же тебе ее вернет; но это он хочет, чтобы сделано было так, дабы иметь в этом также и ему долю своей чести». Художник, смеясь, согласился, сказав, что он охотно даст свою работу, потому что хочет судить, на что похоже папское слово.

Когда папа получил коробку с чашей, он с гневом сорвал печати, снял веревки, говоря при этом: «Вы скажете Бенвенуто, что папы имеют власть решить и вязать вещи куда поважнее этой». Показав чашу придворному ювелиру, папа спросил: не сумел бы он сделать точно такую?»

Губернатор обязал Челлини вернуть пятьсот скудо ювелиру Помпео и добавил при этом: «Папы имеют власть решить и вязать весь мир, и тотчас же это утверждается на небесах, как правильно сделанное; вот тебе твоя работа, развязанная и осмотренная его святейшеством».

Челлини ответил: «Я благодарю бога, потому что теперь я умею судить, на что похоже папское слово».

Климент VII умер 25 сентября 1534 года. В день похорон папы придворный ювелир Помпео, окруженный десятком хорошо вооруженных телохранителей, как это было заведено в те времена, встретил Челлини и хотел завязать ссору: вызываясь постоять перед Челлини этак с две молитвы «авемарии», то есть несколько минут, и со смехом и издевками удалился. Челлини не стал подвергать опасности своих молодых спутников и решил один отомстить Помпео. Бенвенуто догнал обидчика у самого его дома. Растолкав окружавших Помпео молодых, Челлини схватил ювелира рукой за грудь. Резко занес кинжал, чтобы поугагать Помпео, Челлини уколол его. У него не было намерения убивать Помпео, но, как говорится, бьешь не по уговору. Помпео был мертв. Опустив тело на землю, Челлини отскочил в сторону и выхватил шпагу, но она ему не понадобилась. Охранники бросились к убитому, и Челлини ушел без боя.

Как только новый папа Павел III покончил с более важными делами, он спросил о Челлини, которому хотел поручить изготовление своих монет. Ему доложили, что тот в бегах из-за убийства. На что папа сказал: «Я не знал о смерти Помпео, но хорошо знал основания Бенвенуто, так что пусть ему немедленно выправят охранный лист, с каковым он был бы вполне безопасен».

ТОВЫИ Ч Е Л Л И Н И

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Челлини приступил к работе над новыми монетами. Они до сих пор служат украшением коллекций ленинградского Эрмитажа и Французского нумизматического кабинета. Понимал искусство Челлини и Павел III. Когда враги Челлини хотели противостоять художнику, то папа сказал, чтобы с ним, больше не заговаривали о монетах, потому что он хочет, чтобы их делал только Челлини, и никто другой.

Однажды враги Бенвенуто подговорили начальника полиции Рима схватить художника на дому. Ночью Челлини проснулся от яростного стука в двери — удар не дожидаясь другого. Пришел слуга и доложил: «Увы, хозяин, это барджелл со своей стражей, и он говорит, что если вы не поторопитесь, то он выломает дверь, и у них факелы и чего только нет». На что Бенвенуто ответил: «Скажи им, что я накину кое-какое платишко и иду». Решив, что настал его последний час, Челлини надел под рубашку кольчугу, в правую руку взял шпагу собственной работы, а в левую охранный лист, подписанный самим папой. Уйти через заднее окно не удалось: в огороде засели стражники. Слугам Челлини приказал не открывать двери до его команды. Наконец, приготовившись к бою, они отступили. Кинув охранный лист, Челлини предупредил: «Прочтите это, и так как вы не можете меня взять, то я не желаю, чтобы вы меня и трогали». Барджелл решил сам не ввязываться в драку и приказал солдатам взять Челлини, а что касается охранного листа, то его, дескать, можно посмотреть и потом. Челлини поднял шпагу: «Бог да будет за правоту! Или уйду живым, или дамся мертвым». Комната была тесная, нападающие не могли обойти Челлини сзади. Барджелл, видя, что ничего не получается, бросил охранный лист на пол и ушел не солоно хлебавши.

Разум подсказывал Челлини, что враги рано или поздно поссорят его с папой и тогда он лишится единственной защиты. Рассудив так, он решил ехать во Францию. Добравшись с великими приключениями до Парижа, художник нашел способ получить аудиенцию у Франциска I. Король милостиво его принял и пригласил к себе на службу. Но вскоре Челлини заболел и вынужден был вернуться в Рим. И снова его руки не знают отдыха: броши, камеи, диадемы, перстни, медали, печати — все это было такой красоты и изящества, что через два и три столетия они не теряли своей ценности, а, наоборот, становились еще дороже. Изделия, маркированные буквами «Б. Ч.», поистине стали легендарными во всей Европе. Появились сотни искусных подделок, но все-таки приблизиться к уровню мастерства Бенвенуто никому не удавалось. Челлини был великий мастер в своем искусстве, а приближенные папы в своем тысячелетнем ремесле — интриге. Как-то, когда папа изволил похвалить Челлини за великолепно сделанный для него перстень с алмазом, завистники подкакнули, что, мол, никакого нет сомнения, Бенвенуто — человек изумительных дарований, но жаль, что этот Бенвенуто неумеренно хвалит своего земляка, покойного папу Климента VII, что «он был прекраснейший государь, какой когда-либо бывал, и столь же даровитый, но только неудачливый», а вот, дескать, ваше святейшество как раз наоборот, и что ваша тиара плачет у вас на голове, и что вы похожи на разодетый сноп соломы, и что ничего-то в вас нет, кроме удачи.

Папа поверил напраслине, возведенной на художника. Возмездие последовало, как гром среди ясного неба. По подозрению в краже драгоценных камней из папской казны во время осады Рима испанским королем Карлом V в 1537 году и за все прежние убийства на дуэлях Челлини в декабре 1537 года был арестован и посажен в папскую тюрьму в Замке Святого Ангела.

Тем временем Франциск I вспомнил о Челлини и, узнав, что тот в тюрьме, стал требовать его у папы. Воистину, когда папы дерутся, у холопов чубы трещат. Если до вмешательства Франциска I Челлини жил в тюрьме сносно и ему даже давали работать, то теперь его перевели в камеру строгого режима без всякой надежды на освобождение.

Шли долгие, мучительные месяцы, и Челлини задумал побег. Замок Святого Ангела был неприступным сооружением с гладкими отвесными стенами, а камера Челлини, как ласточкино гнездо, была под самой крышей. Через окно побег был исключен. Из камеры можно было выйти только через дверь.

Еще тогда, когда Челлини «вольно» жил в тюрьме, он на «всякий случай» прихватил у плотника клещи и спрятал их в матрац. Солому из матраца он сжег и набил его тщательно разрезанными и шитыми лентами из простыней, которые ему приносили в «добрые» месяцы заключения. В матраце был зашит и кинжал, принесенный его слугой.

В одну из праздничных ночей, когда бдительность стражи увляла, Челлини взялся за дело. Он клещами вытащил гвозди из петель двери. Как искусный художник-ювелир сделал из воска шляпки гвоздей и заткнул ими дырки. Двери держались лишь на двух откушенных клещами маленьких обрубках гвоздей. За два часа до рассвета Челлини наконец вытащил засов и подпорку дверей и вышел из камеры. Никем не замеченный, по лестнице он поднялся до крыши и, вынув изнутри две черепицы, вылез на нее. Приладив одну из длинных лент, на руках стал опускаться вниз. Ночь была ясной, хоть и безлунной. Когда Бенвенуто почувствовал под ногами землю, он подумал, что свободен, и весело пошел прочь. Однако вскоре понял, что находится в ловушке. Кругом были высокие отвесные стены. Челлини заметался. Вдруг наткнулся на огромное бревно, заваленное прелой соломой. Выручила недюжинная сила. С трудом Бенвенуто приставил бревно к стене и по нему взобрался наверх. В запасе у него был второй моток льняных лент. Он прикрепил его к бревну и стал спускаться вниз. Затем надо было еще спуститься с последней, зубчатой, стены. Неожиданно на него наткнулся часовой, шагавший по стене. Челлини был одет во все белое, как в саван, к тому же в руках у него был кинжал. Часовой устремился его вида и будто бы не заметил беглеца. Не мешкая, Бенвенуто устремился вниз. Ладони у него были истерты до костей. Когда показалось, что земля близко, он разжал руки и прыгнул. Ошибка чуть не стоила жизни. Упав, он сломал ногу и ударился затылком о землю так, что потерял сознание. Очнувшись, пополз на четвереньках к римским городским воротам. Они оказались запертыми. Подкопав кинжалом под воротами огромный замковый камень, он отодвинул его и проник в город. Когда полз по улицам, на него набросились сторожевые собаки и люто искусили. Челлини отбивался от них кинжалом и сильно ранил вожака. Собаки отстали. Начало светать. Челлини подобрал водонос, который и отнес его к

собору Святого Петра. В собор как раз поднимался слуга одного кардинала. Он узнал Челлини и сразу же доложил своему хозяину. Кардинал велел привести Бенвенуто и поместить его в потайную комнату. Тут же был вызван врач. Сам же кардинал, не мешкая, пошел во дворец с намерением выпросить художника у папы.

Кардинал пошел во дворец с желанием помочь Челлини, но когда папа пообещал родственнику кардинала давно просимую епископию, кардинал выдал Челлини. Художника вроде бы простили и перевели лечиться в папский дворец, а затем поместили в страшнейшую темницу, где заживо были погребены враги многих пап. Слово наместника божия оказалось тверже, чем предполагал художник. И все-таки папские застенки не сломили Челлини, и он дождался своего освобождения. В один из декабрьских дней 1539 года папа был в добром расположении духа после обильного обеда и обильного возлияния. Он внял, наконец, просьбам французского короля и приказал выпустить Челлини. Не дожидаясь новых искушений судьбы, художник отправился во Францию.

Король Франциск I встретил Бенвенуто весьма благосклонно, назначив ему жалованье, как в свое время Леонардо да Винчи, — семьсот золотых скудо в год. Для жителя и работы художнику отвели замок Малый Нель. Челлини получил много заказов от короля и принялся за дело.

Солонка была задумана Челлини еще в Италии как подарок королю за избавление из папской темницы. Предполагалось, что она будет овальной формы, величиной в две трети локтя. Сверху солонки должны были сидеть друг против друга фигуры земли и моря. Земля — это прекрасная обнаженная женщина с рогом изобилия, море олицетворял Нептун с трезубцем в правой руке, а левой рукой держал ладью, в которую насыпалась соль. На солонку требовалось много золота, и Челлини исполнил сначала восковую модель. По замыслу художника солонка должна была составлять своеобразный ансамбль с двумя другими предметами сервировки королевского стола — серебряным золоченым тазом и кувшином. Вначале Челлини сделал таз и кувшин. В одну из встреч он показал их Франциску I. Вещи тому чрезвычайно понравились. Однако король заметил, что к этому не хватает солонки. На что Челлини сказал, что он предполагал такой заказ и сделал не только рисунок, но и самую модель солонки. Обернувшись к своим сановникам и кардиналам, восхищенный Франциск I сказал: «Это нечто во сто раз более божественное, чем я когда-либо мог подумать. Удивительный это человек! Он, должно быть, никогда не отдыхает». За усердные труды король пожаловал художника французским гражданством и сделал владельцем замка Малый Нель. По прошествии некоторого времени Франциск I вместе со своей фавориткой госпожой де Тамп посетил Челлини в его замке и с интересом осмотрел новые работы. Прощаясь, король сказал госпоже де Тамп: «У меня никогда не было человека этого ремесла, который бы мне так нравился, как этот». Франциск попросил госпожу де Тамп, поскольку художник сам никогда ничего у него не просил, взять покровительство над ним.

С этого покровительства и начались французские напасти Челлини. Художник был никчемным царедворцем. Он умел только работать не разгибая спины.

Когда Франциск I, воевавший с англичанами, приехал в Париж, художник показал ему готовую к отливке модель нимфы для украшения полукружия над дверью в замке Фонтенбло и проект дворцового фонтана со статуей бога войны Марса в центре. Король, дружески хлопнув Челлини по плечу, сказал: «Поистине я нашел человека себе по сердцу!» Художник ответил, что если он тот, о ком говорит его величество, то его удача гораздо больше. На что король молвил: «Скажем, что она одинакова».

Присутствовавшая при этом разговоре госпожа де Тамп не сказала ни слова — художник не удостоился показать ей работу прежде короля, а такие оплошности при французском дворе не прощались.

Чтобы как-то расположить фаворитку к себе, художник сделал изящную вазочку и направился к госпоже де Тамп. В ее приемной Челлини встретили холодно: «Подождите». Ждать пришлось с утра и дотемна. Художник всплыл и ушел. По пути домой он завернул к кардиналу лотарингскому и подарил вазочку ему. При дворе узнали об этом. Над госпожой де Тамп подшучивали, и она стала злейшим врагом художника.

Ночная кукушка всегда перекукует дневную. Король, который ранее благоволил художнику, сделался с ним резок и груб, и Челлини уже подумывал, как бы подобру-поздорову унести ноги из французского королевства. Жаль только было вносить гигантскую скульптуру Марса, которая была готова к отливке. Как-то король приехал к художнику. Челлини показал ему собранный из всех скульптурных деталей парадную дверь для Фонтенбло. Король даже не посмотрел на искусную работу, а лишь заметил, что свои дарования художники могут выказывать благодаря случаям, получаемым от сильных мира сего. И добавил: «Вам бы следовало быть послушным и не таким гордым и самолюбивым. Иначе вы будете биться головой об стену». Челлини не терпел подобных слов ни от пап, ни от королей. Собрав пожитки, художник оставил подаренный ему замок Малый Нель и все, что в нем было нажито за шесть лет жизни, и, не дожидаясь разрешения, отправился восвояси, в родную Флоренцию.

Флорентийский герцог Козимо I Медичи, как и его недавний предшественник Лоренцо Великолепный, желал быть покровителем искусств, но для этого был слишком скуп и душевно бездарен.

Едва встретившись с Челлини, герцог предложил ему сделать скульптуру Персея перед палаццо Веккьо в центре Флоренции. Для всякого художника велика была честь поставить свое творение на площади Синьории, где уже стояли скульптуры «Юдифь и Олоферн» Донателло и «Давид» Микеланджело. Желая показать себя перед Флорентийской академией, из стен которой вышли многие знаменитые художники, Челлини сразу же принял за работу. Всем обещаниям и уверениям герцога он поверил на слово и юридического договора, как того требовал его опыт общения с сильными мира сего, составлять не стал.

Персей — герой греческого мифа, победивший Медузу Горгону, — должен был символизировать победу Козимо I и его приход к власти во Флоренции. Как всегда, Челлини начал с рисунка, но не удовлетворился им и взялся за воск. Он мыслит пластически, как говорится, пальцами, поэтому ему всегда был надобен материал для лепки. Работая с воском, глиной, гипсом, он сразу же обретал

творческую уверенность. Характер Челлини, его энергия, порывистость и сила неизбежно перетекали в скульптуру. Челлини обладал редкостным творческим темпераментом. Это было заметно во всем: когда играл он на клавесине или на флейте, когда рисовал и лепил и, уж конечно, когда брался за шпагу.

Восковая модель будущего Персея вылеплена на одном дыхании. Как ни поворачивай Персея, он со всех сторон смотрится одинаково: сильным и неукротимым. Движения его ног, попирающих Медузу Горгону, сделаны так выразительно, словно Персей, объятый страстью боя, еще пританцовывает над поверженным врагом. Левая рука, отброшенная сильным движением вверх, едва удерживает отрубленную голову Медузы. Наполненное жизнью мощное тело Персея противостоит статике распластанной, безжизненной Медузы, отчего вся скульптурная группа обретает динамическую и пластическую убедительность.

Когда Челлини показал свою восковую модель герцогу и герцогине, те не смогли скрыть своего восхищенного изумления. Для работы художник попросил у герцога подысканный им дом. В оплату за него он предложил герцогу две пары превосходных ювелирных изделий, сработанных еще во Франции. Желая полностью приручить мастера, Козимо I милостиво сказал: «Возьми себе, Бенвенуто, свои вещицы, потому что мне нужен ты, а не они, а ты получи свой дом и так».

И Челлини, по обыкновению, смело и даже с какой-то яростью увлекся работой. Старый дружище Тассо, с которым они когда-то в юности вместе бежали в Рим, изготовил деревянный каркас для Персея: Челлини подобрал себе в натурщи стройного, сильного юношу и начал лепить. Для быстроты фигуры Персея и Медузы он делал отдельно друг от друга, чтобы потом можно было их соединить, и тогда статуя была бы готова. Желая опробовать, как ведет себя местная глина при обжиге, он между делом вылепил бюст Козимо I и отлил его из бронзы. С тех пор герцог и герцогиня не давали художнику спокойно работать, докучая то одной, то другой просьбой. Они захотели даже, чтобы Челлини переехал к ним во дворец и, таким образом, целиком посвятил себя их прославлению. Но художник резко отказался.

Хитрый герцог, видя, что художник страстно увлечен созданием статуи, сократил до минимума ассигнования на работу, и Челлини вынужден был взяться за свой кошелек. И, как всегда, художнику стали досажать бездарные соперники. Они прожужжали уши их величествам, предрекая, что у Челлини не получится достойного Флорентийской академии памятника. Бенвенуто хотел было взяться за шпагу, чтобы покончить с клеветниками, но сдержался. «Если я кончу свою работу,— решил он,— я надеюсь сокрушить ею всех моих злодеев-врагов». Зайдя однажды в мастерскую, герцог менторски заметил: «Бенвенуто, эта фигура не может у тебя выйти в бронзе, потому что искусство тебе этого не позволит». Слова были сказаны под горячую руку. В таких случаях Челлини не лез за словом в карман: «Государь, ваша высокая светлость слишком верит тем, кто ей говорит столько плохого про меня, или же она в этом не разбирается». Герцог не ожидал такого прямого ответа и запальчиво сказал: «Я считаю, что разбираюсь в этом, и разбираюсь отлично». Бенвенуто выслушал и сказал как отрезал: «Да, как государь, но не как художник». Челлини добавил еще, что его величество, зная нужду художника, лучше бы помогал ему не дозвужными советами, а так необходимыми для продолжения работы деньгами. Тут герцог замолк и тотчас ушел.

Челлини сделал прелестнейшую форму для отливки Персея, затопил горн и расплавил бронзу. Работал он не покладая рук, в самом деле круглосуточно, и в результате жестоко заболел трясучей лихорадкой. Дав команду своему ученику управляться далее без него, Челлини еле вышел из мастерской, сказав на прощание слабым голосом: «Меня уже не будет в живых завтра утром».

Дома, устав бороться с лихорадкой, он сказал: «Я чувствую, что умираю». Художник впал в беспмятность, и вдруг, как он потом рассказал, в бреду ему почудилось, что в дверь комнаты вошел какой-то жалкий старик и прошептал: «О Бенвенуто, ваша работа испорчена, и этого ничем уже не поправить». При этом Челлини издал такой крик, что его, наверное, можно было бы услышать и в преисподней. Соскочив с постели, больной стал быстро одеваться. Раздавая налево и направо тумачи тем, кто ему мешал, он приговаривал: «Ах, предатели, завистники!.. Раньше, чем умереть, я оставлю о себе такое свидетельство миру, что ни один останется изумлен».

Когда Челлини ворвался в мастерскую, то все оцепенели. Столько было в нем ярости, что ученики в один голос сказали: «Приказывайте, и все мы вам поможем, насколько можно будет выдержать при жизни». Взглянув на горн, художник увидел, что металл стугился и из него получилось тесто. Тут же был разведен сильный огонь. Для того, чтобы сделать бронзу жидкой, в тигль полетела вся оловянная посуда, которая была в мастерской,—блюда, чаши, кувшины, тазы. Когда Челлини увидел, что воскресил мертвого, к нему вернулась такая сила, что он уже не замечал ни лихорадки, ни страха смерти. Вдруг посреди этого неистовства слаженной работы раздался оглушительный взрыв. От чрезмерной жары треснула крышка горна, и бронза стала выливаться. Сообразив, что секунды решают успех, Челлини велел разом открыть все отверстия формы. Когда форма наполнилась, Бенвенуто в изнеможении опустился на скамейку. На столе появились вино и закуска. Вместе со своими помощниками он весело выпил и поел и за два часа до рассвета совершенно здоровым пошел отдыхать.

Проснувшись, Челлини сразу же побежал в мастерскую. Заполненная форма еще дышала жаром. Главное теперь, чтобы дать отливке равномерно остыть. Бенвенуто приказал тщательно заделать образовавшуюся в результате взрыва горна дыру в крыше. На дворе свистел ветер, того и гляди пойдет дождь. Боже упаси, если форму зальет водой, тогда готовую, но еще не остывшую статую может разорвать на части. Когда крыша была заделана, он еще раз проверил все, прежде чем уйти. Теперь надо было запастись терпением не меньше чем на два дня.

Персей был отлит на редкость удачно. Теперь вся забота состояла в том, чтобы искусно соединить обе фигуры. Затем следовало установить статую на место, получить причитавшиеся художнику деньги за великие труды, и приниматься за новые работы, теснящиеся в ожидании мастера.

Настал день, и Челлини перенес Персея в Лоджию деи Ланца. Сделав небольшую ограду, скульптор заканчивал статую на воздухе. Пьедестал он украсил фигурами Юпитера, Минервы, Меркурия и Данаи— матери Персея с

соответствующими надписями на латинском языке. На цоколе был выполнен барельеф, изображающий освобождение Андромеды Персеем. В работе над статуей, пьедесталом и барельефом Челлини превзошел самого себя. Архитектурное, скульптурное и ювелирное мастерство художника достигло здесь своей вершины. Каждый день, приходя на работу, Челлини видел на ограде приколотые все новые и новые сонеты, которые посвящали ему питомцы знаменитой Флорентийской академии.

27 апреля 1554 года состоялось торжественное открытие статуи Персей. Площадь Синьории заполнилась народом. В Лоджии деи Ланца нельзя было протиснуться. Великие творения Донателло и Микеланджело «принимали» в собратья скульптуру Челлини. Герцог, который не вышел к народу, а слушал восторженные отзывы о работе Челлини из комнат второго этажа дворца, послал за Челлини. Художнику благосклонно передали, что он справился со своей работой и что герцог сполна оплатит его труды и искусство. Каково же было удивление и разочарование Челлини, когда через несколько дней с ним стали постыдно торговаться о цене и в такой оскорбительной форме, словно речь шла о скобяном товаре.

Работу над Персеем Челлини закончил с пустым кошельком. Герцог вначале выплачивал художнику по сто, пятьдесят, двадцать пять скудо в месяц, а потом и вовсе перестал платить. Художник попробовал было восстать. Тогда ему передали, что если он не уймется, то герцог всего за два гроша прикажет выбросить Персея из Лоджии деи Ланца и так будут кончены все разногласия. Козимо I не уплатил художнику до конца своей жизни. Посулы его были щедры, а жадность еще больше.

Полагая, что художник—его раб, герцог поручил Челлини украсить барельефом из бронзы хоры знаменитого флорентийского собора Санта Мари дель Фиоре. Эти хоры были неудачной стряпней бездарного придворного архитектора. Челлини обоснованно доказал никчемность затеи герцога и тем вызвал его ярость. Художник стоял на своем, заявляя, что остаток своих лучших лет он готов истратить только на какое-либо большое дело. Поэтому, если его светлость желает воспользоваться трудами Челлини, пусть он даст ему заказ на средние двери этого собора. Условия художник выдвинул сам. Если он не сделает эти двери лучше, чем двери флорентийского Баптистерия работы великого Лоренцо Гиберти, то платы он не просит никакой. «Но если я их выполню,— продолжал художник,—сообразно своему обещанию, то я согласен, чтобы их оценили, а потом пусть мне дадут на тысячу скудо меньше того, во что людьми искусства они будут оценены».

Челлини не преувеличивал свои способности и силы, когда сделал такое предложение герцогу, но тот не смог по достоинству оценить художника. Время шло, а Челлини так и не получил ответа на свое предложение.

Во Флоренцию была привезена по реке Арно большая мраморная глыба. Козимо I предполагал отдать этот мрамор бездарному придворному художнику, чтобы тот изваял из него статую Нептуна. Употребив все свои силы, Челлини добился, чтобы был объявлен конкурс на лучшую модель будущей статуи. В состязании приняли участие все ведущие мастера Флорентийской академии. Герцог вынужден был признать восковую модель Челлини лучшей. Когда он пришел со своей свитой в мастерскую Бенвенуто, то художник, твердо веря в свои силы, предложил герцогу, чтобы участники конкурса, кроме восковой модели, еще бы сделали глиняную модель в натуральную величину. «Если ваша светлость,— продолжал художник,—отдаст мрамор тому, кто его не заслуживает, то учинит великую обиду себе самой, потому что она этим приобретет ущерб и стыд... Когда он собрался уходить, лукский посол сказал ему: «Государь, этот ваш Бенвенуто—ужасный человек».

Мрамор Челлини не получил. Заказов на большие работы не было. Бенвенуто вернулся к своему старому ремеслу. Ювелирные изделия давали средства на существование, но разве об этом мечтал Челлини? Купив на свои деньги большой кусок мрамора, художник в свободное время работал над «Распятием». Всю свою боль и страдание вложил Челлини в эту скульптуру. Над ней он работал долгие годы, не торопясь, расставался со своим творением. К «Распятию» он всякий раз приходил, когда жизнь казалась особенно несправедливой к нему. Сколько бессонных ночей он провел за работой, сколько горьких мыслей истер в порошок, пока шлифовал мозолистыми руками мраморную скульптуру, словно скоблил свою уставшую душу!

Семья у Челлини была большая—семь человек детей, из них двое внебрачных. На себя он взял заботу и о семье овдовевшей сестры с шестью детьми. Кроме того, в доме Челлини нашла приют одна из его натурщиц с двумя детьми, отец которых, бунт и скандалист, сидел в тюрьме. С утра и до вечера работая в мастерской, художник между делом стал писать свое «Жизнеописание». Рассудив, что он теряет слишком много времени и что это «непомерная суета», Челлини подыскал себе грамотного хворенького мальчугана и продолжал «сказывать» ему свою жизнь. Так как в этом художник находил некоторое удовольствие, то и работа у него шла веселей и было удовлетворение, и приглашенный им подросток занят делом.

...С тех пор неспешно минуло четыре с лишним века. Несравненный бронзовый «Персей», медали и печати, знаменитая золотая солонка, скульптурные портреты, мраморное распятие, находящееся в Испании, реставрация античных статуй—много и славно поработал на своем веку Бенвенуто Челлини. Художник прожил полную приключений жизнь. О нем накопился большая литература. И все-таки лучше всех сказал о себе он сам «без подскоблений и подправлений другими».

В 1803 году «Жизнеописание» Челлини перевел на немецкий язык сам Гете, снабдив перевод очерком о художнике и его времени. «Челлини обязан своей славой едва ли не больше своему слову, чем творениям»,— писал Гете,—ибо «своим пером, едва ли не вернее, чем разумом, он оставил прочный памятник себе и своему искусству».

Давно и прочно забыты все те, для кого работал и у кого только не побывали вещи, сделанные руками Челлини. Сам же Челлини никогда не будет забыт благодаря своим трудам и талантам.

Если случай приведет во Флоренцию, то не забудьте поклониться памяти неистового Челлини. Он умер в 1571 году и с почестями похоронен в часовне Флорентийской академии.

УТРО
ДРЕВНЕГО
ОЗЕРА.

Зорий БАЛАЯН.
Фото Сергея ВЕТРОВА,
Александра НАГРАЛЬЯНА
и Виктора ЯКОБСОНА

Ту ночь я не забуду никогда. Катер бросил якорь в самом центре озера. Я знал его всяким. И идеально гладким зеркалом, в котором отражалось голубое небо с плывущими белыми облаками-лебедями. И зеленовато-серым в туман. И розовым ранним утром. И красным на вечерней зорьке. И свинцовым перед грозой и пенистым в бурю...

Но то, что я увидел в ту ночь, можно было сравнить с неведомым шедевром неведомого живописца-лирика. Человеку всегда лучше запоминается необычное, непривычное. Мне кажется, нет ничего необычнее и непривычнее, чем смотреть на карту неба с серебряными звездами и золотым серпом, смотреть... с опущенной головой. Рисунок четкий, контрастный, фон иссиня-черный. Слово потеряно чувство пространства — небо вверху и внизу, будто в космическом путешествии. И уж совсем дух захватывает, когда видишь, как на глазах тают звезды и месяц, растворяются в воде, которая постепенно меняет цвет. Сначала светлеет. Потом розовеет. И вновь светлеет, напоминая само небо на рассвете.

Великим карабахцем называют моего земляка Героя Социалистического Тру-

да академика Андраника Гевондовича Иосифьяна. Рабочий кабинет его в Москве увешан снимками, сделанными из космоса. Он подарил мне две фотографии. Цветные. Один снимок сделан зимой, другой — летом. На одном Севан — крохотная серая точка на белом, бугристом фоне. На другом — голубая точка, словно росинка, упавшая на цветастый коврик.

Мне трудно определить, на каком снимке больше красоты.

Легенда гласит: вначале был сильный гром. Потом в воздух полетели раскаленные камни. Огненные реки потекли по склонам горы. В небо с шипением поднялось гигантское белое облако. Извержение вулкана. И, как это не раз бывало на земле, образовалось горное озеро. Вода под напором выходила из чрева горы, ударялась о раскаленные камни — отсюда и гигантское белое облако: словно баня затопилась...

А может, все было иначе? Не вызывает сомнения лишь то, что озеро Севан вулканического происхождения. Образовалось оно от запруды левой русла реки. Но мог ли действительно кто-либо увидеть это своими глазами?

В пятидесятые годы армянским ученым-археологам повезло, как, наверное, редко кому везет в жизни. И помогло им, как сами они писали, горе Севана.

Уровень озера из года в год катастрофически падал, и на обнаженном дне северо-западной его части были обнаружены крепости, могильники, целые городища и вообще «следы некогда кипучей жизни». Сегодня в историческом музее Армении можно увидеть великолепно сохранившуюся деревянную повозку. Она извлечена из мавзолея, обнаруженного на бывшем дне Севана. Более трех тысячелетий скрывала толща воды могилу воина. Археологи и историки утверждают, что воин этот был человеком знатным. Об этом говорят драгоценные доспехи и украшения. А возможно, это был вождь одного из армянских племен, ибо тринадцать других воинов были почетно захоронены вместе с ним.

Но, как известно, могильные курганы обычно располагались на окраине поселения, выше по склону. Так что сам город бронзового века остался, по видимому, под водой, ближе к центру озера.

Город, наверное, погиб мгновенно. Но, возможно, кому-то удалось спастись, уцелеть, как удалось спастись в Помпее Плинию Младшему, который поведал миру историю ее гибели. И здесь, в

центральной части Армянского нагорья, уцелевшие, может быть, передавали из уст в уста рассказ о городе, который сначала накрылся огнем, потом белым облаком. Рассказ, превратившийся в легенду. Легенду, в которую до последнего времени не очень-то верили. Сомневались.

Правда, совершенно не вызвало никакого сомнения, что какой-то родниковый водоем, намного меньше сегодняшнего Севана, существовал всегда. Возможно, в огромной высокогорной чаше было несколько небольших озер. Об этом, по мнению ученых, говорит и одна из трактовок названия озера. На древнеармянском — Саунния, означает страна озерная. Есть и другая, более поздняя версия. В девятом веке на вершине острова, находящегося в километре от берега, был построен храм из черного базальта, получивший название «Черный монастырь» — «Сев ванк». Отсюда и «Севан».

На протяжении трех тысяч лет пло-

**КУСОЧЕК НЕБА,
УПАВШИЙ НА**

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета дружбы и подвига»

**ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ
ПРИВЛЕКАЮТ ТУРИСТОВ
СО ВСЕЙ СТРАНЫ.**

**ТРАДИЦИОННО
КАВКАЗСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО.**

А ПЕСОК ЗДЕСЬ ГОРЯЧИЙ!

щадь озерного зеркала — 1415 квадратных километров, наибольшая глубина — около ста метров. 58 миллиардов кубических метров почти абсолютной прозрачности воды. В Севан впадает двадцать восемь рек. Вытекает одна — Раздан. Поэты воспевали озеро, называя его жемчужиной. Максим Горький, глядя на сказочную панораму голубого озера, обрамленного островерхими горами, сказал: «Кусочек неба, упавший на землю».

Подобно тому, как в стремительном лайнере не ощущаешь скорости, стоя у кромки воды, ничуть не ощущаешь того, что ты почти на два километра выше уровня моря. Напротив, кажется, что находишься ты где-то внизу. На дне. В глубине. А кругом, с четырех сторон, тебя окружают горы. Высокие горы. Присмотришься, напряжешь воображе-

Такова в двух словах биография Севана и его основные «анкетные данные». Тридцать веков он был неизменным и своей неизменностью, своим постоянством приносил в край свой дух и свое дыхание — влажность и сухость, строгое чередование дней солнечного сияния и туманности. Словом, все то, что определяет климат. Час за часом, секунда за секундой, век за веком природа создавала чудо, каковым является севанская вода, качества которой

Волга впадает в Каспийское море, что вообще солнце восходит на Востоке и, что самое главное, заходит на Западе.

Другой ученый писал: «Воды озера, расположенные на целый километр выше Араратской долины, могут стать мощным многолетним регулятором равномерной подачи энергии». Все вроде бы верно. Но каким ужасом веет от словосочетания «многолетним регулятором»! То есть эти самые воды могут быть регулятором подачи энергии опре-

процветания, пока она не осознает, что писать поэму — такое же достойное занятие, как пахать поле». Так было на самом деле или нет, трудно сейчас сказать. Ведь Варпет уже при жизни был легендой. Но подлинно известно, что он отказался от приглашения принять участие в торжественном открытии пуска воды из озера в 1949 году.

ние и непременно увидишь спину вздыбленного коня, крутые горбы верблюдов, профири бородатых мудрецов. Переведешь взгляд на водную гладь и как бы уяснишь для себя, нет Севана самого по себе. Есть цельная картина, которую взгляд охватывает разом. Величественная суровость, изваянная разломом. И Ваденисский хребет — это Севан, и Гегамские горы, и тупые и островерхие славянские вершины. Все Севан. И даже осязаемое чувство одиночества — это Севан. В одной из книг об озере читаю записки путешественников прошлого: «Чтобы понять, что такое одиночество, надо порыться на Севане. Здесь одиноко не только человек, но и природа».

специалисты сравнивают с качеством золота, руды, нефти, каменного угля.

Так, казалось, должно было быть всегда. Однако за каких-нибудь тридцать недавних лет все изменилось. Площадь зеркала уменьшилась почти на двести квадратных километров, объем воды сократился примерно наполовину, прозрачность ухудшилась на 75 процентов. И уровень воды упал на восемнадцать метров. Тридцать веков существовал на озере редкостной красоты остров, за тридцать лет он стал полуостровом.

Я просматривал документы тридцатилетней давности. Везде и всюду писали о «воде Севана», имея в виду ее выпуск из озера. Иные, претендующие на образность, говорили даже о кровопускании.

Один из академиков писал в сороковых годах: «Вода для Армении — это жизнь, это возможность существовать». Я читал эти слова и ловил себя на мысли, что все время вспоминаю моего мудрого и очень ироничного деда, который буквально издевался над каждым, кто высокопарно говорил тривиальные, банальные вещи. Так и хотелось свести вместе моего доброго деда и ученого, у которого есть еще одна очень свежая и острая мысль: «Электрическая энергия для нашей страны — это богатство, это благосостояние». Остается еще добавить, что

деленное количество лет, а потом... А потом — хоть потоп. Когда я читаю подобные строки, мне кажется, у их авторов нет детей, а посему никогда не будет внуков.

Справедливости ради надо сказать, что ученые не просто так решили выпустить воду из высокогорного озера, пойти на «кровопускание», а на основании научных аргументаций. Академик И. В. Егизарян писал в 1947 году: «Больше миллиарда кубометров влаги ежегодно уходит бесследно (? — З. Б.) в виде испарений с водной поверхности озера. Единственное средство уменьшить эту огромную бессмысленную (? — З. Б.) потерю — сократить поверхность озера. Ему вторили другие специалисты: «Надо за полвека снизить уровень на пятьдесят метров и тем сократить количество испарений». «Испаряющаяся вода, как деньги, которые бросаем на ветер». И даже: «Вода уходит в никуда».

С маститыми учеными не соглашались поэты, которые не имели специальных гидротехнических знаний, но зато обладали таким «малоутом», как дар предвидения. Рассказывают, как Аветик Исаакян спорил с одним из ученых, мол, почему это вода в виде испарения уходит «бесследно»? Почему называть это «потерями», ведь еще в школе проходили такой запоминающийся урок, как «круговорот воды в природе». Спешивый поэт, ударившись в амбиции, пытался объяснить великому Варпету, что мол, писать поэмы — это одно, а вот земледелие и орошение — это другое. На это Исаакян ответил спешивому мудрецу: «Никакая нация не может достичь

Потекли вековые запасы вниз с высоты две тысячи метров. По миллиарду кубометров в год. По метру в год падал уровень Севана.

Испокон веков не только аборигены Севанского бассейна свое озеро называли морем, но и сами ученые-гидрологи утверждали, что оно имеет настоящий морской режим. Дышит мощными легкими, как дышит море. И, как море, обладает редкостным свойством самоочищаться. И все же странное кажется: море на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Другая планета. Здесь и воздух особый и солнце особое. Если уж выглянуло оно из-за туч, то берега кожу. Жаркие лучи, легко прокалывая разреженный горный воздух, жгут точками, словно проходят через мелкое сито. Но стоит даже в самый знойный день кому-нибудь шальному облаку хоть на мгновение закрыть лик светила, как все меняется тотчас же. Тело обдает прохладой, невесты откуда появляются зыбь на воде и поземка на берегу. Воздух становится настолько острым и свежим, что кажется, можно увидеть глазами эту самую свежесть. С наивным опознанием новых просветов в глазах стали меняться биография и география края. Многие изредка испытывают некое ощущение своего тела, постыгаясь в самую свою названную номинацию «человек-слово». И тогда взгляд отдаленно на такое возмущение от мысли, что из названного стали, как бы, вылетать отдельные кусочки мысли.

ЗЕМЛЮ

Вода шла на выработку электроэнергии и орошение полей, особенно Араратской долины. Казалось, другого выхода не было. Ценой Севана нужно было возродить землю.

А земли как таковой не было...

Ноябрь тысяча девятьсот двадцатого. После трагических событий, пережитых армянским народом, установлена Советская власть. Двадцать девять тысяч квадратных километров. Крохотная территория. Восемьдесят процентов ее — скалистые горы, мертвые каменные зоны, напоминающие лунную поверхность. Пять процентов площади занимало озеро Севан. Девять процентов — леса. Из двадцати девяти тысяч квадратных километров лишь четыре процента были плодородными участками земли. И четыре процента эти были разбросаны тысячами кусочков по всей республике.

Вот что досталось многострадальному народу в ту суровую годину. Народу, который сам чудом уцелел благодаря Великому Октябрю. Из нескольких миллионов армян на той самой «лунной поверхности», названной Ованесом Туманяном «страной печали, страной сирот», осталось семьсот тысяч человек. Надо было выжить. Выжить на мертвых камнях. В безводной пустыне. Но выжить. И начать возрождение народа надо было с возрождения земли, а точнее, с сотворения ее. В своей книге «Путешествие по Советской Армении» Маризетта Шагинян приводит данные из материалов историка Мовсеса Хоренаци о том, что еще во втором веке до нашей эры при первом армянском царе династии Артаксидов Арташесе Первом «не было невозделанной земли в Армении ни на горах, ни на полях». Впоследствии, после бесчисленных нашествий, эти самые горы и поля быльем поросли, камни оголились. Враг сеял камни. Высохли родники. Так отмечали летописцы.

Но, чтобы камни зацвели, нужна была вода. А воды не было. Несколько крохотных горных речушек и озеро Севан — единственный источник питьевой воды. За последние тридцать — сорок лет в Армении высохло около тысячи больших и малых родников. Я объехал все родники, которые питают миллионный Ереван, двенадцатую по счету столицу Армении. Родники эти не будут бить ключом вечно. Уже сейчас футурологи полагают, что в далеком, или недалеком, будущем, возможно, история Армении будет знать и тринадцатую столицу. Она должна быть где-то на берегу Севана. Словом, говоря об этом озере, речь идет не просто о предмете гордости народа, о предмете воспевания для поэта. Речь идет о будущем.

Спору нет, будущее само невозможно без настоящего. А для настоящего Севан представлялся единственным спасением...

...И потекли вековые запасы. Конечно, когда сегодня, так сказать, с высоты времени, говорим мы об осязаемом возрождении республики, то понимаем — это и заслуга Севана тоже. Конечно, то, что мы называем проблемой Севана, совсем не однозначно. И тем не менее уже в самом начале пуска озерных вод оказалось, что поэты со своим даром предвидения были во многом правы. Бывали годы, когда до восьмидесяти процентов попуска вековых запасов Севана попадало не на орошение, а в... Аракс. Из оставшихся двадцати процентов чуть ли не половина уходила в землю. Фильтрация. Один из седовластных литераторов писал: «Все это напоминает то, как мой внук мочится на сухом и горячем песке. Через секунду и следа не увидишь».

...Я давно обратил внимание: когда гостя привозишь к Севану, то еще задолго до того, как покажется гладь воды, торопишься отметить, пожалуй, самое главное, самое драматичное. То, что мы давно уже едем по дну озера. По

бывшему дну. И в подтверждение своих слов не преминешь показать рукой на очертания, бывшие очертания берега. А они хорошо видны. И, наверное, теперь уже не сотрутся в веках. Камни, которые тысячелетиями находились в воде, отличаются своей соленой белизной от серых, обветренных скал, являвшихся некогда границей берега. А на более ровной поверхности бывшего дна уже трудно определить, где проходила эта самая граница. Она отдалается на километры.

В Тихом океане, на берегу которого я жил десять лет, я любил подолгу наблюдать за чайками, вслушиваясь в неистовый их крик. Дома у меня под потолком висели чучела гигантских альбатросов с внушительным размахом крыльев. Красивые птицы. Нет им жизни без моря. Да и морю было бы худо без них, без верных санитаров. Есть чайки и на Севане. Только здесь они помельче и не такие уж голосистые. Менее подвижные, ленивые, что ли. Вроде бы понятно: высоко, низкая плотность воздуха. Надо тратить больше усилий, чтобы удержаться на лету. Редко доводилось видеть, чтобы во всамделишном море чайка, падая камнем, в следующее мгновение выбиралась из воды без улова. Она поднимается в небо, держа в клюве трепыхающуюся серебристую рыбу. Старики рассказывают, что то же самое было на Севане раньше. Сейчас можно увидеть, как одинокая белая птица зачастую поднимается вверх несолоно хлебавши. Рыбы стало меньше. И чаек стало меньше.

Обратил я внимание и на то, что гости, прохаживаясь по бывшему дну, вглядываясь в свинцовую зыбь воды, молчат. Молчат, словно сговорившись. Лишь после я узнал, что гости мои не молчат. Они возмущаются. Они сопереживают. И думают. Думают о своем тоже.

Я долго беседовал на эту тему с очень уважаемым мной русским писателем Василием Беловым, который по-настоящему обеспокоен экологическим, а стало быть, и нравственным будущим страны. «Севан должен стать уроком и укором для всех тех, — говорил Василий Белов, — кто необдуманно берется менять, прямо скажем, географию земли, которая создавалась ее величием эволюцией миллионами лет».

Казахский писатель Ануар Алимжанов, стоя у кромки воды Севана, рассказывал о проблемах Аральского моря. Он совершил путешествие по периметру Арала и видел все своими глазами. И, словно перекликаясь с Василием Беловым, повторил так похожие и непохожие друг на друга слова «урок» и «укор».

...В начале пятидесятых годов уровень воды падал с каждой секундой. И

уже тогда все поняли, что надо что-то предпринимать. Вся страна заговорила о Севане. О возможных пагубных последствиях экологии края. Однако попуск воды продолжался. В народе говорят: камень брошен, и его не вернешь с

полета. Турбины электростанций должны были вращаться, освоенные земли должны были орошаться пусть хоть с фильтрациями. Химическая промышленность, созданная в спешном порядке, чтобы использовать вырабаты-

ВЕРА В ДОБРО И ЛЮБОВЬ

Нина ШКАРБАНОВА,
учительница

Валерий Смиринский. Так мало прожито, и так много, очень много и бесконечно талантливо сделано. Даже та малая доля рисунков, представленных недавно на персональной выставке, дает полное представление о его творчестве. И сколько прекрасных иллюстраций к «Мастеру и Маргарите», «Альпийской балладе», «Алисе в стране чудес»...

Первый раз я увидела Валерия совсем маленьким. Помню, как его сестра Светлана принесла мне рисунки и сказала: «Это Валера нарисовал сам, из головы». Слова ребенка были трогательными и удивительно точными, и

много лет спустя на открытии выставки словно продолжением этой мысли стали слова художников, друзей Валерия, которые говорили о самобытном таланте, о том, что все, что он делал и умел, до всего дошел самостоятельно.

В одной из статей о Валерии я прочитала слова: «На персональной выставке был представлен цикл эскизов к «Божественной комедии», над которым Валерий работал несколько лет». А ведь он и жил-то всего 29. Все, что хотел создать, вынашивалось подолгу, переделывалось, дополнялось. Думается, что и оформление «Божественной комедии» было задумано еще до поступления в полиграфический институт. И снова все оригинально, особо, без подражания. Его индивидуальность была сильной и смелой. Умение проникать в чувства людей всех

эпох — поразительно. Ему понятен и Иван из «Альпийской баллады» Василия Быкова и герон Данте, Петрарки. Когда смотришь иллюстрации к «Альпийской балладе», на летящего на ключую проволоку и одновременно как бы над нею человека, то становится страшно, но в этой иллюстрации и торжество жизни над смертью. В глазах Ивана горечь, и гнев прожитого, и вера, и добро. И так в большинстве рисунков — вера в добро и любовь к человеку...

Валерий часто повторял, что главное — самообразование. И действительно, как много он знал и умел. Как был глубоко талантлив и одарен и как по-человечески доброжелателен, добр и внимателен не только к своим близким, но вообще к людям, к миру.

Говорят, он изменился в последний год своей жизни. Я его таким не видела... Помню его только улыбающимся и приветливым, кроме, может быть, тех минут, часов, когда он работал: это не обязательно были рисунки, это могли быть стихи, большей частью фило-

ДОРОГИ АРМЕНИИ.

следствия от зловещих отходов химии. Дело в том, что химические предприятия сооружались, как это ни странно, именно на территории оазисов в то время, когда более восьмидесяти процентов республики составляли каменные пустыри. Об этом мы подумали потом. Когда оголились скалы долины реки Дебет, когда поределели леса в окрестностях Кировакана. Да, все это было потом. А тогда на глазах у всех медленно погибал Севан. И смертельная болезнь была очевидной, осязаемой. Люди стояли перед, казалось, неразрешимой дилеммой. Воду не выпустить нельзя, Севан не спасти нельзя.

В конце пятидесятых годов страну облетела радостная весть: отменена пресловутая программа попуска уровня Севана на пятьдесят метров. Из сообщения печати тех лет: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся Армении, Советское правительство приняло решение о сохранении озера Севан на высоких отметках и близких к природным уровням. Для этого необходимо прекратить слив вековых запасов вод озера и довести попуск воды до величины свободного стока в водном балансе озера...»

Историческое это решение по духу своему соответствовало реалистической мысли, с которой носились поэты. То есть разумно и экономно берите столько воды, сколько можно брать оптимально. Так, чтобы не навредить природе.

Именно тогда вспомнили поучительную армянскую легенду, от которой так упорно отмахивались в свое время проектировщики программы попуска вод Севана. Легенду о том, как каменотес сотворил родник в деревне.

В отвесной скале он просверлил отверстие, из которого текла тонкая струйка живительной воды. Всякий, кто пересказывает эту легенду, непременно подчеркивает слово «тонкая». Тонкая струйка. Мол, не какая-нибудь, а вот... оптимальная. Говорят, мастер не оставил своего имени. Но на отшлифованном участке отвесной скалы высек слова о том, что скала эта священная и что отверстие нельзя расширять. Это уже табу. И не просто табу. Ведь скала священная. Значит, нарушив запрет, совершишь не просто преступление, но святотатство. И все же спустя века нашелся-таки человек, который в угоду, так сказать, своим современникам взялся расширить отверстие. Вода пошла сильнее, шумнее. Человек этот был объявлен героем. Однако слава его продолжалась недолго. Вскоре высох

родник. А за ним «высохла» и деревня. Но вспоминали не только легенды, мифы и сказания о воде и жизни. Вспоминали историю. Две тысячи лет назад древние римляне решили выпустить часть вод высокогорного озера Фуцино. Тоже вулканического происхождения и тоже с водой-рудой. Документов «Фуцинской проблемы» не сохранилось, но кое-какой след все-таки остался. Когда кончились запасы воды, высохла долина, которая орошалась ими. Но еще до этого высох весь окрест озера. Знакомясь с историей Фуцино, я узнал, что сегодняшние итальянцы даже спустя двадцать веков не хотят простить своих далеких предков. Тоже весть и урок и укор.

Севан намного больше Фуцино. Значит, трагедия была бы намного внушительнее. Но, к великому счастью, трагедия была предотвращена. Историей даже зафиксировано то самое мгновение, когда началось спасение озера.

Полдень двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот шестьдесят третьего года. Недалеко от всемирно известного курорта Джермук, у древнего армянского села Кечут, раздался оглушительный взрыв-салют. Эхо его разнеслось по всей Армении, по всей стране. Взрыв этот оповестил о начале строительства уникального тоннеля в мире Арпа—Севан.

Для того, чтобы сохранить баланс озера, нужна была дополнительная вода. И пошла на сотворение чуда. Проект тоннеля казался фантастическим. Даже нереальным. Слишком рискованным. Очень дорогим. Однако других вариантов не было. Выше высокогорного озера текла только высокогорная река Арпа. Что же касается цены, то сама жизнь давно показала и подтвердила народную мудрость: долг и любовь не имеют цены. Цена любви — любовь. На любовь Севана ответили любовью. Советская власть решила вернуть долг Севану...

Река Арпа берет начало у отметки 3200 метров над уровнем моря. Длина ее — 126 километров. У села Кечут она проходит на отметке 1920 метра. Нынешний уровень Севана порядка 1900. Идеальный наклон. Расстояние между ними без крохотного малого пятьдесят километров. Такова биография, родившая еще одну легенду. Строительство тоннеля Арпа—Севан.

По проекту оно должно было быть завершено к исходу седьмого года. Но за семь лет не успели. И за десять не успели. Можно было винить проектировщиков, и все тут. Но этого не сделал никто. Проектировщики не были виноваты. Как не были виноваты и тоннелестроители. Чего греха таить, нередко мы

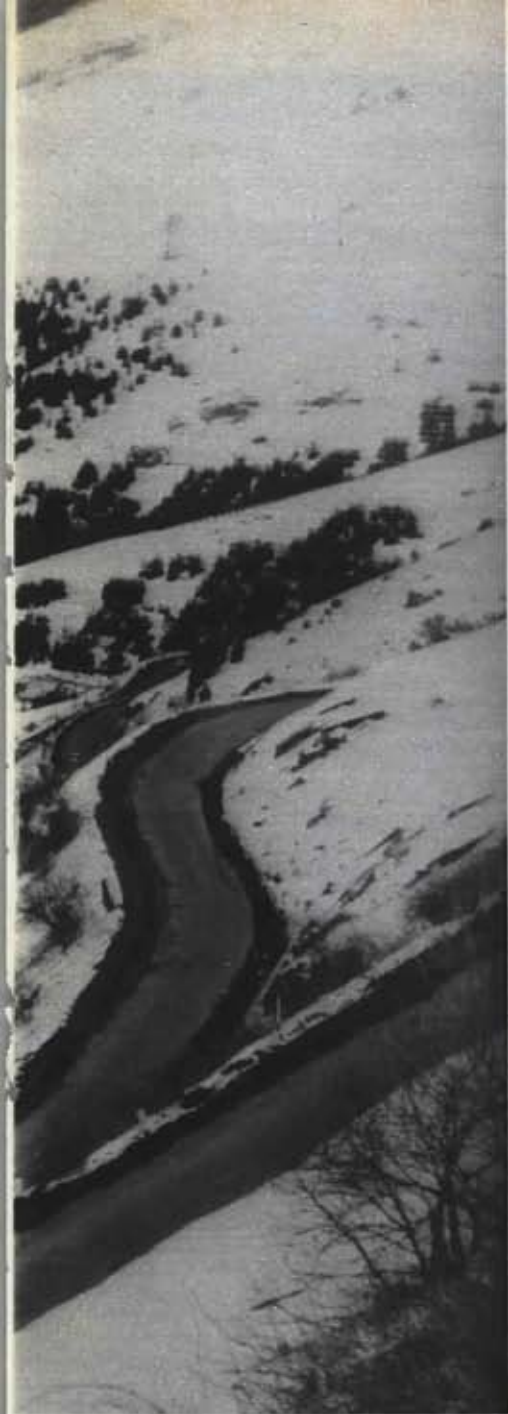
свои грехи оправдываем и списываем за счет так называемых объективных причин. Но здесь, в толще лежащего между Арпой и Севаном вулканического Ваденисского хребта, порой создавалось впечатление, что сама природа решила чуть ли не на каждом шагу подвергать испытанию волю и характер человека. Но об этом потом. А пока вернемся к срокам. Вместо семи лет — семнадцать. Маленькие дети первых проходчиков на финише стройки уже работали вместе с отцами или заменяли их. Тоннель длиною в целое поколение.

Мне посчастливилось пройти пешком и проехать на крохотных электровозах, именуемых «карликами», весь путь тоннеля. Все сорок восемь с половиной километров. Не все, наверное, знают, что этот подземный канал — небеспорядочный, нецельный. Обрывается он на девятнадцатом километре, где проходит ущелье весело журчащей речки Ехегис, впадающей в Арпу. Сегодня через каньон переброшен мост-желоб, по которому идет вода. На дне ущелья у самого Ехегиса построено водосборное сооружение, благодаря которому дополнительная порция ехегисской воды поступает в канал. Таким образом, приток Арпы, изменив свое русло, ничуть не изменил самой Арпе. Ехегис вновь, как и тысячелетия, впадает в Арпу. А ведь «дополнительная порция» не такая уж маленькая. Максимально по каналу может пройти до двадцати кубометров воды в секунду. Треть — за счет Ехегиса. Так что ставшее привычным для нашего слуха словосочетание «Арпа — Севан», как видим, не совсем верно и точно соответствует действительности.

Здесь, у Ехегиса, в сопровождении «сквозного бригадира» участка № 6 шахты № 2 Эдика Махаряна несколько лет назад я спустился по клетке вниз. Уже через сто пятьдесят метров стоял такой шум, словно у сопла реактивного двигателя. Потом появились отблески света, затих гул. Лифт плавно остановился. Глубина 358 метров. Тотчас же попали в хваткие лапы холодных сквозняков. Сутки я провел с проходчиками. Работы шли днем и ночью. Бесперебойно. Затем я приехал уже, когда бетонировали стены. И опять — днем и ночью. За смену одна бригада проходит до четырех метров. Это примерно семьдесят тонн бетона. Смотришь на серое жидкое месиво, и не верится, что в скором времени оно не просто затвердеет, а постепенно превратится в камень. А по утверждению специалистов, в воде через сто лет бетон превратится в ... гранит. Словом, строят на вечные времена.

Последние годы дело шло особенно туго. Странная картина получалась. За десять лет прошли чуть ли не девяносто с лишним процентов тоннеля. Осталась вроде бы самая малость, и вдруг топчутся на месте. Вроде бы с годами и техника становилась совершеннее и опыта прибавилось. А вот дело не шло.

Случилось, целых два года ни одного сантиметра не снимали со «лба» забоя. Все мы волновались. Что называется, руки опускались. Ведь Севан тем временем продолжал мелеть. Журналисты, видимо, стараясь хоть как-то оправдать тоннелестроителей, рассказывали читателям о том, что на пути проходчиков встала невероятной твердости порода. В одном из забоев проходчики показывали мне газету, где рассказывалось о породе крепкой, «как алмаз», и признавались: «Ах, если бы так было бы на самом деле. Если бы была стальная порода...» Мол, давно уже воды Арпы и Ехегиса потекли бы к Севану. Никакая не скала, не гранит, не алмаз, а всего лишь ... глина. Казалось, глина и есть глина. Режь, как по маслу, и дело с концом. Но глина оказалась особой. У специалистов порода эта называется «андезит гидротермального изменения». Я взял себе на память кусочек такой породы со «лба» забоя. На ощупь — гранит, и только. Но полегит

емую электроэнергию, должна была давать продукцию.

Правда, тогда не думали еще о том, что через пару десятилетий придется потратить гигантские средства и усилия, чтобы попытаться ликвидировать по-

софские, или проза. В них тоже все самобытно, оригинально, ничего заимствованного. А какая бескомпромиссность в работе: не подлаживался, не подражал.

Меня Валера всегда изумлял запасом своих знаний. Потом я привык к тому, что его интересует все: политика, наука, искусство и даже техника. А когда интересно — знания не могут быть поверхностными. Валера был жизнелюбив и жизнелюбив, несмотря на сложность творческой жизни. Он был по-юношески оптимистичен и мудр, как старец. Проницатель и философичен. Для будущего было много заготовлено. Он верил в свой талант, верил в то, что впереди у него много больших серьезных работ, иллюстраций к книгам любимых авторов. И еще — никогда Валера не позволял себе сделки с совестью или поступка, унижавшего его как художника и человека. Много раздумий, много творческих планов — и все впереди было бы так, как ему виделось и хотелось. Если бы не несчастье.

Валерий СМЕРНИЦКИЙ

Посвящается родителям.

Тому минуло тридцать лет —
И нет войны, и нет побед...
Давно воронки заросли
На нежной коже земли.
И мы пируем за столом
И говорим о том о сем,
Не говорим лишь о войне...
Незримо за столом сидят
Шеренги длинные солдат...
Одни погибли под Москвой,
Под Киевом погиб другой...
Болтаем о прошедшем дне,
Что луноходы на Луне...
Но мы-то живы, черт возьми!
Вставай же, друг, бокал возьми,
Давайте выпьем мы за них —
Героев павших и живых,
За тех, с кем рядом я сейчас...
За вас, родные, пью за вас!

Иллюстрация к повести Василия БЫКОВА «АЛЬПИЙСКАЯ БАЛЛАДА».

**НЕДАЛЕКО ОТ СЕВАНА
НА МЕСТЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ БИТВЫ
АРМЯНСКОГО НАРОДА С
ТУРЕЦКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ,
ВОЗДВИГНУТ САРДАРАПАТСКИЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС.**

такой кусок в воде часок-другой и превращается в липкую жижу. А как по маслу не порежешь потому, что в таких породах неизмеримо высоко так называемое горное давление. Даже в специальной литературе не описаны случаи, когда работы под землей проводились при горном давлении, превышающем двести пятьдесят тонн на квадратный метр. А тут 450! Почти в два раза больше известных практике допустимых величин. Однако, как выяснилось, проблема не только в высоком давлении. Перед тем как спуститься в шахту № 4, где находился известный сегодня всем тоннелестроителям мира забой № 9, я познакомился с документом, составленным специалистами: «В забое № 9 проходимость пород начинают приобретать взрывоопасный характер. Газодинамические явления, и в частности вызванные выбросом породы и газа, происходят независимо от способа разработки и неизбежно возникают при любом способе проходки. Дело осложняется тем, что выбросоопасная зона находится под огромным горным давлением».

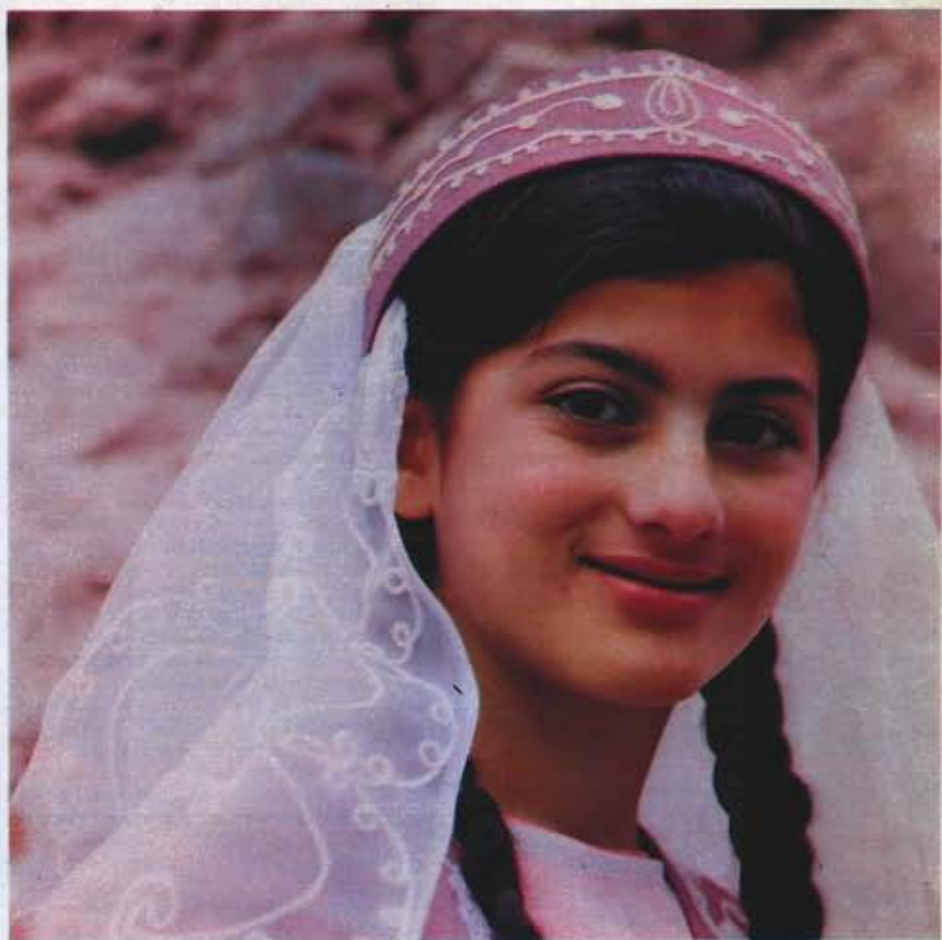
Чугунные тубинки, которыми во всем мире облицовывают стены тоннелей, здесь, на глубине почти семисот метров, не выдерживали нагрузок. Я видел, как чугун превращался в гравий. Нужно было найти другой материал. Значит, необходимы эксперименты. Значит, нужно время. Новые сроки. Помогли ученые. Единственное спасение, сказали они, железобетонные блоки. Ими обкладывали стену полукольцом. Я посчитал. Двенадцать блоков с боков и один, замковый, сверху. Ширина каждого блока — около полуметра. Одно такое полукольцо бригада устанавливает за сутки, а то и за двое. Ведь прежде надо сантиметр за сантиметром выскрести породу со «лба», подставляя со всех сторон опоры. Ибо, как мы уже знаем, со всех сторон одновременно давит 450 тонн. И такое вот состояние на протяжении целого километра. Только на одном этом участке «топались» несколько лет.

Девятый забой был глухим. Никакой

сквозной вентиляции. Воздух подавался через огромные трубы, которые висели под самым потолком просвета тоннеля. Если в других забоях мерзли от холодных сквозняков, то здесь форма одежды — пляжная. Температура доходила до сорока градусов. Курящие бросали последние окурки еще в лифте, который спускался за восемь минут. Последняя затяжка и, так сказать, за борт. Совсем как при погружении подводной лодки. По технике безопасности, кроме обязательной каски, нужно было носить на себе баллончик с кислородом и маску.

Примерно в двенадцати километрах от Севана, точнее, от выходного портала канала, проходчики пережили, пожалуй, одну из самых страшных катастроф. Сто тридцать метров готового участка. Вырыт тоннель диаметром около четырех метров. Обложены стены тубинками. Забетонированы. Участок полностью готов к сдаче. На протяжении всех ста тридцати метров проходят рельсы, гигантские трубы, электропроводка. Здесь электровозы, различная техника. И вдруг... выброс. Слово это, так сказать, специальное. Но даже специалисты тщетно пытаются объяснить смысл и суть его. Ибо нет единой и четкой теории на этот счет. Да и чтобы по-настоящему понять и представить себе, что это такое, нужно, наверное, увидеть глазами результаты самой катастрофы. Тут никакие объяснения не помогут. Над участком в сто тридцать метров работали почти год. И вдруг за несколько мгновений выброс наполнил породой все сто тридцать метров. Под землей, вернее, в земле, в породе, оказалось все, что находилось в просвете тоннеля. Нужно было начинать все сначала — вычищать наполненный выбросом просвет. Другого пути не было. И ребята работали. Они торопились. Спешили.

Пока еще нет бесспорной теории, объясняющей явление выброса. Считают, что сжатый газ находится в кристаллическом состоянии. И под воздействием трений при высоком горном давлении происходит сильный взрыв. К счастью, такое за всю историю строительства Арпы—Севана отмечалось всего один раз. А признанный специалист-горняк, профессор В. И. Никулин считает, что выброс, подобный тому, что произошел в шахте № 3, нигде в мире не наблюдался. Как тут опять не вспомнить природу, которая, казалось, перед тоннелестроителями, представителями двадцати

МОЛОДОСТЬ АРМЕНИИ.

**ПРИРОДА —
ВЕЧНАЯ «НАТУРЩИЦА»
ДЛЯ ХУДОЖНИКОВ.**

восьми национальностей нашей страны, ставила дополнительные испытания. Когда наконец очистили тоннель от выброса, от породы, то на стенах вырисовывались слова, написанные на разных языках: «Арпа — Севан — это дружба». «Спешите, Арпа и Ехегис, к нашему Севану», «Горю Севана можно помочь лишь чистыми руками».

Накануне нового, 1980 года произошло то, чего так долго ждали. Последняя сбойка. Все тоньше и тоньше стенка, называемая с двух сторон «лбами» забоя. Еще мгновение — и слово это практически исчезнет из лексикона строителей Арпы—Севана. Никакого «лба». Исчезла из штатного расписания самая главная специальность — проходчик. Об этом мне говорил на следующий день после последней сбойки начальник шахты № 3 Юрий Мкртчян, работающий на стройке с 8 мая 1963 года. То есть задолго до того самого первого взрыва у села Кечут. Он с удовольствием сказал, что отныне слово «проходчик» здесь потеряло свое прямое назначение. В самом деле, слово это от глагола «проходить». Все уже было пройдено, все до последнего сантиметра. Все сорок восемь километров четыреста метров.

Пока еще шли, что называется, отделочные работы тоннеля, началось выполнение Кечутского водохранилища. Вскоре родилось на высоте более двух тысяч метров небольшое искусственное море. Длина — восемь километров, ширина — три километра. Площадь — около ста тридцати гектаров. Бывшее село Кечут оказалось на дне «моря». Но село есть, и оно здравствует. Государство построило выше по склону горы новые добротные дома. Кечут стал портовым населенным пунктом. Там живут животноводы, механизаторы и... рыбаки. Есть большой водоем, значит, есть уже и серьезное рыбное хозяйство. Вокруг отдыхают гости Армении, прибывшие со всех концов страны в Джермук.

21 марта 1981 года в Ереване был теплый весенний день. С раннего утра вереница машин направляется к Севанской трассе. На лицах улыбки. Никто не скрывает своего волнения.

Машины ползут медленно. Как-никак, Севан выше Еревана на целую тысячу метров. Не доезжая до кромки озера, поворот направо. На дорожном знаке написано: «Камо». Город носит имя пламенного революционера, верного соратника Ленина, бесстрашного человека Симона Тер-Петросяна (Камо). К торжествам по случаю открытия тоннеля построена новая асфальтированная дорога к селу Цовинар.

Яблоку негде упасть. Люди поют. Танцуют. Из громкоговорителей течет музыка. Накануне открыли шлюзы входного портала на Кечутском водохранилище, и вода, преодолев почти пятьдесят километров за семь часов, показалась у выходного портала. Смотришь на то, как целая река течет в Севан, и не верится. Не случайно же говорится: чтобы поверить, надо потрогать руками. И люди трогали. Набирали в ладони воды и обдавали лицо, подставляя щеки солнцу. Наиболее отчаянные купались в Севане.

Свершилось.

Из динамиков разнеслись по округе очень точные слова: «Ваш героический труд, проложивший дорогу сквозь высокие горы, навеки останется в благодарной памяти людей как прекрасное свершение нашего времени...»
«Прекрасное свершение...»

Севан спасен. И это осязаемый факт. Отныне ни на один сантиметр не будет падать уровень озера. Но и не поднимется тоже. Практически воды Арпы и

РАДУГА НАД ГОРАМИ.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ.

Ехегиса пойдут на орошение полей республики. Так что озеро спасено на сегодняшнем уровне, сохранится, так сказать, статус-кво. Но, по данным ученых, для возрождения былой биосферы необходимо уровень воды поднять примерно на пять метров. Дело в том, что большое снижение уровня изменило температурный режим воды. Отсюда и изменение биологического равновесия. Ведь попуск воды уменьшил зеркало воды всего на десять процентов. А вот объем, как уже говорилось, почти наполовину. На XXVI съезде нашей партии подчеркивалась необходимость дальнейшей охраны ресурсов озера Севан. В союзных органах разработаны мероприятия по поднятию уровня озера. Учреждены границы национального парка «Севан», заказников и территорий с режимом заповедника в пределах национального парка. Кроме того, проводятся практические работы по переброске в Севан части вод рек Воротан и Гетик. То, что все это в скором времени будет осуществлено, ни у кого не вызывает сомнения. Поручкой тому — само строительство Арпы — Севана.

Рассказывают, как Аветик Исаакян, знавший обилие пословиц и поговорок, сказал одному из ратовавших в свое время за снижение уровня Севана: «Кто равнодушен к будущему, тот не заслуживает названия человека».

Поэты всегда правы. Они ведь обладают даром предвидения.
В этом убедил Севан...

«ВСЕ — СПЛОШНОЙ ОБМАН...»

Несколько мнений
о «летающих тарелках»

Петер ТОМСЕН

Поклонники НЛО (неопознанных летающих объектов) «точно знают», как выглядят управляющие ими зеленые человечки. «Абсолютно похожи на нас во всем, вплоть до одежды,— так описывает инопланетян Перейра, «генеральный секретарь бразильского кружка по изучению НЛО». — Они не агрессивны и не прибегают ни к какому оружию». Только однажды будто бы такой «внеземной» субъект с помощью светового луча вывел из строя некоего свидетеля...

Основываясь на 333 «показаниях», Перейра подробно образом описал и классифицировал 13 различных видов представителей иных звездных миров, в том числе одну странную женщину: «Глаз у нее был в центре лба и, казалось, излучал свет».

В обширной литературе об НЛО встречается множество фотографий. Так, в пользующейся успехом книге Берлитца «Происшествие в Розулле» приводится такой снимок: двое солдат ведут маленького, ростом 1 метр 30 сантиметров «чужака» — одного из «шести безволосых человечков с огромными круглыми головами и серыми лицами». По словам автора, эти шестеро спаслись с «летающей тарелки», потерпевшей в 1947 году аварию в штате Нью-Мексико. Командир ближайшего соединения военно-воздушных сил доложил якобы о случившемся тогдашнему президенту США Гарри Трумэну. «ЦРУ,— фантазирует далее Берлиц,— в интересах национальной безопасности уничтожило шестерых неизвестных».

Клаус Вебнер из Висбадена (ФРГ), на протяжении ряда лет пристально изучавший феномен НЛО, расследовал и эту жуткую историю. И именно в своем родном городе сделал открытие: «Я обнаружил в подшивке «Висбаденер Тагблатт» статью, снабженную фотографиями, среди которых одна оказалась в точности той же, что в книге Берлитца». Эта фотография, изображавшая «одного из членов инопланетного экипажа», относилась к статье под названием «Летающие блюдца над Висбаденом» и помещена была в номере от 1 апреля 1950 года.

Вебнер разыскал давно вышедшего на пенсию редактора Вильгельма Шпрунклея, придумавшего эту первоапрельскую шутку, и узнал происхождение снимка. Оказалось, фотограф Ганс Шеффлер просто сфотографировал своего пятилетнего сына вместе с двумя американскими солдатами. Один солдат нес сумку с противогазом. Остальное доделала ретушь.

После того, как висбаденские читатели посмеялись над первоапрельской шуткой с «мистером Икс», фотография непонятными путями попала в Америку, в ФБР. А там, как полагает Вебнер, соавтор Берлитца Мур, узнав о существовании «материала ФБР», получил копию старой шуточной фотографии. Так малень-

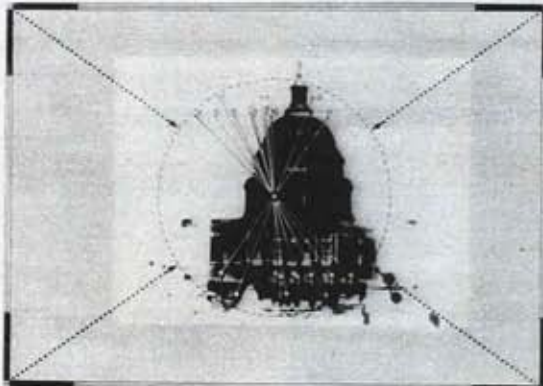
кий сын фотографа через 30 лет предстал как «инопланетянин с дыхательным прибором», о чем в январе 1981 года как о сенсации сообщила «Бильд-Цайтунг», ссылаясь на книгу Берлитца.

Клаус Вебнер: «Так кончаются все истории об НЛО, когда разбираешься в них всерьез». Он собрал 350 снимков «летающих тарелок» и выпустил книгу, проанализировав эти «факты». «В поисках аутентичных фотографий я посетил архивы и провел обширную переписку, охватывающую весь мир». Его резюме: «Приводимые доказательства в большинстве своем нелепы, иные и вовсе глупы. Несмотря на все усилия, я до сего дня так и не видел ни единого подлинного фотоснимка, действительно изображающего внеземной летательный аппарат».

Многочисленные сообщения прессы об НЛО Вебнер объясняет так: «Каждый списывает у другого да еще приукрашивает и прибавляет от себя». Иллюстриро-

СНИМОК КАПИТОЛИЯ И АНАЛИЗ СНИМКА ЗАГАДОЧНЫЕ СВЕТАЩИЕСЯ ТОЧКИ ЯВЛЯЮТСЯ ЗЕРКАЛЬНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ФОНАРЕЙ.

НЕОПОЗНАННЫМИ ЛЕТАЮЩИМИ ОБЪЕКТАМИ ОБЪЯВЛЕНЫ ЧЕЧЕВИЦЕОБРАЗНЫЕ ОБЛАКА, ОБРАЗОВАННЫЕ ВОЗДУШНЫМИ ТЕЧЕНИЯМИ НАД СКЛОНАМИ ГОР САН-ПАУЛО.

ваный журнал «Бунте» в марте 1982 года опубликовал четырехсерийный материал «НЛО — загадка столетия». По поводу изображенного на снимке летательного аппарата в форме тарелки с иллюминатором «Бунте» утверждает: «Такой летательный аппарат астронавты сфотографировали над Луной. Но сделанные ими фотографии строго засекречены». В действительности же иллюстрация заимствована из книги «Кусок головоломки», выпущенной в 1966 году в Англии...

Ничего не остается при ближайшем рассмотрении и от «секретных протоколов НАСА» (Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства, США). По сообщению «Бунте», американский астронавт Эдвин Олдрин сфотографировал над луной «два светящихся диска». А между тем на фотографиях — всего лишь зеркальное отображение огней американского космического корабля.

На запрос в НАСА был получен ответ: «Чистейший вздор, будто астронавты видели внеземные летательные аппараты, сфотографировали их, а НАСА держит эти снимки в секрете»...

Военно-воздушные силы США объявили, что тщательное изучение НЛО, которое велось ими 21 год, показало:

- нет никаких доказательств, что неопознанные летающие объекты имеют внеземное происхождение;
- неопознанные летающие объекты при внимательном изучении оказываются выпущенными с земли предметами, птицами, небесными телами, метеорологическими явлениями и т. д.

Кроме того, военно-воздушные силы установили: дважды сообщения о замеченных над США неопознанных летающих объектах значительно превысили обычное число таких сообщений — а их примерно 500 в год. Это случилось в 1952 и 1957 годах. Но именно в эти годы произошли действительно серьезные события: в 1952 году была взорвана первая водородная бомба, а в 1957 году запущен первый советский спутник.

То, что с началом космической эры разыгрались фантазии насчет НЛО, вполне понятно. Но Клаус Вебнер указывает и на развитие ядерного оружия как еще на одну причину истерии с НЛО: «В литературе об НЛО постоянно натываешься на центральную тему — инопланетяне спасут человечество от атомного самоубийства. Фантазии об НЛО, с одной стороны, означают бегство от жуткой действительности в прекрасный мир грез, а с другой — бессилие перед беспощадностью ядерного века».

Его вывод: «Причины истерии с НЛО следует искать не на небесах, а в нашем собственном, человеческом сознании».

В древности на Востоке говорили: «Живопись безмолвна, но рождает стихи» — и, смею добавить, поэзией рождена.

Тот вид искусства, о котором я собираюсь рассказать, с трудом поддается жанровому определению: цветная графика, силуэт, аппликация? Единственный инструмент — миниатюрные ножницы в руках Людмилы Пассар, художницы из Комсомольска-на-Амуре, — виртуозен, стремителен и безошибочен. Слово единым росчерком пера созданы ее сложные изящные композиции на цветной бумаге.

В старинном восточном трактате есть философский панегирик этому единому росчерку пера, единой черте, посредством которой человек может передать внешний вид и внутреннюю сущность, в малом — большое. Если идея осознана, то и кисть дойдет до корня вещей. Речь идет здесь не просто о техническом приеме неразрывной линии, не о «неизмеримой мере» — космогоническом единстве всего сущего.

Корень вещей, корень жизни — легендарный женьшень — ищет молодая нанайская художница, чтобы осмыслить и воплотить его в своих произведениях.

В языческом прошлом нанайцы, как и многие народы мира, выразили в своем воображении некое мифическое древо. В его ветвях жили чока — птицы — души младенцев, ждущих рождения. Ведь древо мыслилось источником вечного обновления жизни, от него якобы зависела плодотворность женщины, а значит, продолжение рода. К нему слетались добрые драконы — мудры. А над его кроной сияло солнце — Сиун, у которого на рассвете, когда оно касалось ухом земли, можно попросить что угодно: и здоровья и собора.

Изображая могущественное древо на свадебных ли халатах невест или на ритуальных полотнищах — дуску, человек ощущал гармонию космических стихий, причастных к его творению. В этом едином замесе абorigены Амура искали своих прародителей — среди птиц, зверей, деревьев. Избирали родственников, завидуя зоркому полету коршуна, силе медведя, мудрой осторожности тигра, надеясь, что качества эти перейдут по наследству человеку. Завещали: не трогай коршуна, почитай медведя, не убей тигра.

Если собрать легенды о происхождении нанайских родов — возникает эпос о начале начал, о животворных силах природы. Еще живы легенды, не совсем выстужены временем. Я читала их в рабочих тетрадях Людмилы Пассар. Под текстами с пунктуальностью фольклориста указаны информаторы-сказители: бабушка Далдака Бельди из Найхина, Владимир Иванович Дигер, директор школы в Халбах, Елена Оленка, учительница рисования из поселка Дубовый Мыс. Тридцати лет. Странно представить себе тридцатилетнюю сказительницу, да еще с высшим образованием. И отродно. Ведь и Людмиле, выпускнице художественно-графического факультета пединститута имени Герцена, едва исполнилось столько же. Тем знаменательнее ее интерес к истокам культуры своего народа.

«Давным-давно в нанайское стойбище страшная болезнь пришла. Всех скосила. Одна девушка осталась. Сильно плакала. Вот раз вышла она из дому, и упал ей на плечо помет коршуна, что кружился над крышей. После этого родился у нее сын. Мать вскармила его пищей, оставшейся в домах умерших. Стал мальчик взрослым и

купил себе жену. Три сына были у них, говорят, самые зоркие и храбрые из людей. Так от коршуна — пичуэи произошел род Самар».

Как пластически решить эту легенду? В первозданно голубом одноцвете бумаги, словно на доските неба, Людмила вырезает тончайшую вязь. Пара остроглазых коршунов в центре. Их силуэт скорее орнаментально сказочен, чем реален. Могучие птицы стягивают к себе все животворные силы природы. Гибкие, точно лекала, тела соболей прорастают упругими завитками трав. Травы — напряженными дугами рыб. Из этой единой завязи сущего возникает символическая маска рода. Так проступают и таинственные личины неолита, выбитые на камнях возле селения Сикачи-Алян на

Это только частный пример исследовательской работы художницы, без которой она не мыслит главного направления своего творчества.

Цветная бумага при всей ее декоративности слишком далека от традиционных материалов — рыбьей кожи, ровдуги, бересты, которые украшали аппликациями, силуэтами и рельефной резьбой нанайские мастерицы.

Как и когда родилось это уникальное искусство, достигшее совершенства на своей родине — берегах Амура?

Года два назад довелось мне услышать от мастерицы Дарьи Николаевны Удинкан сказку о злом духе Дунзулмафа. Собака — вочан спасала от его преследований ребятишек: брата и сестру. А когда набралась сил, чтобы биться со злодеем, велела детям: «До-

Алина ЧАДАЕВА

Легенды и были северера

Амуре. Из черных базальтов, как из тьмы тысячелетий.

Голубую смугу Люда наклеит на черный ночной фон, и укротятся, слившись, стихии земли и неба.

Пластика декоративных композиций Людмилы Пассар безупречно национальна. Со скрупулезностью выверяет художница, не ушла ли она в сторону от традиционной трактовки образов, населяющих ее произведения. Первые зрители и судьи ее работ — нанайские мастерицы, владеющие орнаментом. Однажды в Найхине, родном селе Люды, я наблюдала такую сцену. Старая малюсенькая Далдака (а имя ее в переводе значит «самая высокая»), неутомимо подвижная, несмотря на свой преклонный возраст, рассматривала графический лист своей двоюродной внучки, и взгляд ее был зорок, умен и провицателен. Смотрела долго, пристально, потом спросила: «Почему у тебя мудур без чешуи? Гольный, как лягушка. И пальцев четыре. Пятый должен быть, чуть в сторону отставлен, как у человека, у мудура рука».

Людмила внимательна к каждому замечанию. Ей важно сохранить мельчайшие детали древней трактовки образов. В них мог быть зашифрован ключ, открывающий двери из фантазии в реальность. Ведь не случайно часть спинки свадебного халата невесты расшивали под «чешую» дракона, как бы «бронирова» девушку от грядущего зла.

Попытки выяснить, понять перво-исходный смысл любого элемента старинного орнамента хранит художницу от стилизации, от формальной красоты композиций. Прикасаюсь к квадрату цветной бумаги, она заново творит поэтический мир ее предков, рассыпанный в изустных легендах, спрятавшийся в узорах халатов и отжившей утвари.

Нелегко теперь собрать подробности этого мира. Слишком давно, в незапамятные времена, рождены мифы о древах нанайских родов, чтобы не поредела их листва. Как разыскать хотя бы ее очертания, наполнить зелеными соками наивного и мудрого вымысла, в котором билась мысль человека в надежде угадать изначальное?

станьте мне бересту — тало». Принесли они тало, расстелили перед собакой. Тогда вынула она уголь из печки, стала на бересте рисовать. Себя нарисовала и страшилище Дунзулмафа. Вырезала ножом рисунки — дурун, отдала детям.

— Смотрите на них, глаз не отрывайте. Если у меня кровь выступит, значит, ранена я. Тогда на теплое место мой портрет положите, рану перевязывайте. Если у Дунзулмафа кровь появится, бросайте его дурун на золу, ближе к огню держите».

Вряд ли это чисто сказочный вымысел. Рисунки углем на бересте, вырезанные по контуру ножом, — не от них ли и пошло искусство амурского силуэта?

Старинная сказка донесла до нас и другое — отношение древнего человека к нарисованной им линии как к магическому инструменту, который способен влиять на события.

— Я тебе не сказала, как по-нанайски портрет страшилища называется? — спросила меня Дарья Николаевна. — Фюлен называется.

На следующий день я опять услышала это слово, но в ином контексте. Дарья Николаевна делала черемуховые лепешки, прежде обычные в нанайской кухне. Перед тем как выставить их на солнце сушить, она пальцем прорисовала в их чернильной мякоти узоры, и каждый из них был копией сикачи — алянских личин.

— Вот это и есть фюлендоудэни — маска чудовища.

Как сразу выстроилась родственная связь исходных прообразов амурских наскальных личин, рельефных ликов на лепешках, силуэтах на бересте и... масок зарождения нанайских родов в бумажных садах Людмилы Пассар. Как же не вернуться ей к тем исконным материалам, в которых зачинались пластические искусства ее народа.

Доступна и податлива береста. От Архангельска до Амура встречаются березовые рощи. Тысячи верст отделяют эти места, но и у русских и у нанайцев много было в быту функционально общей утвари из бересты. На Северной Двине бурак — по грибы, по ягоды ходить. В нанайском селе кондон — матаха, тоже из бересты, — чернику, клюкву собирать. И черпаки для воды, и ведра, и легкие лодки-берестянки — фасон разный, а суть и материал те же. Или вот туес и чунгнэ. Круглые, как березовые чурбачки. Русские в них сметану, масло в самую

жару на пожню брали. Знали: не испортится продукт, береста — плохой проводник тепла. Нанайцы в чунгнэ зерно держали, сушеную рыбу, мясо. Но поставьте их рядом, оба этих цилиндра из бересты. Один — суриком крашен. По горячему полю — размашистые яркие цветки. Другой решен в сдержанной, графичной, светлочерной гамме. Хоровод силуэтов геометрически упорядочен. Напряженность изображений рыб, птиц, зверей скрыта в тугой спиральной пластике, подобна пружине, готовой вот-вот развернуться.

Характер орнамента — характер народа. Нанайскую пластику Людмила Пассар постигает не только зрением ума, но и рук. У Анны Кузьминичны Самар (кстати, члена Союза художников) она терпеливо училась вырезать на затупевшей поверхности бересты изысканный узор, расщеплять тонкий прут, чтобы шить им края шка-тулки.

У старинного ремесла много тонкостей в технологии. Как, например, научить бересту эластичности, избавить ее от первоначальной тяги обвиться вокруг ствола? Оказывается, просто: промазать берестяной доску подсолнечным маслом. Куда сложнее обработать рыбу кожу. Да и надобности в ней нет. Давно уж нанайцы не шьют из нее ни халатов, ни обуви, ни рукавиц. Но разве могут старики отказать художнице, если для важного дела нужно. И, как прежде, достают завалы, где-нибудь в амбаре нехитрый снаряд — дели, сминают в комочку высушенные шкурки кеты или сазана и колотят по ним деревянной тяткой — укус, пока не станет кожа мягкой и бархатистой.

— Смотри, дочка, не велик секрет.

Люда садится рядом, смотрит. Совсем как в детстве, в Найхине.

«Первое, куда убежал взгляд, стоило утром открыть глаза, — ковер на стене. Нанайские сады Семирамиды. На них птицы похожи на цветы, цветы — на волны. Глаз пыгается распутать бесконечное виеенье узора, найти начало, конец. Да где там!

На полу сидит Далдака. Люда зовет ее «даня» — бабушка: по имени нельзя — обидишь. Прижала плоскую рукоятку ножа к подбородку, кружит острием по бересте, вырезает. Так занята работой, что и не слышит, как сзади подбирается внучка и, подражая бабушке, ножницами раскурочивает ей подол халата. Далдака сердится, а девочке никак не справиться с искусением.

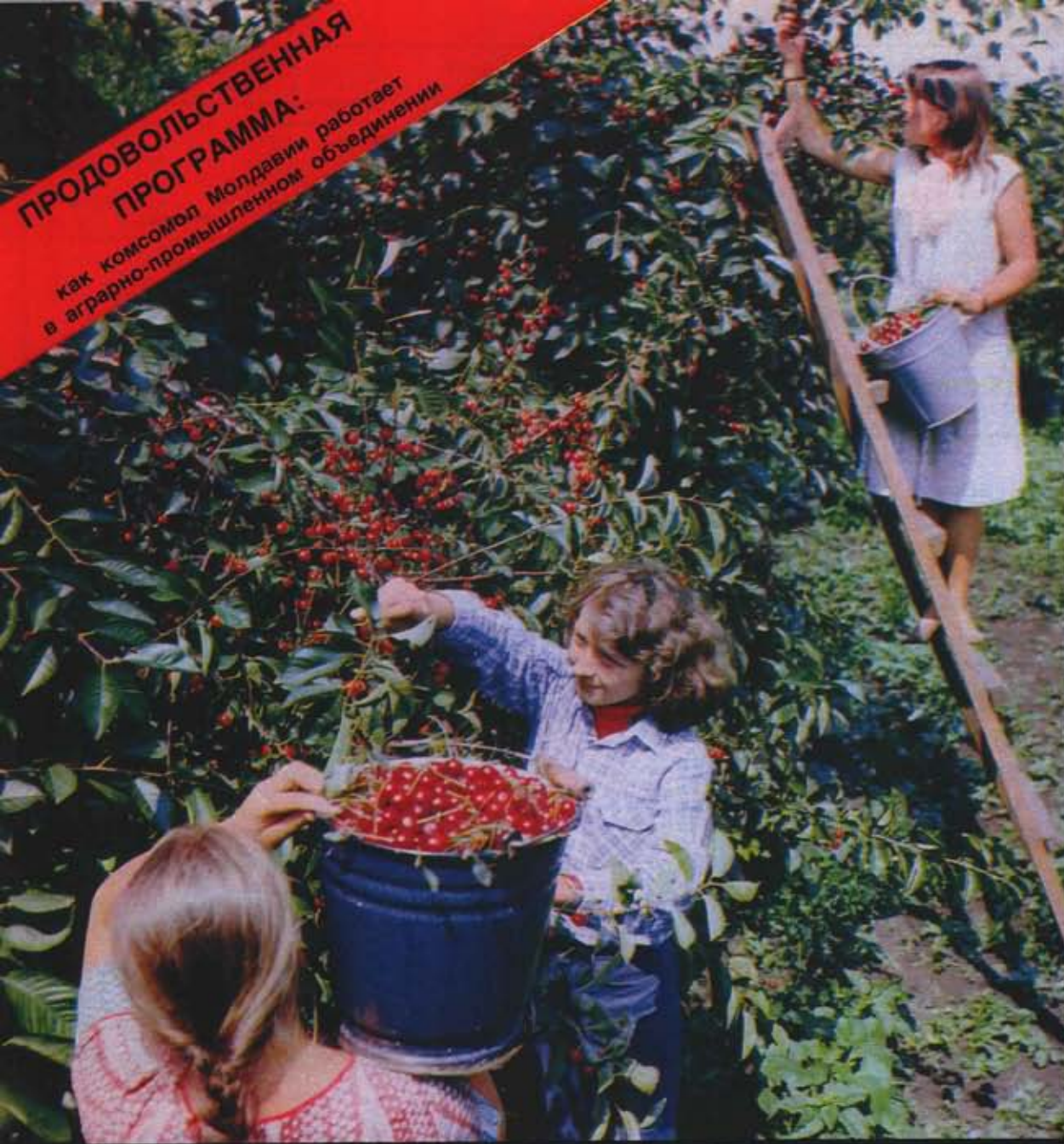
Много раз зашивала Далдака свой халат, пока не испугалась: вдруг да нападет на девочку болезнь хунхэм-би. К тем приходит она, кто не может выполнить самые заветные свои желания. Дала доскутки, ножницы: вырезай. Хоть мала совсем, а упряма.

В первом классе любимым был предмет, который не значился в программе: нанайские узоры из бумаги. Когда Люда училась в третьем, отец, директор школы, отвез ее работы в Троицкое на выставку детского рисунка. Если бы не авторитет Уламы Васильевича, не поверить, что автор искусных резных орнаментов — десятилетняя девочка.

Дар возвращения к истокам. Дар быть зеркалом древнего древа познания. Дар уйти в зазеркалье, чтобы традиционный опыт озарить собственным поэтическим видением. Так много дано нанайской женщине по имени Людмила Пассар.

Говорят, род Пассар произошел от мудура, мифического гения добра, охраняющего гармонию природы и человека.

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ
ПРОГРАММА:**
как комсомол Молдавии работает
в аграрно-промышленном объединении

«СЫРЬЕ» ДЛЯ ОВОЩНЫХ КОНСЕРВОВ — ТОЛЬКО ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЕ.

Владислав ЯНЕЛИС. Фото Сергея ПЕТРУХИНА. Специальные корреспонденты «Смены»

«ВАРНИЦА»

Аграрно-промышленные объединения прочно вошли в нашу хозяйственную структуру и доказали свою жизнеспособность. Теперь уже бесспорно, что мало просто вырастить хороший урожай, надо умело им распорядиться — сохранить, переработать, передать торговой сети в надлежащем виде. Целесообразнее, если весь этот конгломерат забот берет на себя один хозяин. Опыт показывает, что при этих условиях отдача каждого гектара земли полновесна. Аграрно-промышленное, а теперь уже и торговое объединение имени М. И. Калинина «Варница» в Бендерах — одно из крупнейших в Молдавии. 130 миллионов условных банок компотов, варенья, конфитуров, маринованных овощей, соусов, соков — таков ежегодный вклад «Варницы» в продовольственный потенциал страны.

Известна «Варница» не только своей высококачественной продукцией, но и своим чутьем к новому, внедрением наиболее прогрессивных форм работы. Далеко не сразу «Варница» обрела форму законченного хозяйственного организма. Этому предшествовали многочисленные перестройки, непрерывный поиск оптимальных принципов стыковки поля и производства. Зато теперь про объединение говорят: «Там все идет в дело, и верхки и корешки». Предприятия практически безотходное. Даже выжимки овощей, зеленые стебли, косточки находят применение — ими кормят скот. Впрочем, поиск еще не завершен. Нынешний производственный облик «Варницы» обозначен не окончательно.

Мы побывали в аграрно-промышленном и торговом объединении в самый пик сезона — его совхозы, заводы, магазины работали едва ли не с максимальной нагрузкой. В этот период особенно полно проявляется эффект взаимосвязи поля и цеха, эффект конструктивных и технологических новаций, особенно остро выступают проблемы, решения которых ждет это и подобные ему объединения. На вопрос: «Что для вас главное в эту страдную пору?» — мы попросили ответить руководителя объединения, комсомольского вожака, аппаратчицу.

Константин НОВОДЕРЕЖКИН, генеральный директор аграрно-промышленного и торгового объединения:

ЗАБОТЫ

Лето — самая напряженная пора для нас, консервщиков. Один день упустишь — потом не наверстаешь. Да что там день! Достаточно нашему сырью несколько часов простоять под солнцем, фрукты и овощи теряют ценнейшие витамины, внакладе и производство и, главное, потребитель.

Считаю, что в лице «Варницы» найдена почти что оптимальная форма сопряжения трех понятий — поля, цеха, прилавка. Раньше делу мешали порой ведомственность, несогласованность планов заводов и совхозов. Сейчас мы можем планировать урожаи в наших хозяйствах, соответственно регулировать развитие перерабатывающих мощностей. У нас общие фонд материального стимулирования, строительные подразделения, автотехника, полевая техника.

Выпуская продукции на 40 миллионов рублей ежегодно, мы получаем прибыль, отчисления от которой позволяют объединению строить свои фирменные магазины, жилые дома, детские сады, базы отдыха, оснащать цеха современным оборудованием, реконструировать производство, приобретать необходимую сельскохозяйственную технику. Заработок наших рабочих самый высокий в отрасли. Словом, мы стали жить на широкую ногу. А ведь это только начало, первые шаги... «Варница» может перерабатывать значительно больше фруктов, чем способны вырастить три ее базовых совхоза, чем нам удается вообще закупить в республике. Мощности ее заводов пока недозагружены, особенно черешневой, вишневой, абрикосовой. А кто не знает, какой неповторимый нежный вкус имеет варенье из той же белой черешни.

Но, увы, выращивать черешню для хозяйства хлопотно, собирать ее тоже нелегко. Вот и отдают совхозы свои земли культурам менее трудоемким. Так будет и впредь, пока в каждом сельском регионе не начнут учитывать мощности перерабатывающих предприятий и, исходя из этого, развивать садоводство. Пока же нам еще приходится искать сырье за сотни километров от себя, а порой и напрасно жечь горячее, гоняя в пустую рефрижераторы. Вероятно, следует, создавая аграрно-промышленные объединения, включать в них столько хозяйств, чтобы они давали полную загрузку перерабатывающим мощностям и выполняли бы прямые поставки с поля на прилавок свежих овощей и фруктов.

Вот об этом думается, этим, как говорится, и живем. Полагаю, что со временем эти проблемы будут решены, жизнь заставит. Нельзя, впрочем, умалять и наших достижений. Я только что из фруктового цеха, там сейчас варят

СБОР УРОЖАЯ— ЗВЕНО В ЦЕПИ ПЕРЕРАБОТКИ.

абрикосовое варенье. Отличное варенье получается. И вообще, из сорока видов консервов, которые мы выпускаем, шесть удостоены золотых медалей на международных выставках. Так что нам есть и чем гордиться.

Людмила ГАМЕЦКАЯ, секретарь комитета комсомола объединения «Варница»:

ИНТЕРЕСЫ ДЕЛА

Именно делу, производству в первую очередь подчинены интересы комсомольцев и молодежи объединения. Этим летом мы провели обстоятельные персональные беседы с каждым из четырехсот тридцати комсомольцев объединения по материалам XIX съезда ВЛКСМ. Особое внимание обращали на документы съезда, в которых речь шла о повышении эффективности труда. Попросили молодежь критически оценить свою работу, попытаться найти резервы увеличения производительности труда, проявив тем самым личную гражданскую заинтересованность в выполнении Продовольственной программы. Это стало своего рода комсомольским поручением, которое большинство членов ВЛКСМ выполнило с высокой добросовестностью.

Экономисты помогли нам подсчитать, насколько «Варница» может увеличить выпуск продукции, если будут реализованы все предложения молодежи. Оказалось, что покупатели получают в этом случае дополнительно сотни

НАИБОЛЕЕ ТРУДОЕМКИЕ ОПЕРАЦИИ НА «ВАРНИЦЕ» МЕХАНИЗИРОВАНЫ.

КАЖДАЯ ПАРТИЯ ГОТОВОЙ ПРОДУКЦИИ
ПОДВЕРГАЕТСЯ СЛОЖНОМУ
ХИМИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ.

тысяч банок варенья, компотов, консервированных овощей. Предложения молодежи приняли форму личных планов комсомольцев объединения.

По инициативе комсомола родилась и еще одна конкретная форма помощи производству. В управлении, отделах, службах объединения работают десятки молодых специалистов, занятых планированием, эксплуатацией оборудования, проектной работой. Так вот они приняли обязательство—задание основной рабочей недели выполнять за четыре дня, а два дня, пятницу и субботу, работать в совхозах на уборке урожая, поступающего на заводы объединения.

Особая роль отводится в горячую пору нашему «комсомольскому прожектору». Простанывает транспорт без дела—«КП» берет это на заметку, дольше обычного кто-то затянул свой обед—в очередной «молинии» появляется карикатура на нерадивого работника, вовремя не вымытый транспорт, переводимый на подачу другого вида сырья,—«КП» бьет тревогу. Словом, комсомол может многое. И многое должен.

Но есть и нерешенные проблемы. Наш комитет комсомола объединяет первичные комсомольские организации заводских цехов, строительного, автотранспортного цехов, предприятий торговли. Комитет строит свою работу с учетом специфики каждого из этих подразделений. Но в комплексе мы решаем вопросы трудового соревнования, идейно-нравственного и патриотического воспитания молодежи. Только три комсомольские организации совхозов, входящие в состав объединения, работают особняком. Это происходит из-за структурного несовершенства районной комсомольской организации. Естественно, что совхозным комсомольцам многое оказывается не по плечу; организации в совхозах немногочисленны, и им трудно поднять какое-то серьезное дело. Слияние их с комсомолом «Варницы» пошло бы только на пользу делу, за которое все мы ответственны.

Екатерина ЗАЙКА, аппаратчица фруктового цеха, депутат горсовета:

ДРУЖБА

Истоки наших производственных успехов? Человеческая, деловая совместимость коллектива «Варницы» многое объясняет, когда речь заходит о чисто, казалось бы, экономических категориях. Пример: осваивали мы не так давно новую продукцию—варенье из грецких орехов. Процесс его варки довольно сложный, требующий особо точной дозировки всех компонентов, соблюдения технологического режима варки. Не все у нас ладилось. Пробуем—то чуть горчит, то ядро ореха разваривается. А тут наша смена кончилась, можно вроде бы идти домой. Но из цеха никто не уходит. Понятно, и технологи тут же, в цехе, и лаборанты. В общем, так мы двумя сменами и довели дело до конца. Замечательное варенье вышло. И ведь работали тогда не за премии и благодарности, просто всем было по-человечески важно добиться наконец необходимого результата.

Не каждому дано сразу понять, что значит в его жизни рабочий коллектив. Но когда это происходит, человек начинает смотреть на все окружающее его другими глазами, глазами этого коллектива.

Расскажу, как это было со мной. Девять лет назад окончила Тираспольское техническое училище, получила специальность аппаратчицы. Попросила направить меня на «Варницу». Помогала мне освоить производство одна из самых опытных работниц цеха, Александра Дмитриевна Смирнова, учила она меня и пониманию сути моей работы, ее нравственного начала.

— Знаешь, девонька, сколько тебе людей мысленно спасибо скажут, когда будут с твоим вареньем чай пить,—часто говорила Александра Дмитриевна.— Мы с тобой, Катюша, как и все консервщики,— добрые хозяева, только уже в государственном масштабе. То, что мы за лето напасем, целый год сотни тысяч людей кормить будет.

Хорошие у нас завод и цех—я такого не видела, хотя не раз бывала на других предприятиях нашей отрасли. Светлый, просторный, чистый. И оборудование в нем современное. Но, думая о развитии консервного производства, заглядывая в будущее, надо признаться: завтра понадобятся уже более совершенные машины. Так что конструкторам есть над чем подумать. Впрочем, и сегодня уже можно было бы механизировать некоторые трудоемкие процессы—к примеру, подачу сахарного песка в шнеки, мойку сырья, закладку сваренных ягод в банки. Я говорю об этом потому, что на себе испытала, каково целую смену вручную мыть ягодки.

Наша комсомольско-молодежная смена, которой руководит Галина Гульчак, лучшая на заводе, не раз завоевывали мы призовые места и в целом по отрасли. Не скрою, приятно быть среди передовиков, почетно. Но и непростое это. За высокими цифрами выполненного плана—труд, напряженный, каждодневный. Мы, например, работаем летом практически без выходных, а в отпуски идем, только когда кончается лето. В этом есть свои неудобства. Но сознание того, что без нашей работы людям не обойтись, помогает справиться и с трудностями и с неудобствами. Каждое дело требует своих энтузиастов. Но пока не так уж велик приток молодежи в нашу отрасль. Пока считается, что осваивать новые земли, строить новые города почетнее, чем растить сады и варить варенье. На мой же взгляд, почетно все то, что нужно людям. Наша работа нужна, в этом меня переспорить не дадут миллионы почитателей продукции «Варницы». Убеждена: надо активнее пропагандировать нашу профессию пищевинов, ввести систему комсомольских путевок на предприятия, от которых впрямую зависит выполнение Продовольственной программы.

Отрасль, которую представляет «Варница», молодая. Как в любом новом деле, в ней не обходится без трудностей, без ломки устаревших форм производства, без просчетов. Предоставив слово работникам объединения, мы попытались дать своего рода портрет предприятия, работа которого в условиях решения задач, поставленных партией в Продовольственной программе, имеет первостепенное значение. На «Варнице» это прекрасно понимают все, с кем довелось нам встречаться и разговаривать.

ФИРМЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВХОДЯТ В ОБЪЕДИНЕНИЕ НА ПРАВАХ ЦЕХОВ.

А ЧТО У ВАС?

«ЗАРНИЦА»

ШКОЛА КОМБАТОВ

...Все в ней необычно: преподаватели — курсанты военного училища, а слушатели — семиклассники школ Уссурийска, командиры батальонов военно-спортивной игры «Зарница» — «безусые комбаты».

Созданная при городском Доме пионеров, эта школа пока что единственная на Дальнем Востоке. Здесь мальчишки проходят строевую подготовку, занимаются спортом. В полевых условиях постигают азы топографии, учатся ходить по азимуту.

Геннадий ГРАНОВСКИЙ

Среди почетных гостей слета — Герой Социалистического Труда Станислав Иванович Гаврилюк.

...Конкурсы в Шортанде продолжались, а мы поехали на поля, к юным механизаторам. Пятьдесят четыре человека участвовало в соревновании.

И надо же такому случиться — все лето ждали дождя, но его не было, а тут ночью пошел! Проливной, холодный. Наутро пахота была нелегкой. И тем дороже победа: одноклассники Кировской школы Киевской области, ученики десятого класса Людья Андреева и Саша Кикало заняли первые места среди юношей и девушек.

Конечно, были свои победители во всех пятнадцати профессиональных конкурсах. Но победителей на слете не было. Ибо в Целиноград приехали надежные ребята, обращаясь к которым Леонид Ильич Брежнев сказал: «Вы молоды, полны силы и задора. Направьте же свои силы и знания на то, чтобы уже сегодня приносить пользу любимой Родине».

Клавдия БРУНОВА,
заслуженный работник
культуры РСФСР

Фото
Давида ФАСТОВСКОГО

легкие борозды. За это время на казахстанской целине выращено столько хлеба, сколько традиционные житницы страны дали бы за сто пятьдесят лет. Это был настоящий подвиг. Мы знаем имена мужественных первоцелинников: Герои Социалистического Труда М. Е. Довжик, Л. М. Картаузов, В. А. Дитюк... Вместе с другими знатными людьми они приехали к ребятам на слет, чтобы сказать им напутственные слова, вручить награды победителям конкурсов.

А конкурсы на слете устраивались по профессиям: пахарей-механизаторов, мастеров машинного доения, животноводов, полеводов, столяров, токарей... Проходили они на полях и фермах целинных совхозов, в мастерских ПТУ и учебно-производственных комбинатах.

В знаменитой Шортанде — научном центре целины — ребят встретил академик Александр Иванович Бараев.

— Когда вы ехали к нам в институт, видели, конечно, по дороге окружающую природу — настоящая полупустыня. А здесь юные садоводы проведут свой конкурс в плодonoсящем саду, лесоводы — в лесном дендрарии. Но сделать еще предстоит немало. И вы, умные, смелые, умелые, немало сил должны вложить в выполнение нашей Продовольственной программы.

А вклад школьников в развитие сельского хозяйства страны действительно немалый. Только за первый год одиннадцатой пятилетки старшеклассниками выполнен объем работ на сумму 596 миллионов рублей! В Ставропольском крае, например, каждый девятый килограмм хлеба убран ученическими механизированными отрядами...

ВРЕМЯ ПОСЛЕ УЧЕБЫ

ШЕЙТЕ САМИ!

В Джамбулском технологическом институте готовят специалистов легкой промышленности. В частности, и для Домов быта. «Как приблизить учебу к практике жизни?» — ломали голову комсомольцы института. И создали у себя студенческий Дом моделей. Теперь студентки сами кроют, шьют, принимают заказы, придумывают новые фасоны и показывают их желающим на своей сцене.

Руководит этим Домом моделей студенческий совет во главе с Натальей Нектегаевой. Главный технолог Дома — Карлыгаш Байжуманова.

главный художник — Ольга Менделеева.

В студенческий Дом моделей идут заказы на изготовление платьев, костюмов от коллег-студентов местных педагогического и гидростроительного институтов, от учащихся химико-механического техникума. Присылают заказы даже из других городов: Каратау, Усть-Каменогорска, Уральска, Караганды, куда Дом моделей выезжает показывать свои новые коллекции мод.

Павел УМНУШКИН,
Джамбул

НА ЗЕМЛЕ ЦЕЛИННОЙ

ПЯТАЯ
ЧЕТВЕРТЬ

...Наш самолет набрал скорость и полетел прямо к солнцу. Но пассажиры, прильнув к иллюминаторам, смотрели вниз, на землю.

— Правда, поля сверху похожи на ковер?

Я обернулась назад и увидела мальчишку с удивительно знакомым лицом. «Да это же Хачик, — вспомнила я. — Хачик Абрамян из Апаранского района Армении. Значит, и он летит в Целиноград!»

Мы познакомились с ним три года назад в Запорожье, где тогда проходил второй Всесоюзный слет трудовых объединений школьников. Он тогда только что перешел в седьмой класс и был самым молодым участником слета. Но уже тогда на его груди сверкал знак «Победитель социалистического соревнования». И взрослому нелегко заслужить такую награду, а тут человеку — всего тринадцать.

Писала тогда и я об этом парне и с радостью пишу снова. Теперь он повзрослел, стал настоящим пахарем. Наравне со взрослыми выходит в поле и распахивает ту же норму — пятьсот гектаров. В этом году Хачик занял первое место на республиканском конкурсе юных пахарей.

Проложил свою борозду Хачик Абрамян и на земле целинной, где нынешним летом проходил III Всесоюзный слет трудовых объединений школьников. Место слета выбрано не случайно — более четверти века назад первоцелинники прокладывали здесь на непаханой земле свои первые не-

Шестиклассник из Ошской области Нурлы Сыттаров — самый молодой участник конкурса пахарей.

ИМЕНИ КОМСОМОЛА

ПЛАНЕТА ЛЕЛЯ И ДРУГИЕ

Среди имен, присвоенных в последнее время малым планетам — астероидам, движущимся в основном между орбитами Марса и Юпитера широким поясом в несколько миллионов километров, есть и имена героев комсомолец. Так появились в космосе планеты Зоя и Шура (в честь Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских), Руднева (в честь Евгении Рудневой, студентки МГУ, мечтавшей стать астрономом и героически погибшей в борьбе с фашистами), Качевская и Волошина (в память о Наташе Качевской и Вере Волошиной), Леля (так называли друзья Елену Убийвовк, руководителя подпольного комсомольского отряда на Полтавщине, отдавшую свою молодую жизнь за светлое будущее своего народа).

...А самой первой среди малых планет, названных в честь героических свершений советской молодежи, была планета Комсомолия, зарегистрированная в Международном каталоге под номером 1283. Открыл ее 25 сентября 1925 года выдающийся советский астроном профессор В. А. Альбицкий в Симеизской обсерватории. Расположенная в живописной местности на Южном берегу Крыма, эта обсерватория до Отечественной войны имела мировую славу в области исследований Солнца, звезд, комет и открытий малых планет.

Сейчас эстафету симеизских астрономов продолжают астрономы Ленинградского института теоретической астрономии АН СССР, работающие под руководством известного исследователя малых планет Н. С. Черных. Работают они в Крымской астрономической обсерватории. В Почетных свидетельствах, удостоверяющих открытие, эти астрономы именуется титулом «Первооткрыватель».

Только за последние годы крымские астрономы открыли более двухсот астероидов. Очень часто эти открытия делятся годами — от первого зафиксированного на фотопластинке наблюдения до официального утверждения открытия и присвоения малой планете наименования. А по традиции право дать планете имя принадлежит первооткрывателям.

Среди этих имен, недавно присвоенных вновь открытым астеро-

идам, планета номер 2120 — Тюмения. Еще одна планета называется ныне Целина в честь молодых покорителей целинных земель.

Эти «молодежные» планеты открыла Т. М. Смирнова — совсем еще молодая женщина, но уже ветеран среди первооткрывателей малых планет: на ее счету более трех десятков открытых небесных тел. Почетная медаль «За обнаружение новых астрономических объектов» — достойная награда астроному. Такая же медаль присуждена недавно и Л. И. Черных. Это она подарила людям малую планету с коротким, но очень звучным именем БАМ.

Ученые считают сейчас, что именно астероиды являются остатками того допланетного вещества, из которого несколько миллиардов лет назад образовались наша Земля и другие планеты Солнечной системы. Так, загорая в небе новые звезды, астрономы не только отмечают космическими памятниками подвиги людей, но и проникают в неизведанные тайны Вселенной.

Валерий ЛУЦКИЙ,
ученый секретарь
Московского отделения
Всесоюзного
астрономо-геодезического
общества при АН СССР

НА ДВА СЛОВА!

Недавно я был в Москве, в сельскохозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева. Здесь, в учебном корпусе № 13, на кафедре лесоводства, находится уникальная коллекция образцов древесных пород — более шестисот лесных «книг». Она считается лучшей и наиболее полной в мире. Ее основателем был профессор Митрофан Кузьмич Турский, который руководил кафедрой с 1876 по 1899 год. Профессор Турский собирал вначале образцы древесины в виде небольших круглых трубочек, а позднее образцам придавалась форма книг. На их корешках сафьяновые этикетки с золотым тиснением русских и латинских названий пород. Смотришь издали — будто на стеллажах вдоль стен размещены тяжелые книги в темно-серых, коричневых, бурых и белых переплетах.

Борис ЕФИМОВ,
Свердловск

«БУРЕВЕСТНИК»

В сентябре 1932 года исполнилось сорок лет литературной работы Максима Горького.

В связи с этим первый осенний номер журнала «Смена» открывают знакомые всем строки: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет буревестник»...

А рядом — материалы, рассказывающие о встречах с Горьким, о стиле его работы, советы самого писателя.

«...В двадцатых числах декабря 1930 года теплоход «Абхазия», который совершал первый заграничный рейс с премированными советскими ударниками, бросил якорь в Неаполитанском порту. Три дня мы пробыли тогда с Горьким, — вспоминает на страницах журнала один из участников поездки, — три дня эти никогда не изгладятся из памяти. Особенно запомнился вечер, устроенный в столовой теплохода накануне отплытия из Неаполя. В трех шагах от берега, на виду у разодетых в пелушковые перья карабинеров и вооруженных до зубов чернорубашечников мы пели «Интернационал» — с нами пел Горький, пел советский полпред в Италии Курский и молча, одним только движением губ, пели на берегу грузчики».

В статье под заголовком «Друг и опора начинающего писателя» журнал пишет: «Ясно для каждого, что «возня» Горького с писателями-самоучками не была «проявлением жалостливого отношения к «малым сим», как полагали некоторые, а частью его большой работы, которую он проводил в качестве художника, сотрудничавшего с пролетариатом».

Горький бьет по тем, кто аристократически фыркает на творчество ударников, объявляя его малограмотным и не заслуживающим внимания. Вместе с тем Горький чужд административно-казенного восторга, чужд той мысли, что ударник является центральной (!) фигурой литературного движения».

«Смена» цитирует слова-обращение Горького к своим коллегам-современникам, начинающим и маститым: «Не тем характерны и не тем интересны и значительны вы, что в вас есть отзвуки прошлого, а тем, что в настоящем вы являетесь творцами новой жизни».

ИСПЫТАННОМУ — ВЕРИТЬ

Баня в чемодане

На снимке — не без в мешке, а портативная сауна, изобретение Владимира Плеханова. Внутри бани сам автор проекта — старший научный сотрудник лаборатории медицинской электротехнической бытовой аппаратуры Академии медицинских наук СССР.

Идея «бани в чемодане» не нова. Но до сих пор парилка в ней была слабенькая, всего сорок градусов, хотя и для этого электричества требовалось больше, чем могла дать обыкновенная электросеть. То ли дело «баня в чемодане». В мешке из парашютного шелка — плюс девятност! Плеханов предложил простой и оригинальный способ создавать и хранить тепло внутри бани: это воздушный поток.

В плане лаборатории сейчас — другая баня, «русская». Она необычна тем, что в отличие от сауны пар в ней будет «мокрый»... но без воды: влажность создаст испарение тела.

Елена ГОЛОВАНЬ

ЮБИЛЕИ

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ РИСОВАНИЯ

Широко известен плакат военного времени «Родина-мать зовет». Имя автора этого плаката, а также многочисленных обложек, рисунков, напечатанных в нашем журнале, и десятков других замечательных работ — Ираклий Моисеевич Тоидзе. В этом году четырежды лауреату Государственной премии СССР, народному художнику Грузии, заслуженному деятелю искусств РСФСР исполнилось семьдесят лет.

Сам художник расценивает столь почетный юбилей не как какой-то итог, а скорее как промежуточный финиш между двумя основными датами: началом и окончанием очередной работы. Ираклий Моисеевич активно сотрудничает с издательством «Плакат», одну из его последних работ — картину «Мир», экспонировавшуюся на Всесоюзной выставке, посвященной XXVI съезду

Сейчас даже урожденный сибиряк, пожалуй, не скажет в точности, как его предки до-

бывали рыбу, какими снастями, когда и сколько; какие имелись хитроумные ловушки

на каждого зверя. Конечно, из квартиры со всеми удобствами в иркутском, братском или ангарском микрорайоне трудно представить все это.

А между прочим, усадьба предков современных сибиряков была не просто жилищем, а целой средой обитания, точно подогнанной к своеобразным сибирским погодным условиям. Сибиряки рубили лес без лишних щепок, ставили не только крепкие избы, а всю усадьбу превращали в обжитую, уютный уголок. Каждое хозяйство в деревне объединялось «пешеходными переходами».

Мы помним обо всем этом благодаря, в частности, и сотрудицам филиала Иркутского краеведческого музея. Архитектурно-этнографический комплекс — так называется филиал. Этот комплекс — целая «деревушка, любовно, по бревнышку собранная и привезенная на берег Ангары со всех уголков Иркутской области».

Альберт ЛЕХМУС.
Фото автора

КПСС, приобрел Музей Революции.

А первую свою самостоятельную работу художник написал семьдесят один год назад! В издании «Наш журнал», составленном из детских стихов и рисунков, девятилетний Ираклий Тоидзе впервые «обнародовал» свой первый сюжет «Царевна и принц».

Детское увлечение стало делом всей жизни. Позади работа над несколькими вариантами иллюстраций к «Витязю в тигровой шкуре», над комплектами открыток, постоянные публикации в периодических изданиях...

Перед войной художник написал свои знаменитые картины «Лампочка Ильича», «Ленин всегда с нами», «Весть об Октябре», «Призыв вождя».

Плакат «Родина-мать зовет» Ираклий Моисеевич создал, как говорится, единым духом, за трое суток непрерывной работы.

Ныне мастер частенько работает в паре со своим сыном Александром. Не так давно они участвовали в конкурсе плакатов, реставрировали стенные росписи московского ресторана «Арагви», которые создал Тоидзе-старший еще в 1938 году...

И вот еще о чем обязательно скажет гостю юбилей: «Все эти годы, во время всех испытаний и в периоды самой трудоемкой художественной работы, рядом со мной всегда была и всегда мне помогала моя жена».

...У нее очень знакомое лицо. Вроде бы видел где-то, и не раз, но где?.. Ну, конечно! Женские лица в книжных иллюстрациях художника, на его картинах — это все она, Тамара Федоровна Тоидзе.

Петр ВОЛКОВ.
Фото автора

Мы с женой работаем преподавателями в одном из институтов. Руководство предлагает одному из нас уволиться, ссылаясь на то, что совместная служба родственников запрещена. Обосновано ли требование администрации?

Супруги Али-заде, Киев

Действующее законодательство ограничивает возможность совместной службы родственников (статья 20 КЗоТ РСФСР и соответствующие статьи кодексов о труде союзных республик) на одном и том же предприятии, в учреждении, организации.

Эти ограничения касаются близких родственников и свойственников. К ним относятся: муж и жена, родители и дети, братья и сестры (родные), а также родители, братья, сестры и дети одного супруга и родители, братья, сестры, дети другого супруга.

Совместная служба родственников, кроме того, запрещается, если один из них находится в непосредственном подчинении или подконтрольности у другого. Например, будет нарушением прием на работу специалиста в от-

дел, где начальником работает его супруга (супруг). Указанные ограничения касаются только служащих. На рабочих и младший обслуживающий персонал они не распространяются.

Советы Министров союзных республик могут устанавливать исключения из указанного правила, учитывая специфику труда отдельных категорий работников. Так, в РСФСР разрешена совместная служба родственников или свойственников, связанная с непосредственным подчинением или подконтрольностью. Напомним, где и кому: для врачей лечебно-профилактических и санаторно-профилактических учреждений здравоохранения, для педагогических работников, преподавателей, библиографов и библиотекарей всех учебных и воспитательных учреждений, специалистов сельского хозяйства, работающих в совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях, артистов, художников, музыкантов государственных театров, художественных коллективов и студий, некоторых других категорий служащих.

ОТ РЕДАКЦИИ: юридическая консультация продолжает свою работу. Ждем ваших вопросов. На каждый из них будет дан ответ — или на страницах журнала, или отдельным письмом.

А ЧТО У ВАС?

Воздухе над Битцевским конноспортивным комплексом — звон медалей. Проходит очередная московская выставка собак.

Показательные выступления четвероногих собирают полные трибуны. Встать, сесть, принести брошенную вещь, оградить хозяина от обидчика, задержать «преступника» — все безукоризненно выполняется и по слову и по жесту. А знаете, какие собаки работают лучше всех? Беспородные, те, которые объединены в клуб «Дружок». Зрители щедрь на аплодисменты. Хозяева счастливы и напрочь забыли, какая долгая, требующая много сил, а главное, терпения работа предшествовала этому успеху.

Честное слово, совсем нелегко каждый день ходить на дрессировочную площадку, от занятия к занятию добываясь того, чтобы твоя собака бесстрашно взбиралась на крутую лестницу. Ты хвалишь ее и идешь на место с таким гордым видом, как будто тебе не пришлось класть на каждую ступеньку кусочек печенья и тащить собаку (мой сенбернар весит в два раза больше меня) вверх. А если твой ротвейлер при задержании «преступника» ни за что не хочет выпускать «нарушителя» из зубов? А если во время буксировки лыжника твой дог не хочет поворачивать направо, ему больше нравится левая сторона? Не очень-то легко разжать клыки ротвейлеру или удерживать дога, особенно если ты на лыжах.

Но труднее всего приходится тогда, когда у собаки появляются щенки. Начинаются волнения, бессонные ночи. Как только у них открываются глазки, как только, пошатываясь, но самоуверенно они встают на ноги, удержать

Марианна ДИХТЯРЬ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

четвероногих шалунов становится невозможно. Они с удивительным упорством вылезают отовсюду, носятся табунчиком по квартире, толкаются и таскают друг друга за уши. Кормить всю эту компанию невозможно — в миску лезут хвосты, лапы, уши, но никак не носы и языки. Через месяц — трудное расставание. Проходит время — и на очередной выставке ты видишь, что тот пушистый хулиган, который недавно залезал в рукав свитера, пытается пробраться к твоему плечу и вылезти через воротник, перерос свою маму и уже получил «отлично» на ринге.

Рингов на выставке бывает много. Один из самых важных — племенной. Чтобы собака на племенном ринге заслужила высокую оценку, не только она сама, но и ее щенки должны иметь хорошую дрессировку (непослушная собака в условиях города — беда), отличный экстерьер, соответствие всем требованиям чистой породы. Каждая выставка — это и итог племенной работы, которую ведут любители-собаководы всех 50 клубов Москвы.

Я наизусть знаю телефоны наших клубных энтузиастов — кинологов и экспертов — инженера З. Я. Горской и врача Т. Н. Львовой. Сколько раз, порой непростительно поздно, выставляя телефонную очередь по «собачьему вопросу», пробивалась я сквозь бесконечные частые гудки в их дом. С каким волнением ждала их прихода к нам: понравится ли им наша питомица? Я назвала лишь двух людей, без труда и помощи которых не обошелся ни один владелец сенбернара. А сколько таких энтузиастов из других клубов!

Почему-то порой, когда иные литераторы и кинематографисты хотят изобразить

БЕЛЫЕ ПУДЕЛИ ВСЕГДА В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ.

НЕСМОТЯ НА ГРОЗНЫЙ ВИД, СЕНБЕРНАРЫ ОЧЕНЬ ДОБРЫ.

МРАМОРНЫЕ ДОГИ — ВЫСОКИЕ И СТРОЙНЫЕ КРАСАВЦЫ.

зить какую-то морально ущербную личность, ей обязательно «дают» в руки поводок с породистым псом. Неумный печатный штамп. По моему, сохраняя природу, все ее виды и роды — одна из задач каждого культурного человека. Мы радуемся, когда узнаем, что где-то в африканских песках или фьордах студенного моря какая-то редкая птичка вывела потомство. Но почему же не порадоваться, что в Москве еще совсем недавно не было и десятка сенбернаров, а сегодня — около двухсот представителей этой в общем исчезающей в мире породы четвероногих.

Можно много рассказать о том, как собаки, увешанные гранатами, по приказу человека бежали навстречу фашистским танкам. Как сегодня они разыскивают людей в снежных завалах, «дежурят» у газовых люков, чтобы не пропустить утечку газа, работают проводниками слепых. На собаках опробуются сотни вариантов операций, чтобы выбрать из них один, но единственно верный — для человека.

Вот там же, на выставке, комментируя ринг «Ребенок и собака», поэт Эдуард Успенский справедливо заметил: «Говорят, детей портит улица, плохая компания в школе. Но никто не знает случая, чтобы собака научила ребенка курить, пить пиво, совершать дурные поступки».

Часто дети учатся ходить, держась за мохнатый бок пса. Это очень символично. Собака и вправду помогает человеку расти. Сначала дорастает до умения общаться с ней самой. Потом понять ответственность перед «братьями меньшими», перед тем, кто слабее тебя, а потом и оценить то высокое место, которое занимает в мире человек. Порой именно от любви к собаке, кошке у городского жителя и зарождается любовь к природе, ко всему живому, в основе которой — любовь к людям.

Расхожая фраза «Собака — друг человека» оправдывает себя только при условии, что человек — друг собаки.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ЭТО КОКЕР-СПАНИЕЛЬ.

"СКОЛЬКО СЫГРАНО- СТОЛЬКО ПРОЖИТО"

Автобиографии

Анастасия ЗУЕВА,
народная артистка СССР

Вспоминая свою долгую жизнь, из которой 65 лет связаны с Художественным театром, я задумалась: что же было для меня самым главным? С первых шагов на сцене и по сей день выполнять завет своих великих учителей Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко — нести со сцены людям правду. В этом мне всегда помогало ощущение кровной связи с народом, с русской землей. Кажется, что появилось это чувство в раннем детстве, в маленьком деревенском доме в селе Спасском Тульской области, где я родилась. До сих пор помню нехитрое убранство нашей избы, людей, приходивших к нам, их говор, одежду, лица.

Отец мой, Платон Петрович Зуев, был мастером, кузнецом, гравировальщиком по знаменитым тульским самоварам. А еще человеком необыкновенной силы. Однажды, хвастаясь, поднял он лошадь за ноги, а потом прилег отдохнуть на сырую землю, простудился и умер от крупозного воспаления легких.

Мне было тогда пять лет. Мама осталась со мной и сестренкой Лизой без всяких средств и должна была искать работу. Тогда и начались наши скитания по родственникам.

Дольше всего прожила я у тетки Марфы Филимоновны, служившей экономкой в помещицком имении недалеко от Тулы.

В имении пришло ко мне ощущение красоты. Все действовало на мое детское воображение: спокойная и величественная красота среднерусской природы, созданные руками крепостных произведения прикладного искусства, старинный парк, картины и скульптуры русских и европейских мастеров.

Но особенно потряс меня однажды чарующий женский голос, услышанный через тонкую перегородку из комнатки, где я спала.

Тетя и дядя водили дружбу с местным учителем, а к нему частенько приезжали гости не только из Тулы, но и из Москвы. Как я узнала позже, моего дядю связывали с учителем революционные идеи, общность взглядов на будущее России. Часто они засиживались до поздней ночи, спорили, пели, играли на пианино. Меня к этому времени уже уводили спать.

В тот раз, уходя к себе, я обратила внимание на красивую молодую женщину с гитарой. Засыпая, услышала пение и поняла, что поет она. Я забыла о сне. Сидела на кровати, слушала. Я любила пение птиц, нравились мне голоса деревенских девушек, но никогда ничего прекраснее пения женщины с гитарой я не слыхала.

И только в 1949 году в гостях я встретила женщину в шуршащем шелковом платье, которая взяла в руки гитару и запела... Много раз слушала я Антонину Васильевну Нежданову в театре, в концертах, по радио, но только увидев и услышав ее в интимной обстановке, узнала в ней потрясшую меня певицу из моего детства. Я подошла к ней, рассказала о том давнишнем вечере, когда она поразила сердце маленькой девочки. Антонина Васильевна вспомнила и тот вечер и всех присутствующих. Но никак не могла вспомнить маленькую девочку. Да и немудрено. Ведь слушала я ее из-за перегородки.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, я уже жила вместе с мамой и сестрой Лизой в Москве. Здесь я окончила гимназию. Материально мы жили в Москве довольно трудно. И все-таки мама умудрилась снять на лето дачу в Салтыковке — три крохотных комнатки с кухонькой.

Я всю жизнь благодарю судьбу, благодарю маму, что она сняла эту дачу. Ведь именно оттуда начался мой путь актрисы! Здесь я впервые увидела игру

актеров Художественного театра. Эта встреча разбудила во мне интерес к театру.

В конце лета в Салтыковке начал действовать самодеятельный кружок, названный, вероятно, по примеру и в подражание театру «Художественным любительским кружком».

Моя подруга Любочка Савостина давно мечтала стать артисткой и ходила в театр со своими друзьями-лицеистами. С ней я впервые попала на премьеру любительского кружка. Это был «Лес» Островского. В антракте вместе с публикой наша компания описывала бесконечные круги по фойе. Я ничего не видела и не слышала вокруг. Все мои мысли были поглощены спектаклем. В воображении я вновь видела его, слышала голоса актеров. Особенно меня поразила образ Улиты. Мысленно я вновь и вновь возвращалась к ней. «Нет, я не так бы сыграла Улиту», — подумала я и совсем не заметила, как произнесла эту фразу вслух. Мои слова услышал студент, стоявший неподалеку и оказавшийся членом любительского кружка. Он предложил мне вступить к ним. И вскоре я сыграла свою первую роль — наездницу Эрнестину в спектакле «Любовь шута». Среди зрителей на спектакле присутствовали и профессиональные актеры.

Однажды слышу стук в дверь. А через минуту ко мне в комнату входит мама и, смеясь, говорит: «Актриса Зуева, выйдите, пожалуйста, там вас просят!»

Я решила, что это очередная мамина шутка в связи с моим увлечением театром. Каково же было мое удивление, когда я увидела в нашем доме двух актеров из профессионального театра, гастролировавшего в то время в Салтыковке. Один из них обращается ко мне: «Мы ставим «Власть тьмы» Льва Толстого. Спектакль готов, вот-вот премьера, а у нас беда: заболела актриса, играющая куму. Так что выручайте!»

Я уже тогда понимала, что такое везение случается в жизни редко. Поэтому, несмотря на все свои страхи, согласилась.

На следующий день за утренним чаем мы с Любочкой окончательно решили «идти в актрисы». Она сказала: «Есть очень хорошая школа в Милютинском переулке. Вот туда-то мы с тобой и будем поступать».

Обучение в те годы было платным. По нашему положению мама платить не могла, а тетя была категорически против. «Лучше в конторщицы иди. Только не в актрисы», — говорила она на все мои уговоры. И все-таки я решилась попробовать, а там будь что будет!

Чтобы поступить в театральную школу, надо было, как и сегодня, выдержать конкурсные экзамены. Вызывают. Вхожу в полутемный зал, вижу длинный стол, покрытый зеленым сукном. Лампочка высвечивает лицо Н. О. Массалитинова. Слышу его голос: «Поднимитесь на сцену! Читать будете со сцены».

Поднимаюсь на деревянных ногах, начинаю читать «Кумушек» Некрасова. Не сразу удается совладать с собой. Но только начинаю читать получше, слышу: «Достаточно! Теперь басню!» Поняла, это конец. Теперь на басню вся надежда. Начала читать в лицах, с увлечением. Но басня скоро кончилась. И наступила, как мне тогда показалось, жуткая тишина. Потом голос Массалитинова: «Подойдите, пожалуйста, к столу». Подошла. Батюшки мои, да за столом полным-полно знаменитостей, актеров Художественного театра, а я их только сейчас увидела! Николай Осипович говорит мне: «То, что я вам сейчас скажу, пусть будет нашей тайной. Договорились?» Я плохо соображаю, что за тайны такие, но с готовностью киваю головой. «Вот и умница, — улыбается Николай Осипович. — А тай-

на такая. Мы посоветовались, — он широким жестом обвел сидящих за столом, — и решили, что будем учить вас бесплатно. Вы поняли?» Тут я совсем потеряла дар речи, только согласно киваю головой. Иду к выходу и вдруг понимаю, что это не просто удача, а настоящее, большое счастье. Учиться бесплатно! Об этом я и мечтать не могла!

Занятия в школе начинались в 10 часов утра, а заканчивались ко времени начала спектаклей в Художественном театре. Ведь у нас преподавал весь его «цвет». Кроме предметов, непосредственно связанных с мастерством актера, мы изучали историю литературы, театра, музыки, изобразительного искусства, занимались фехтованием, пением, танцами. И была у нас еще одна дисциплина, к моему большому сожалению, совершенно неизвестная современной молодежи. Изучают ее только в школе-студии при Художественном театре. Дисциплина эта — хорошие манеры, а попросту говоря, элементарные правила поведения в обществе, так необходимые каждому человеку. Эта дисциплина нужна, конечно, и на сцене, но в не меньшей степени необходима и в повседневной, обыденной жизни.

Вахтанг Леванович Мchedлов, молодой, талантливый режиссер, которого мы, студийцы, необыкновенно любили, был постоянным организатором вечеров во Второй студии. Один из таких вечеров остался в моей памяти на всю жизнь.

Я самостоятельно подготовила к этому вечеру небольшую сценку — разговор деревенской бабы, впервые попавшей в город, по телефону.

Выступить на наших вечерах всегда было страшновато, но и почетно. Глянешь в зрительный зал, а там одни знаменитости! Но стоило мне выйти на сцену, я забывала все на свете, жила только своей работой. Так и тут, читала и не думала, кто сидит в зрительном зале. Уже уходя со сцены, разглядела в первых рядах Владимира Ивановича Немировича-Данченко и Александра Ивановича Южина-Сумбатова.

Только я разгримировалась, прибегают наши студийцы и говорят мне: «Одевайся, гримируйся и скорее выходи на сцену. Просят тебя еще раз повторить твою сценку!»

Оказалось, что после спектакля «Три сестры» приехали к нам на вечер актеры Художественного театра во главе со Станиславским и Книппер-Чеховой. Им рассказали о моем выступлении, и они захотели его непременно увидеть.

Второй раз я сыграла свою сценку несколько иначе, что-то изменила, добавила. Позже я ее повторила много раз, но всегда импровизировала.

После нашего выступления подходит ко мне Федор Иванович Шляпин, берет за руки, смотрит в глаза и говорит своим неповторимым голосом: «Умница, по-моему играешь!»

И только я ушла за кулисы и села второй раз разгримировываться, приходит Константин Сергеевич и Александр Иванович. Сели по обе стороны от меня, посмеиваются, посматривают... Сначала я не поняла, о чем разговор, а потом прислушалась — спорят. Слышу, Южин говорит: «Настя Зуева — наша артистка, артистка Малого театра. Пойдешь к нам в театр?» Я слова вымолвить не могу, только головой отрицательно качаю. А про себя думаю: «Как же я могу изменить родному гнезду, где меня из цыплячьего состояния вырастили в актрису?» Константин Сергеевич смотрит на меня и говорит: «Не пойдешь. Не хочешь. Вон головой качает. Настя Зуева наша. Наша она. Из Художественного».

Этот разговор стал знаменательным для всей моей жизни. Ведь в «системе» Константина Сергеевича получили развитие лучшие черты русского реалистического театра, традиции которого всегда

были присущи Малому театру. Делая первые, робкие шаги на сцене, я была удостоена такого спора двух корифеев нашего театра. Это окрыляло, вселяло веру в то, что я не зря выбрала нелегкую актерскую долю.

В 1916 году наша школа была вынуждена закрыться из-за материальных трудностей.

Вахтанг Леванович Мchedлов сделал все, чтобы не потерять талантливую молодежь. Он предложил нам работать над пьесой Гиппиус «Зеленое кольцо». Когда, по нашему мнению, спектакль был готов, меня послали за Константином Сергеевичем в Каретный ряд, где он жил, пригласить на просмотр. Константин Сергеевич заинтересовался нашей работой и взялся сам довести ее до премьеры. На репетиции мы ездили к нему домой. Это были приятные поездки. Запомнилась сама атмосфера этих репетиций, интерес к нам Константина Сергеевича. Он умел разбудить наше воображение, инициативу, просил каждого вносить что-то свое в спектакль. И принял почти все наши находки... Принял Константин Сергеевич и мои две фразы к роли. Наш с Колей Баталовым вальс Станиславский предложил танцевать так, как будто мы совсем не умеем танцевать. И первый смеялся над тем, как у нас это получалось. А позже всегда смеялась и публика, непременно вызывая нас после исполнения вальса.

Спектакль «Зеленое кольцо» стал началом Второй студии Художественного театра, а наш любимый педагог Мchedлов — ее руководителем.

Все мы — студийная молодежь — были одержимы искусством, ради своей актерской профессии готовы были терпеть любые невзгоды и лишения.

Позже, уже в годы революции, мы с Любочкой снимали комнату в доме, рядом с которым сейчас помещается Всероссийское театральное общество. За Любой частенько заходили ее ухагеры — Толя Кторов и Игорь Ильинский. Меня они просто не замечали. Я любила лежать на кровати и мечтать. Никакие их шуточки и насмешки не могли вывести меня из мира грез.

По-моему, ни Кторов, с которым мы всю жизнь прослужили вместе в Художественном театре, ни Ильинский — актер другого столичного театра, Малого, так и не заподозрили тогда, что подружка милой их сердцу Любочки Настенька и актриса Зуева — одно и то же лицо.

Уже в те годы искусство забрало меня целиком. Все, что я замечала, на что обращала внимание, так или иначе было связано с искусством.

Революция вошла в нашу жизнь стремительно и поначалу не совсем понятно.

Обедать я ходила к тете в Леонтьевский переулок. На улицах стреляли, частенько над головой свистели пули. Но не оставаться же без обеда! И вот короткими перебежками, по стенкам, с зажмуренными от страха глазами я добиралась до тетиного дома и стремглав взбежала на второй этаж. Чувствовала себя в безопасности только после того, как за мной захлопывалась массивная дверь. Если вечером не было спектакля, после таких потрясений оставалась ночевать у тети.

Постепенно мы поняли главное, что дала революция театру, — возможность в невиданных ранее масштабах служить народу. Но ведь Художественный театр и начинался с мысли о создании театра для широких масс, для рабочих Москвы. Так он и назывался вначале — «Художественный общедоступный».

С революцией пришел к нам в театр новый зритель. Началось взаимное воспитание: революционная публика воспитывала нас, мы — ее. Сейчас каждый знает фразу Станиславского: «Театр начинается с вешалки». Наши же новые зрители в большинстве своем попадали в театр впервые. И, встречая их у входа, приходилось говорить: «В зал нельзя входить в пальто и калошах».

Мы с гордостью повторяли слова В. И. Ленина: «Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, — это, конечно, Художественный театр».

Мне довелось играть в одних спектаклях со многими актерами первого поколения нашего театра. Играла я в «Воскресении» с В. И. Качаловым. Василий Иванович не был занят в моей картине, но никогда не уходил, стоял за кулисами, смотрел. И обязательно говорил мне после спектакля что-нибудь о моей роли. Это помогало глубже проникать в психологию на первый взгляд такой обыкновенной, простой деревенской бабы, а по сути своей человека изуродованного, с трагической судьбой. О моей Матрене А. М. Горький сказал: «Лучше, чем в жизни!»

У меня в квартире — своеобразный музей, занимающий две стены небольшой комнаты. На одной — фотографии Станиславского и Немировича-Данченко, учителей, товарищей по профессии, на другой — мои фотографии в различных ролях. Станиславский говорил: «Все без исключения арти-

АНАСТАСИЯ ЗУЕВА.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

сты — творцы образов — должны перевоплощаться и быть характерными». Эти слова для меня как будто сказаны. С первых шагов на сцене я определилась как актриса характерная. С юных лет научилась изменять свою внешность с помощью грима, костюма, накладок. Но главное в моих ролях — это неповторимые характеры, чаще всего ничего общего с моим не имеющие.

Пятьдесят лет выхожу я на сцену одичавшей и отупевшей помещицей Коробочкой. Помню, однажды за кулисы зашел зритель-врач и сказал: «Мне понравилась игра актрисы, исполняющей роль Коробочки. Однако ей надо срочно лечиться: у нее тяжелая болезнь, водянка...» А все дело было в руках моей Коробочки: от специальных накладок, придуманных мною, они казались отеками, распухшими до прозрачности.

А рядом с Коробочкой у меня в комнате доброе лицо няни Анфисы из поставленного Немировичем-Данченко спектакля «Три сестры» Чехова. Совсем другой человек, совесть дома.

Больше пятидесяти ролей создала я в Художественном театре, а если собрать работы на радио, на телевидении, в кино, то их число уже и за сотню перевалило.

В кино я играла роли в основном небольшие, но тоже самые разнообразные. Помню, сыграла жену тренера в кинокомедии «Первая перчатка». Снималась я и у Пудовкина в фильме «Пир в Жирмунке» в роли жены партизана. Эта женщина-героиня погибает сама, пробуя отравленные ею яства, но и уничтожает целый отряд врагов, потчывая их отравленными ватрушками и пирогами.

Во всех фильмах Роу открывала я разные ставенки в сказки. Для Роу было необыкновенно важно, как войдут юные зрители в сказку, он обсуждал со мной каждый жест, интонацию, взгляд. Сам он был настоящим чудом, человеком необыкновенной доброты и чуткости. Любил бывать у меня в гостях, хвалил нашу домашнююстряпню.

В моей квартире на улице Горького всегда бывало

многолюдно, приходили в гости не только знакомые актеры, но нередко и люди совершенно незнакомые, приходили за помощью, советом. Мне доводилось много ездить по нашей стране с гастрольями, концертами, и я чувствовала себя счастливой, потому что видела, что люди наши живут хорошо, что им нужно наше искусство.

Война застала группу артистов нашего театра, в которую входила и я, на гастрольях в Минске. Мы еще продолжали играть спектакль «Три сестры», записывались на Минском радио, выступали с концертами. Не верилось, что началась война. Помню, выступали мы перед военными. Ничего нам толком не объяснив, они предложили не ездить в гостиницу, а остаться ночевать в театре. Мы не послушались. Поехали в гостиницу, а театральные костюмы и реквизит оставили в театре. Если бы мы знали, что больше в театр не вернемся, непременно бы взяли все с собой, не оставили бы врагу.

По дороге в гостиницу объявили тревогу. Нам предложили пройти в бомбоубежище. Но там было уже много местных жителей, женщин с детьми, поэтому мы далеко не пошли, а остановились на какой-то лесенке. Кончилась тревога, выбрались мы на свежий воздух и ужаснулись. Оказывается, прятались мы в каком-то сооружении из фанеры. Мне кажется, что именно после этого случая я перестала бояться бомбежек и обстрелов.

В гостинице нас уже ждали, предложили немедленно садиться в грузовичок, который должен был вывезти нас из Минска. Мы выехали на дорогу, по которой двигались на восток беженцы. Влились в общий поток. Нас обстреливали фашистские самолеты, приходилось ложиться, отбегать подальше от дороги, а когда мы возвращались, видели убитых и раненых. Чаще всего это были старики, женщины, дети — те, кто не мог быстро убежать... Их мертвыми глазами посмотрела на нас война. Страшно! Неправедливо!

Нашу группу вел старейший среди нас — Иван Михайлович Москвин. Рядом с ним, не жалуясь,

шла его жена Вера Сергеевна Соколова, тяжело ступая больными ногами. Среди нас были актеры моего поколения и даже постарше: М. М. Тарханов, С. В. Халюткина, М. М. Яншин, Б. Г. Добронравов, А. Л. Ершов. Мы смотрели на то страшное и непонятное, что происходило рядом с нами, не могли понять, за что убивают детей, женщин, стариков. Станция Орша горела. Плакали дети. Здесь уже были сироты, были дети, потерявшие родителей в этом кошмаре. Пока мы ждали дачного поезда до Смоленска, я старалась как-то помочь детям, умывала их, кормила тем, что нашлось в моем узелке. Но как в таком аду успокоить детей? Все мои усилия и усилия других женщин были напрасны. В моем маленьком узелке была чистая простыня. Вынула я ее, разорвала на маленькие кусочки и вручила каждому из ребятшек по небольшому белому квадрату. Говорю: это вам носовые платки, носы вытирать, и чтобы не плакали больше. Так вот эти импровизированные носовые платки подействовали на детишек успокаивающе. Наверное, совсем недавно каждому из них мама давала чистый платочек и говорила примерно такие же слова.

В Москве было много военных, здесь формировались войсковые соединения, отправлявшиеся на фронт. Военным был и мой сын, названный в честь Станиславского Костей. Мое сердце болело и за него, и за его товарищей, и за всех наших солдат.

Как-то слышу звонок в дверь. Открываю. Стоят пятеро краснофлотцев. Козырнули мне и передают пакет. Я их приглашаю зайти в дом. «Некогда, — говорят. — Мы из Севастополя. В Москве ненадолго. Нас отправляют на фронт завтра». Спрашиваю, что в пакете.

«Когда уходили из Севастополя, взяли с собой из клуба все, что было нам особенно дорого. В том числе и вот эту фотографию». Козырнули и ушли. Эта фотография и поныне висит у меня на стене. На ней наши мхатовцы сняты вместе с краснофлотцами на борту линкора «Парижская коммуна». Среди них Книппер-Чехова, Качалов. Я помню эту поездку. Помню краснофлотскую самодеятельность, задорную, веселую, помню, как краснофлотцы совсем неплохо исполняли в ней не только мужские, но и женские роли.

Эта фотография помогает мне вспомнить, какой была я перед Великой Отечественной войной — молодая, со светлыми косами, уложенными вокруг головы, в беленьком платьице, а на груди — орден «Знак Почета». И лицо у меня счастливое, улыбочное.

Выступать перед воинами Красной Армии я начала почти одновременно со своим приходом на сцену. Актеры Художественного театра с первых лет Советской власти считали своим долгом быть в частях Красной Армии со спектаклями, концертами. На Юго-Западный фронт Художественный театр послал свою Вторую студию. И вот совсем недавно получаю я письмо, в котором совершенно незнакомый мне человек пишет, что «осмеливается меня беспокоить по праву нашего старого знакомства с 1921 года». Как выяснилось, знает он меня с той самой поездки Второй студии. Был он тогда нашим ангелом-хранителем, заботился о нашей безопасности, питании, быте. Время тревожное — гражданская война, вокруг банды, так что забот о комиссара о нас было много.

Но самые запомнившиеся встречи — это встречи в годы Великой Отечественной. Мне довелось выезжать двенадцать раз непосредственно на фронт. На чем только не доводилось добираться! Ездили на розвальнях, «газиках», грузовиках, самолетах, военных кораблях, даже танках. Не все бывало гладко в таких поездках: попадали под бомбежки, обстрелы, мерзлы. Но, как я уже говорила, обстрелов и бомбежек я почему-то не боялась, а к бытовым неурядицам относилась совершенно спокойно. Не это меня волновало. Все забывалось, казалось мелким и незначительным, когда наступало главное, то, ради чего мы, актеры, так стремились на фронт. А главное — встреча с воинами. Таких зрителей я больше никогда не встречала! Помню солдат перед боем, солдат, только что вышедших из боя, в грязной одежде, с посеревшими от порохового дыма лицами, усталыми, запавшими глазами. Первое время казалось, что выступать перед этими усталыми от войны людьми, не раз видевшими в глаза смерть, просто неловко. Но скоро мы поняли, что нужны здесь необыкновенно. Так чутко и эмоционально откликались на наши выступления фронтовые зрители.

Как-то в 1942 году в одну из таких поездок мы отправились втроем — А. К. Тарасова, я и постоянный мой партнер тет тет Н. И. Дорохин. Выступали мы на аэродромах, в прифронтовых лесах. Шум войны не мог заглушить голос Аллы Константиновны, когда она читала монолог Анны Карениной. На смену ей выходил Коля Дорохин и читал «Василия

Теркина» Твардовского, необыкновенно любимого солдатами. Потом мы с Колей исполняли сценку из «Женитьбы Бальзамина» А. Н. Островского. И если не поднимали солдат с концерта по приказу в бой, то такие концерты обычно сильно затягивались, нас никак не хотели отпускать. На «бис» я танцевала «русскую», что-нибудь импровизировала.

Мы гордились, что солдаты называют нас, артистов, однополчанами, гордились тем, что наша профессия помогает нам ощутить себя в едином строю со всем советским народом во время тяжелых испытаний.

До войны повезло мне на встречу с прославленным на весь мир советским летчиком Валерием Чкаловым. Он присутствовал на юбилее Музыкального театра имени Немировича-Данченко. С затянувшегося вечера Валерий Павлович повез меня на такси до моего дома. Он много шутил, смеялся, а шоферу сказал: «Поезжай-ка шагом, тихонько. Хочется поездить «шагом», а то все передвигаюсь на больших скоростях...» Ехали мы по центральным улицам Москвы, и нас без конца останавливали постовые милиционеры, удивленные такой странной ездой. Однако, увидев Чкалова и услышав его объяснения, козыряли и отпускали. Больше я никогда не ездила на автомобилях с такой «необыкновенной» скоростью.

Когда я узнала о полете в космос Юрия Гагарина, была просто потрясена и написала ему, кажется, немного сбивчиво, зато от души. Я писала, что в детстве изучала закон божий и приходила в восторг от того, что ангелы могут парить высоко над Землей. Потом наши летчики стали летать над облаками. А вот теперь русский парень преодолел притяжение Земли и поднялся в самый космос. Юрий Гагарин сам подошел ко мне на встрече во Всероссийском театральном обществе в 1962 году. Он благодарил за письмо, благодарил за мои выступления. Оказалось, что Гагарин видел меня во многих спектаклях. Я была тронута. За трудными и героическими комическими делами не забыл он сказать доброе слово артистам.

Я никогда не отказываюсь, если меня приглашают выступить. Меня не пугают дальние и трудные дороги.

Невозможно вспомнить все поездки за 65 лет, все встречи в колхозах, совхозах, на фабриках, заводах, в подшефных и неподшефных войсковых частях и школах.

Я всегда помню, что актерская профессия жива людьми, зрителями, что без зрителя нет актера! Молодые в театре иногда говорят, что завидуют мне, моей энергии, завидуют, что я никогда не отказываюсь ни от каких поездок, даже самых трудных, ни от одной встречи со зрителями. А чему же тут завидовать! Надо просто любить зрителей, вообще людей любить, любить «искусство в себе, а не себя в искусстве», тогда хватит на все и сил, и энергии, и вдохновения. Как и все 65 лет, продолжаю я служить в Художественном театре. И, как все эти годы, жду новых ролей, мечтаю о них! В свой предыдущий юбилей, 80 лет со дня рождения и 60 лет на сцене МХАТа, я получила дорогую для меня возможность сыграть в пьесе современного советского драматурга Э. Володарского «Уходя, оглянись».

Я сыграла русскую мать Варвару Антоновну Крохину, которая жива в своих детях, внуках, правнуках. Большое горе пережила Варвара Антоновна — пятерых сыновей забрала у нее война. И осталась она жить с невесткой да внуками. Смысл ее существования определяется той пользой, которую она еще может принести. Живет в Варваре Крохиной народная мудрость, помогающая ей найти правильное решение в самых сложных жизненных ситуациях. Тоскует она о родных местах, о русском Севере, кровно чувствует свой «корень», из которого вышел ее род, хочет, чтобы внуки и правнуки знали и любили родину дедов и прадедов. Любовь к Родине она прививает детям и внукам. Но вот выросли внуки, не нужны им бабкины заботы. Слегла старая, собралась помирать. На сцене полумрак, тишина, врачи... Но приехал проститься с умирающей внук с правнучком. И что же? Поднялась моя Варвара, взяла на слабые руки ребенка: «Я его сама вынянчу!» Не может она умереть, пока ее труд необходим, и не нужны ей скидки на старость и болезнь! В моей героине есть та великая сила, тот неприметный героизм русской женщины, который помог ей выдержать все тяжести и невзгоды войны, помог рука об руку с мужчинами восстановить нашу страну из военной разрухи.

Кстати, о характере. Опять вспоминается моя Коробочка из «Мертвых душ». Хотя грим в этой роли совсем закрывает мое лицо, изменяет внешность и я более тысячи раз сыграла эту роль, но все время ищу новые черты, новые оттенки исполнения, стараюсь как-то осовременить образ.

И вот в 1965 году должна я была выступить с моей

Коробочкой на гастролях нашего театра в Соединенных Штатах. Сильно волновалась. У нас в Советском Союзе даже дети знают Н. В. Гоголя, понимают его сатиру. А поймут ли ее американские зрители? И было радостно, когда почувствовала, что в зал доходит не только каждое слово, но даже дыхание актера в паузах вызывает реакцию.

У нас в театре говорят, что ни одни гастроль не обходятся без меня. И я горжусь этим. Была я на гастролях в ГДР, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, Франции, Англии, Австрии, Греции, Японии.

Однажды в Японии нам пришлось встречать Новый год. И вот удача! В Японии снег — большая редкость, а тут все вокруг было бело, настоящая зима. Встречали мы Новый год с нашими японскими коллегами — актерами, режиссерами, театральными деятелями. Японские друзья радовали нас своим национальным искусством, угощали национальными блюдами. Алла Константиновна Тарасова говорит мне: «Настя, не подкачай, спляши им нашу «русскую», покажи, как в России танцуют!» Я поднялась медленно, расправила за плечами большую шелковую шаль и пошла павой по кругу. Сначала японские артисты просто смотрели на меня и улыбались, потом начали хлопать в ладоши, в такт, а когда танец стал быстрее, многие из них встали и попробовали мне подражать. Скоро вокруг меня образовался целый хорювод. А я все плясала и кружилась, все убыстряла и убыстряла темп. Постепенно японские плясуны стали отставать, то один, то другой, запыхавшись, возвращался на место. А я все плясала и плясала. Скоро я опять осталась одна, но и после этого не прекратила танцевать. И когда я кончила, разразилась буквально буря аплодисментов. Все смеялись. Смеялись и мои незадачливые партнеры, которые все никак не могли отдышаться. А когда мы уезжали из Японии, в аэропорту подошла ко мне известная японская актриса. Приветствуя меня по национальному обычаю, необыкновенно изящно и экзотично в своем кимоно, она преподнесла мне букет. А рядом стоит Алла Константиновна. Я думаю: цветы, конечно, Тарасовой, а не мне. Не знаю, как объяснить, что цветы надо отдать Тарасовой, и показываю на нее глазами: мол, отдайте ей. Но японская актриса поняла мою мимику. «Нет, нет, — говорит. — Зу-е-ва». Эти цветы я привезла в Москву. Темные розы высохли, стали совсем черными, но еще долго стояли у меня...

За свою жизнь я узнала, что можно быть сколько угодно талантливой, признанной, но если в твою душу проникнет дух усталости, равнодушие к людям — не быть тебе актером. И еще, считаю, надо быть непременно патриотом своего театра.

В конце войны в кино сыграла я Мирчуткину в «Юбилее» А. П. Чехова. Тогда пресса назвала ее «одним из шедевров Зуевой». В театре мне эту роль играть не пришлось, хотя спектакль идет у нас. А в марте 1980 года случилось у нас в театре происшествие. Заболела актриса, исполняющая роль Мирчуткиной. Я играла в этом же спектакле «Чеховские страницы» роль богомолки в «Канители». И вот меня просят сыграть еще и Мирчуткину. И такой у меня энтузиазм появился! Надо выручать театр. Спектакль «Чеховские страницы» был объявлен в Международный день театра. Не может Художественный театр отменить спектакль, тем более в такой день. Но играть одну и ту же роль в кино и в театре — это совершенно разное. Однако, когда я стала вспоминать текст, мысленно проходила мизансцены спектакля, виденного мной неоднократно, оказалось, что я все помню... И я рискнула выйти на сцену в этой роли.

Вот лежит передо мной «Приказ по Художественному академическому театру Союза ССР имени М. Горького». В нем сказано: «Срыв спектакля «Чеховские страницы» был предотвращен благодаря самоотверженности старшей актрисы театра А. П. Зуевой... она взялась выручить спектакль, продемонстрировав при этом большое актерское мастерство, высокий профессионализм и образцовое соблюдение этических норм МХАТа».

Я продолжаю служить в Художественном, храню верность тому, чему учили нас основатели нашего театра.

Я всегда стараюсь не предавать своего искусства — живу им, люблю, верю, в него.

Я никогда не думала о своей популярности, честно служила народу, вместе с ним, со всей своей страной переносила испытания, выпавшие на наш век.

И я всегда была счастливым человеком, счастливым потому, что отдала свою жизнь служению искусству, что всегда жила сердцем с народом. И еще часто думаю: ведь сколько сыграно ролей, столько прожито волнительных, прекрасных, творчески наполненных дней, месяцев, лет.

Записала Заира ЕФИМОВА.

НЕПОХОЖИЙ ДВОЙНИК

Николай
ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

Молодой прозаик из Ростова-на-Дону Николай Оганесов уже знаком читателям «Смены» — в 1980 году в журнале была опубликована его повесть «Мальчик на качелях». Дебют начинающего литератора удостоился годовой премии «Смены», в Ростовском издательстве выпустили одноименную книгу. Юрист по образованию, Н. Оганесов работает в жанре остросюжетной прозы, обладающей чертами социального исследования.

ГЛАВА I.

12 февраля

СКАРГИН

Издали по направлению к административному корпусу движутся две фигурки. С высоты четвертого этажа они кажутся неправдоподобно маленькими, но не настолько, чтобы я не узнал человека, шагающего впереди. Его ведут ко мне. Это мой подследственный Красильников. За ним, щеголяя новенькой отутюженной формой, идет сопровождающий — прапорщик. Красильников оборачивается к нему: наверное, просит не спешить, и тот величаво укорачивает шаг. «Что-то, а просить он умеет», — думаю я с неприязнью и ловлю себя на желании отойти от окна. Но что-то удерживает на месте, оставляя в поле моего зрения движущиеся по снегу фигуры. Это не любопытство, не желание понаблюдать за человеком в тот момент, когда он тебя не видит, нет. После бесчисленных попыток понять своего подследственного, разобраться в его отношениях с убитым — Игорем Красильников обвиняется в убийстве — интерес к нему поубавился. Пришел день, когда все или почти все осталось позади. Сегодня мы, наконец, располагаем доказательствами, которые позволяют полностью восстановить картину происшедшего и окончательно отбросить то, что между собой успели окрестить «легендой Красильникова»...

КРАСИЛЬНИКОВ

Чтобы унять резь от бьющих в глаза солнечных лучей, он перевел взгляд на отвесные стены каменного колодца. Окна, окна, бесконечная череда окон. Справа, слева, впереди, сзади...

Игорь замедлил шаг.
— Не останавливаться, — мгновенноотреагировал сопровождающий.

Он полуобернулся. Обращенное к прапорщику лицо выражало крайнюю степень покорности.

— Пойми, друг, воздухом подышать хочется...

— Не разговаривать, — отрезал прапорщик, но скрип снега за спиной стал раздаваться чуть реже. Пусть маленькая, а победа.

Захотелось курить. На память пришел давний случай, когда тринадцатилетний мальчишкой поддался на уговоры приятелей и выкурил свою первую и, как оказалось, последнюю в жизни сигарету. Шел домой и мучился предчувствием нагоняя, не сомневался, что мать обо всем догадается. Мать он любил... Одинокая, в те годы молодая еще женщина, она все свободные вечера проводила в клубе медицинских работников, занималась в вokalном кружке. Но то ли не все ладилось в клубе, то ли на работе не все шло гладко, — домой чаще всего возвращалась не в духе. Бралась за шитье, за уборку, однако все валилось у нее из рук. С детства запомнил он ее прямую, негнувшуюся спину, то, как неожиданно она вскакивала со стула, быстро и бестолково двигалась по комнате в своем развешивающемся, пахнущем нафталином халате. В такие минуты было лучше не

попадаться ей под руку: могла придаться к мелочи, отхлестать по щекам, выкрутить ухо, а то и больно ударить по голове. Вряд ли кто еще, кроме сына, знал, какой жестокой иногда становилась эта маленькая медицинская сестра из районной поликлиники. И все же Игорь любил ее...

Как и предполагал, в тот вечер она с первого взгляда угадала его состояние. Строго спросила:

— Ты курил?
Он стоял среди комнаты, виновато понурился головой. Мать стремительно пошла вдоль стен, потом, сужая круги, стала приближаться к нему. Остановилась.

— На какие деньги ты покупаешь папиросы?
— Ребята угостили, — чуть слышно проговорил он.
— Угостили? А это что?! — Порывистым движением она вытащила из кармана халата пачку трехрублевков и, размахнувшись, резко бросила их ему в лицо. — Это что, спрашиваю?! — Зеленые бумажки, как однокрылые бабочки, зависли в воздухе и в беспорядке рассыпались по ковру. — Здесь тридцать рублей! Откуда у тебя деньги?!

Она с силой нажала ему на плечи, усадила на стул и сама села напротив. Приблизила лицо. Оттого, что зрачков не было видно, — они прятались в щелках между густо подведенными тушью веками, — ему стало не по себе.

— Я... я продал фотоаппарат... Он все равно не работал.

Приготовившись к худшему, Игорь сжался в комок. Он ждал удара, но мать неожиданно мягко провела ладонью по его щеке и шее.

— Господи, — низким, вызывавшим в нем нервную дрожь голосом сказала она. — Господи, как ты похож на своего отца.

Ладонь была маленькой и очень холодной. Игорь сидел, боясь шелохнуться, и украдкой разглядывал валявшиеся под ногами трешки.

— Я больше не буду... — готовясь расплакаться, сказал он.

Она вздрогнула. Отойдя в дальний угол комнаты, презрительно скривила губы.

— Слушай и запомни, негодяй! Если я когда-нибудь увижу тебя с папиросой, — берегись! Ты понял?!

— Понял, — едва шевеля губами, ответил он.
— Все, разговор окончен.

«А как же деньги?» — хотел спросить Игорь, но мать, взмахнув полами шелкового халата, уже вышла из комнаты. Из-за двери слышались «мощные» аккорды, которые она извлекала из старенького расстроенного пианино, и он, поминутно оглядываясь, стал торопливо собирать с ковра хрустящие бумажки — законно принадлежащую ему добычу...

Смешно: прошло больше пятнадцати лет, но курить он так и не начал. Мать уже наверняка забыла тот случай, а он, надо же, помнит.

СКАРГИН

Я вытаскиваю сигарету. Красильников не переносит запаха табачного дыма, но я закуриваю и даже испытываю удовольствие при мысли, что это будет неприятно человеку, который войдет сюда через несколько минут. Сильно же изменились наши отношения за минувший месяц! Может, пока есть время, в этом стоит разобраться?

Я медленно перелистываю страницы дела. Рассматриваю протоколы, заключения экспертиз, разглядываю фотографии. Под ними моим почерком помечено: «обзорный снимок места происшествия», «узловой снимок», «снимок трупа с окружающей обстановкой»...

«А вдруг все же ошибка? — мелькает неожиданная мысль. — Не может быть, исключено, но... вдруг?!»

Это случилось девятнадцатого января. В одноэтажном флигеле, находящемся в глубине двора по улице

Первомайской, был обнаружен труп гражданина Волонтира Георгия Васильевича. Сорокадвухлетний сторож районной овощебазы, свободный в тот день от дежурства, умер в результате общего отравления бытовым газом.

Рано утром, проходя мимо двери флигеля, почтальонша местного отделения связи почувствовала сильный запах газа. На ее стук никто не отозвался, и она, заподозрив наладное, вызвала техническую помощь. На место прибыла аварийная машина. Бригадир газовиков, на наше счастье, человек предусмотрительный, проник в дом, не повредив двери. Обнаружив внутри труп, он принял меры, чтобы в помещение никто не входил, и позвонил в милицию.

Прежде чем в дом вошли мы, подача газа была прекращена, и помещение основательно проветрили. Но и после этого находиться в нем продолжительное время было невозможно: все вещи, мебель и даже стены небольшой, метров семнадцати, комнаты пропитались запахом, от которого вскоре появлялась головная боль и начинали слезиться глаза.

На первых порах ничто не вызвало наших подозрений. Происшедшее представлялось несчастным случаем. Подтверждала это и поза трупа — Волонтир умер во время сна, лежа на старом, продавленном диване, и то, что Георгий Васильевич, по мнению медика, накануне смерти находился в состоянии сильного алкогольного опьянения. И, пожалуй, главное на тот момент — входная дверь была заперта на крючок изнутри.

«Запер дверь, выпил лишнего, забыл выключить газ» — типичный несчастный случай, из тех, о которых еще долго будут судачить соседки, а газовики приводят в пример нерадивым хозяевам при инструктаже. Так думали мы. Но заблуждались недолго. При исследовании ручек газовой плиты (обе конфорки были открыты до упора, но газ не зажег, что и послужило причиной отравления) эксперт не нашел на них никаких отпечатков. Сообщение сработало, как мина замедленного действия. Не сговариваясь, мы посмотрели на аварийщика, но бригадир отрицательно покачал головой: нет, к ручкам он не притрагивался. Значит, следы пальцев стер не он. Но никто другой до нашего приезда в дом не входил! Первым высказался инспектор Сотниченко: это самоубийство, обставленное таким образом, чтобы после смерти на кого-то пало подозрение в убийстве. Так можно поступить из мести, сводя счеты...

— Не совсем обычный способ, согласен, — сказал он, — но теоретически возможный.

Версия продержалась ровно столько, сколько понадобилось его коллеге Косте Логвинову, чтобы вполне резонно возразить:

— Если уж навлекать подозрение, то на конкретное лицо. Где же записка, письмо, хоть какой-то намек... И потом — он не стал бы заперать дверь изнутри.

Крыть было нечем, и пусть Логвинов не произнес слово «убийство», оно словно повисло в воздухе. Похоже, все мы подумали об одном и том же: исключив несчастный случай, а за ним самоубийство, остается предполагать худшее...

К девяти медленно и как-то нерешительно над городом взошло тусклое солнце. Сумерки нехотя отступили под его неяркими косыми лучами, и непонятно было: утро ли это, или вечер, за которым снова наступит ночь.

Я стоял во дворе и, выдыхая из легких остатки «воздуха», которым успел надыхаться в доме Георгия Васильевича, занимался рекогносцировкой. Я не случайно воспользовался военной терминологией, ибо в самом деле чувствовал себя как на поле боя после газовой атаки. Так или иначе, пора было приниматься за дело, и я приступил к разведке.

Двор был похож на длинный и узкий школьный пинал. Флигель Волонтира — небольшая шапанка с одним наглухо закрытым ставнями окном — находился в торце. Напротив, в другом конце двора, теснились хозяйственные постройки. С двух других сторон, параллельно друг другу, стояли два дома-близнеца: двухэтажные, дореволюционной постройки здания с так называемыми архитектурными излишествами на наружных стенах. Один из близнецов, слева от меня, пустовал: людей выселили, окна заколотили досками. Сквозь отвалившуюся местами штукатурку торчали ребра дранки, а подвезды, обращенные внутрь двора, зияли немymi бездонными дырами... Картина, одним словом, невеселая. Слегка припорошенные снегом кучи мусора, битого стекла дополняли ее и делали почти мрачной. Впрочем, жителей второго дома этот пейзаж скорее всего радовал: в самом ближайшем будущем им тоже предстояло покинуть уютный двор и перебраться в новые квартиры...

Мои праздные размышления прервал Логвинов. Он вышел из подъезда и, ежась в своем коротком замшевом пальто, показал большим пальцем вверх, что означало: «Есть новости, и неплохие». Повинуясь его зыбким жестам, я вошел в подъезд.

— Четвертая квартира, — сказал Костя и стал быстро подниматься на второй этаж.

Рисунок
Марины ПИНКИСЕВИЧ

Нужная нам квартира была рассчитана на три семьи: рядом с кнопками звонков значились фамилии жильцов. Логвинов провел меня в большую квадратную комнату, где нас встретила худенькая, ниже среднего роста женщина лет тридцати.

— Ямпольская Елена Борисовна, — представил ее инспектор и тут же попросил: — Елена Борисовна, повторите, пожалуйста, этому товарищу все, что рассказывали мне.

Женщина посмотрела на меня темными печальными глазами, прошла к окну и присела у письменного стола.

— Хорошо, — сказала она, кутаясь в пуховый платок, и мне показалось, что она греется от света настольной лампы. — Спрашивайте.

— В котором часу вы легли спать? — спросил Костя.

— В половине третьего, — без всякого выражения ответила она.

— Почему так поздно?

— Работала. — Ямпольская, видно, не отличалась особой разговорчивостью, и Логвинов пришел ей на помощь:

— Елена Борисовна — переводчица. Вчера принесла работу на дом. — И, обращаясь к ней, уточнил: — Я вас правильно понял?

Облокотившись о подоконник, я стоял метрах в трех от письменного стола и почему-то не мог отвести взгляд от рук женщины: на них сквозь тонкую кожу проступала сетка кровеносных сосудов.

— Я болею, — объяснила она. — Работа срочная. Меня попросили... Около двух ночи, — продолжала Елена Борисовна, видимо, желая быстрее закончить тяготивший ее разговор, — я подошла к окну. Во дворе увидела Игоря Михайловича Красильникова...

Я перехватил быстрый Костин взгляд. Позже он объяснил, что первый раз Ямпольская назвала Красильникова только по имени, теперь же к имени прибавилось отчество. Расхождение, казалось бы, незначительное, но уже спустя сутки я понял смысл этой разницы.

— Вы сказали «около двух», а точнее? — спросил Костя.

— На часы я не смотрела. — Поколебавшись, Елена Борисовна добавила: — Легла я в половине третьего, а видела его за полчаса до этого, не больше.

— Вы подошли к окну случайно или что-то привлекло ваше внимание? Шум, какие-то звуки?

— Я подошла к окну случайно.

«Побольше бы таких случайностей, — подумал я. — В этом деле они вот как нужны!»

— Красильников вышел из флигеля, — напомнил Логвинов.

— Да, из флигеля.

— Вы не ошиблись? Может, он просто стоял рядом?

— Нет, я видела, как он захлопнул за собой дверь. Мы переглянулись. К тому времени было установлено, что смерть Волонтира наступила между тремя и пятью часами ночи. В два из его дома вышел Красильников. Это было уже кое-что!

— Квартира Красильникова в вашем подъезде? — поинтересовался я.

— На первом этаже.

Минут через десять, оставив Логвинова у Ямпольской, я стоял у двери квартиры № 1 и жал на кнопку звонка, под которой в стандартной рамочке значилась фамилия Красильникова И. М.

Щелкнул замок. Я представился растрепанной темноволосой женщине с залпывшими от сна глазами, и меня впустили в забитый хламом коридорчик. Входная дверь захлопнулась. Мы оказались в крошечной тьме. Сначала я натолкнулся на подвешенное к стене корыто, потом на ошупь определил тумбочку с керогазом. Когда моя спутница открыла дверь в комнату, я увидел еще и разобранный на зиму велосипед и детские санки.

— Лампочка перегорела, — сообщила женщина, и я почувствовал исходящий от нее запах спиртного. — Красильникова — это я, зовут Тамара. Проходите, пожалуйста.

Прежде чем воспользоваться приглашением, я кивнул в сторону второй двери, имевшейся в прихожей, и спросил, кто живет по соседству.

— Теперь уже никто. — Она махнула рукой. — Видите, бумажка приклеена. Опечатано. Жила Nina Ивановна. Два дня назад умерла. Вчера похоронили. Наследников нет, вот домоуправление и опечатало...

Мы вошли в комнату. Здесь царил тот же хаос, что и в прихожей. Стол, накрытый плюшевой, потерявшей свой первоначальный цвет скатертью, был завален невымытой посудой, какими-то коробками, банками из-под солений, детскими игрушками. Сервант с облезлой полировкой, телевизор, резная дверца шифоньера, почти все, что находилось в комнате, покрывал заметный слой пыли.

— Напрасно беспокоитесь. — Красильникова смахнула со стула грязное полотенце и села, придерживая рукой расходящиеся полы халата. Она явно принимала меня за участкового. — Охотников на ее каморку днем с огнем не сыщешь, да и дом у нас на слом намечается, сами знаете, последние дни доживаем.

— У вас двухкомнатная? — спросил я.

— Двухкомнатная. — Красильникова зевнула, прикрыв рот пухлой ладонью. — В одной тринадцать метров, в другой девять. Нас четверо прописано: я, муж, дочка и отец — он сейчас у своей сестры гостит. По всем законам нам трехкомнатная положена.

На столе рядом с кастрюлей валялся потрепанный сборник задач.

— А дочь где? — спросил я.

— К тетке отвезла на пару дней. — Не вставая, Тамара потянула за шнурок, свисавший над подоконником. Вьетнамская соломка, сворачиваясь в рулончик, рывками поползла вверх. В окно проник рассеянный свет. Из полутьмы возникли розовые, накатанные серебрянкой стены. Они сделали комнату еще уютней.

— Сколько же сейчас времени? — спохватилась Красильникова.

— Начало десятого, — подсказал я.

— Ого! — Она всплеснула руками, поправила сбившуюся на бок прическу и осталась сидеть в прежней позе. — Так что вы хотели? Я вас слушаю.

Я сообщил, по какому поводу пришел. Тамара выслушала, понимающе покачивая головой, и высказала свое отношение к смерти соседа:

— Так ему, алкашу, и надо. Допился, значит? Предел-то должен быть, как вы считаете?

Обмен мнениями на таком уровне меня не устраивал.

— В котором часу ваш муж возвращается с работы? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Раз на раз не приходится. Он оптик. Мотается по городу, ищет дефицитные стекла, оправы...

— А вчера он когда вернулся?

— Вы что ж, думаете, он с этим алкашом, с Волонтиром, пил? — Тамара тяжело опустила голову и начала перебирать бахрому на скатерти. — Может, и пил, кто его знает... А насчет работы, так он вчера вообще не ходил, отпросился. — Она криво улыбнулась: — Шампанского купил, водки «Пшеничной» две бутылки...

Что они делали со спиртным, я спрашивать не стал: у ножки стола стояла батарея пустых бутылок.

— Часто пьете?

— Вчера повод был, — объяснила Тамара. — Восемь лет, как мы с Игорем поженились.

Ну и жизнь! Вчера праздновали годовщину свадьбы, вчера же хоронили соседку, ночью убит другой сосед. Не многовато ли событий за такой короткий срок?

— Значит, вчера была годовщина вашей свадьбы, и по этой причине ваш муж отпросился с работы?

— Да нет, я же говорила, у нас соседка, Щетинникова, умерла. Нина Ивановна. Родственников у нее нет, Игорь и взял на себя хлопоты. В похоронное бюро ездил, машину заказывал, место на кладбище оформил... Жалко старушку. Тихая была, безобидная. Болела часто. Игорь ей все путевку хотел выбить, чтобы поехала, подлечилась в санатории на старости лет. Да вот не получилось, не успел. Он ее очень уважал...

По известной причине меня интересовало все, что прямо или косвенно касалось Красилицыной, тем более что речь шла о вчерашнем дне. Я продолжал расспрашивать Тамару, и она, пусть без особого энтузиазма, исчерпывающе отвечала на мои вопросы. На это, думаю, тоже были свои причины: она не сомневалась, что сосед умер по собственной неосторожности, и принимала мой визит как необходимую в таких случаях формальность. Кто знает, как сложился бы наш разговор, если бы она знала то, что я: Волонтир был убит.

— Вчера ваш супруг так и не вышел на работу?

— Нет, — ответила Тамара. — С утра — в похоронное бюро. В начале второго Нину Ивановну на кладбище повезли. Игорь тоже поехал. Через час вернулся и лег спать. Наматался за день, устал. А я с Наташкой к отцу поехала.

— Вы говорили, что дочь у тетки, — вставил я.

— Ну да, сестра отца и есть тетка, — удивилась она моей bestолокности. — Я же говорила, что отец у сестры гостит. Наташу я там оставила, а домой вернулась с папой, пригласила его на годовщину, отпраздновать. Сколько же времени было, дайте сообразить. — Она закатила свои подернутые сонной поволокой глаза, стараясь вспомнить, как мне показалось, больше для себя, чем для меня. — В шесть мы приехали. Точно, в шесть. Будильник еще зазвонил. Я его на шесть поставила, чтобы Игоря разбудить.

— Он еще спал?

— Нет, проснулся. Сбежал в магазин за шампанским. Потом они с отцом в шахматы сели играть, а я на скорую руку мясо поджарила, салат приготовила. Все было тихо-мирно. Сели, выпили, и тут Игорь завелся... — В этом месте рассказ Тамары прервался. С ее лица сбежало полусонное выражение. Она уперлась взглядом в пространство и на некоторое время забыла о моем присутствии. Несколькими днями позже я узнал, с чем это было связано, но тогда поторопился и попал впросак, начал активно выспрашивать, что там у них произошло, отчего «завелся» Игорь, и она, отмахнувшись, осадила меня: — Ничего, ничего. Все это совершенно не касается... — Ее темные, круглые, как маслины, глаза так и не обрели прежнего умиротворенного выражения. Она стала отвечать нехотя, с видом человека, вынужденного поддерживать беседу, в то время как его самого одолевают совсем другие мысли. Да так оно в действительности и было. Невидимая стена выросла между нами: по одну сторону осталась она со своей жизнью, своими заботами, по другую — я, посторонний человек, докукающий ей своими вопросами.

— Вы еще долго сидели за столом? — спрашивал я.

— Нет. В восемь я уже легла спать.

— Отец остался у вас?

— Нет. Ушел.

— А муж?

— Тоже вышел куда-то.

— Кто из них ушел раньше?

— Отец.

Не скажу, чтобы наш прежний разговор протекал так, как хотелось, но такая переключка через стену нравилась мне еще меньше.

— Так вы не знаете, куда ушел ваш супруг?

— Не спрашивала.

— А когда он вернулся?

— В двенадцать ночи.

— Вы точно помните?

— Точно, точно.

Это противоречило показаниям Ямпольской и, как любое противоречие, должно было быть устранено. Я потребовал, чтобы Тамара уточнила, каким образом ей стало известно точное время возвращения мужа домой. С ее слов, ночью она проснулась от шума и увидела в соседней комнате Игоря. Спросила спящего, который час. Он ответил: «Не слышала, гимн только что отыграли». Потом разделся и лег спать.

— И больше не встал?

— Нет. Он спит у стенки... Я бы проснулась.

— Скажите, а вы сами радио слышали? — поинтересовался я.

— Нет, не слышала.

— И на часы не смотрели?

— Не смотрела.

Противоречия как не бывало. В два ночи Игорь был во дворе, у дома Волонтира, а вернувшись домой, попытался обзавестись алиби, обманул жену. Факт сам по себе значительный!

— Ну, а что, если он вас обманул, Тамара? — спросил я.

Красильникова недоверчиво посмотрела на меня:

— А зачем ему врать?

Случалось, мне задавали вопросы и посложнее. Но я промолчал.

Мы вышли в коридор. Здесь было по-прежнему темно.

— А лампу надо бы вкрутить, — сказал я. — Есть у вас запасная?

Тамара не заставила просить дважды. Она молча принесла стул, поставила на него табурет, и я кое-как взгромоздился на это шаткое сооружение. Туда не доставал свет, падающий из открытой настежь двери, но кое-что все же было видно. На потолке рядом с крученым шнуром электропровода серым пятном выделялся след руки. Это было ребро ладони и четкий отпечаток большого пальца. На всякий случай я осмотрел и лампу. Все остальные действия были продиктованы чистым любопытством, уверенности, что поступаю правильно, не было. Я вытащил из кармана носовой платок, обернул им лампу, осторожно выкрутил ее и спрятал в карман. Затем, нагнувшись, перехватил из Тамариной руки новую, упакованную в гофрированный картон и вставил ее в патрон. Загорелся свет.

Рискуя сломать себе шею, я прыгнул с табурета, наскоро попрощался с хозяйкой и вышел в подъезд. Здесь, не в силах тянуть с осмотром своего трофея, развернул платок. На толстом слое пыли, покрывавшем верхнюю, узкую часть лампочки, отпечатались следы чьих-то пальцев. Но не это было самым интересным. Глянув на свет, я убедился, что не зря лазил под потолок: внутри стеклянной колбы венчиком дрожал неповрежденный вольфрамовый волосок. Лампа была исправной!

ГЛАВА 2.

19—23 января

ТИХОЙВАНОВ

Федор Константинович проснулся в пять утра. Проснулся неожиданно, разом, будто кто-то толкнул его в плечо. Не разобравшись, вытянул руку. Рядом никого не было. Пустота.

Он повернулся на спину. Раскладушка отозвалась тонким, неприятным скрипом. Из темноты проступили смутные, с нарушенными пропорциями контуры мебели. Они изменили комнату, сделали ее неузнаваемой. Тихойванов сложил руки под затылком и долго вслушивался в тишину. Постепенно она наполнилась звуками: на холодильнике громко тикал будильник, в трубах урчала вода, из соседней комнаты доносились едва различимые шорохи — там спали дочь и внучка.

Федор Константинович вздохнул. Третий день продолжалась пытка, иначе он создавшуюся ситуацию не воспринимал, третий день как заведенный вставал в семь утра, кормил внучку завтраком, провозжал в школу, до полудня шатался по городу, чтобы не возвращаться к погруженной в трагическую немочу Тамаре. В половине первого встречал Наташу, готовил с ней уроки, а к вечеру, доведенный до предела изматывающей атмосферой недоговоренности, садился у телевизора и, уставившись невидящим взглядом в экран, прислушивался к шагам слоняющейся из угла в угол дочери. Старался не обращать внимания на ее угрюмое лицо, на красные от недосыпания веки, по-старушечьи поджатые губы... Горе не красит, да и добрее не делает, это понятно, однако терпеть молчаливый и оттого особенно тягостный нажим становилось немыготу. Он знал, чего добивается Тамара, чего ждет: хочет, чтобы он надел свои ордена, медали и при полном параде пошел по инстанциям выручать зятя. Ну нет, козырять заслугами он не намерен...

Никогда не питавший к зятю ни любви, ни особой симпатии, Федор Константинович все же не считал его преступником и был в полном смысле ошарашен новостью: заехал на часок в среду проведать внучку, и вдруг словно обухом по голове: Игорь арестован, обвиняется в убийстве! Подумать только: его зять убийца! Игорь, муж его дочери, убил Жорку Волонтира! В уме не укладывается!

Тихойванов, не мигая, смотрел в черный прямоугольник окна. За крестовиной рамы, сплюснутый неровностями стекла, висел холодный диск луны. Федор Константинович хотел повернуться на бок, но вспомнил про отзываются на каждое движение пружины и остался лежать на спине. «Восемь лет, — подумал он. — Это началось восемь лет назад...»

Он работал на железной дороге, воевал по стране

тяжелогруженные составы и по неделе, а иногда и больше не бывал дома. После смерти жены долгие отлучки не тяготили его, Тамара росла самостоятельной девочкой, заканчивала школу, за нею присматривала соседка, навещала сестра. Правда, с некоторых пор он стал замечать в дочери перемены, но относился к их возрасту и был уверен, что рано или поздно Тамара сама, без подсказки поговорит с ним по душам. Такой момент пришел. Однажды поздно вечером она ворвалась в дом, не сняв пальто, бросилась на кровать и зашла в рыданиях. Из ее сбивчивых, путанных слов он понял, что произошло несчастье. Под утро Тамара притихла. Прикрыв ее одеялом, он оделся и пошел к железнодорожному вокзалу — в том районе проживал Игорь Красилицыной...

Нет, человек, ставший мужем его дочери, никогда не был ему близок. Не был и не мог стать. Впервые он подумал об этом еще тогда, восемь лет назад, ранним февральским утром, стоя в полутемном коридоре, куда его впустили, предварительно изучив в дверной глазок...

Он стоял и смотрел в большое овальное зеркало, висевшее на стене. Наверное, надо было отвернуться, но он как замороженный продолжал смотреть на полнозатого, круглолицего парня, который неуклюже подпрыгивал на одной ноге в соседней комнате. Волнистые волосы падали ему на глаза; от волнения Игорь — Тихойванов догадался, что это был он, — никак не мог попасть в брючную штанину и, только опершись о спинку стула, наконец надел брюки. И хотя, наблюдая эту сцену, глядя на нелепо приплясывающую фигуру, Федор Константинович каким-то образом, косвенно, что ли, надеялся унижить обидчика дочери, получилось наоборот: униженным почувствовал себя. Может быть, в ту минуту родилась неприязнь к будущему зятю? Или чуть позже, когда Игорь пригласил войти в комнату, освещенную малиновым абажуром, предложил сесть на диван, а сам остался стоять, прислонившись к оклеенной темно-красными обоями стене, как посторонний, как зритель, ожидающий начала представления. Светлана Сергеевна, мать Игоря, тоже была в комнате. Также стояла. Сбоку, почти за спиной гостя. Скрестив руки на груди. Тихойванову недвусмысленно давали понять, что чем короче будет визит, тем лучше. Даже настенные часы с длинным раскачивающимся маятником, казалось, говорили о том же: «Чужой в доме, чужой в доме». Игорь успел что-то шепнуть матери, и теперь его принимали за просителя. «Даже позицию выбрали, — подумал Федор Константинович. — Сынок в лоб, мамаша с фланга». Ему захотелось, не медля ни секунды, встать и уйти, но дома ждала Тамара. Кто-то, а он знал, как она будет смотреть на него, когда он вернется.

— Я пришел, — излишне громко начал он, но спазма, сдавившая горло, мешала говорить, и он глухо закончил: — Вы... вы и так знаете...

Последовала короткая пауза, заполненная размеренным ходом тяжелого маятника.

— Простите, я не совсем понимаю, — хорошо поставленным голосом сказала Светлана Сергеевна. — Собственно, чего вы от нас хотите?

От того, как неудачно он скомкал первую фразу, как холодно и спокойно задала свой вопрос Светлана Сергеевна, как подвернула «от нас», объединяя себя с сыном, Тихойванову с прежней силой захотелось уйти, ничего не объясняя, не произнося больше ни слова.

— Моя дочь ждет ребенка, — все так же глухо сказал он.

— И какое отношение к вашей дочери имеем мы?

— Она ждет ребенка от него. — Он показал глазами на стоявшего в стороне Игоря.

— Вы уверены? — надменно подняв ниточки бровей, спросила Светлана Сергеевна. — У вас, что же, есть доказательства?

Последняя фраза обожгла Тихойванова.

— Вы мне не верите? — Голос его дрогнул.

— А почему мы должны вам верить? — парировала Светлана Сергеевна.

— Спросите у своего сына, — сказал Тихойванов, и они оба посмотрели на Игоря. Он стоял с отсутствующим выражением, но, очевидно, матери его вид о чем-то все же говорил.

— Если даже так, — неуволимо изменив тон, сказала она. — Допустим, что так... Предположим, что вы говорите правду и ребенок на самом деле от него. Что меняется? Не пойму, вы, что же, насильно хотите женить моего сына на вашей дочери? Это же, простите, бред! Вы уверены, что она поблагодарит вас за такое сватовство? — Она тонко рассчитала силу своих аргументов. Федор Константинович растерялся. Он видел, как неслышно подошла к нему Светлана Сергеевна, как опустилась рядом и, подавшись к нему, заглянула в глаза.

— Я понимаю ваше состояние, сочувствую вам... Я ни в коем случае не оправдываю сына... Раз уж так получилось, давайте лучше вместе подумаем, что можно сделать практически. — Издали, словно она говорила в подушку, Федор Константинович услы-

КОНКУРС «НАША РОДИНА»
Третий тур

ЛЕТОПИСЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Объявленный в начале марта этого года журналом «Смена» конкурс «Наша Родина» продолжается. Он посвящен 60-летию образования СССР и вызвал особый интерес у широкого круга наших читателей. «С нетерпением ждем вопросы третьего тура», — написали многие из тех, кто участвовал во втором туре. Мнение большинства читателей единодушно: чтобы ответить на вопросы конкурса, приходится читать и перечитывать много самой разнообразной литературы, что необычайно обогащает знания о нашей великой стране, побуждает глубже изучать ее историю, экономику, географию, государственное устройство, узнавать любопытнейшие факты из жизни населяющих ее народов.

Вопросы третьего тура — «Летопись десятилетий», как и двух предыдущих, составлены по вашим письмам, дорогие читатели. Участвовать в этом туре могут все желающие, в том числе, разумеется, и те, кто пропустил один или оба первых тура. Правильные ответы на все пятнадцать вопросов, как и прежде, могут принести претенденту 50 очков. Тридцать участников третьего тура, набравших наибольшее количество очков, будут награждены альбомами, почетными дипломами, годовой подпиской на «Смену».

Напоминаем, что конкурс «Наша Родина» редакция «Смены» проводит совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ. Одновременно с итогами третьего тура жюри подведет итоги и всего конкурса. Трое его участников, чей общий результат по очкам окажется самым близким к цифре 150, будут премированы путевками для путешествия по СССР.

Жюри обращается ко всем читателям с настоятельной просьбой отвечать на вопросы строго в том порядке, как они заданы, и писать при этом разборчивым почерком на одной стороне листа.

Можно присылать письма с ответами на любое число вопросов.

* В скобках после каждого вопроса указано число очков, в которые он оценен.

Удачи вам, дорогие читатели!
Приводим вопросы третьего, заключительного тура конкурса «Наша Родина»:

1. Сколько в нашей стране музеев дружбы народов и в каких городах они находятся? (3)*

Л. НАЙДЕНОВ,
Саратов

2. Когда впервые на обмундировании красноармейцев появилась пятиконечная красная звезда? Что вначале на ней было изображено? Назовите автора эмблемы. (3)

В. КУРОЧКИН,
Ижевск

3. Когда был учрежден орден Трудового Красного Знамени РСФСР? Кто и за какие заслуги был первым удостоен этой награды? (4)

Л. МОСКВИТИН,
Бирюсинск Иркутской области

4. Чабаны этой республики веками мечтали о «золотой овце», как называли ее в сказаниях. Но только в тридцатые годы переселившийся сюда русский селекционер, который позже стал академиком, в сотрудничестве с семьей бывших кочевников вывел местную породу тонкорунных овец. Назовите республику, а также ученого и чабанов, чьи имена стоят рядом с именем академика во многих научных трудах. (5)

В. СИДОРКИН,
Алатырь Мордовской АССР

5. Кому принадлежат слова: «Каждый грузин — поэт, а каждый грузинский поэт — дважды поэт»? (4)

В. ТИЛИШЕВСКАЯ,
Ростов-на-Дону

6. Зимой 1943 года полесский крестьянин повторил подвиг Ивана Сусанина. Назовите героя, его возраст и деревню, где он жил. (2)

7. В каком году и в связи с чем Москва во время Великой Отечественной войны салютовала рядовому советскому селу? Что это за село? (4)

М. САРКИСЯНЦ,
Ереван

8. Где в нашей стране носят одежду, в которой в стужу тепло, которая в дождь не промокает и которую разрубит не всякая сабля? Как она называется и из чего ее делают? (3)

В. ХАРИТОНОВА,
Челябинск

9. Назовите самую первую награду знаменитого вратаря Льва Яшина. (3)

А. ПАНАСЮК,
Гайсин Винницкой области

10. В книге К. Чуковского «От двух до пяти» есть слова четырехлетнего мальчика, которые легли в основу всемирно известной песни. Назовите эту песню, а также авторов музыки и слов. На каком фестивале эта песня заняла первое место? (3)

Н. ГОЛУБОВСКАЯ,
Калуга

11. Где находится место, от которого тремя лучами расходятся аллеи, ведущие в три союзные республики? Какие деревья растут на этих аллеях? (3)

В. ОБУХОВСКИЙ,
Воронеж

12. Кто из комсомольцев-шахтеров, когда и в ознаменование какой годовщины повторил трудовое достижение Алексея Стаханова? Сколько сменных норм он при этом выполнил? (3)

В. КАЛИН,
Ворошиловград

13. Назовите самую многодетную семью в нашей стране. Где она живет? (5)

14. Какой советский город в древности был крепостью Себастополис? (2)

С. и М. КОРТНЕВЫ,
Воронеж

15. Когда и где открылась первая летняя спартакиада строителей БАМа? Какая команда стала победительницей? (3)

И. БАДАЛЯН,
Новосибирск

Ждем ваших писем с ответами на вопросы третьего тура. Последний срок их отсылки — 25 октября этого года (по штемпелю почтового отправления).

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ША

Под редакцией
международного
гроссмейстера
Алексея СУЭТИНА

КОНКУРС «СМЕНИ»

ТУР ШЕСТОЙ

1. Белые начинают и выигрывают (3 очка).

Белые: Крe1, Лd1, Сf6, пп. e2, g2, g4(6)
Черные: Кре4, Фа8, пп. a7, d6, e6, g5(6)

2. На стороне черных солидный материальный перевес. Но ход за белыми. Могут ли они использовать положение короля черных? (3 очка.)

Белые: Крf2, Сс2, Кd2, пп. d5, e2, h5(6)
Черные: Крf4, Фf7, пп. e5, f6, g5, h3(6)

3. После ходов: 1. d4 Кf6 2. c4 g6 3. g3 Сg7 4. Сg2 0—0 5. Кс3 d6 6. Кf3 c5 белые могут продолжить 7. d5 Ка6 8. 0—0 Кс7 9. e4; или 7. 0—0 cd 8. К:d4. Влияет ли это на название дебютных вариантов? (1 очко.)

Открытки с ответами на вопросы шестого тура посылаются в «Смену» не позднее 15 ноября 1982 г.

Конкурс юмористических рисунков

Дорогие читатели, ждем ваших рисунков — остроумных, веселых, проличных. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1982 года.

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА, Москва

Рисунок Елены ШИПИЦОВОЙ, Москва

Рисунок Павла ЛАВРЕНТЬЕВА, Рига

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.08.82. Подписано к печати 02.09.82. А 05177. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 2308. Заказ № 3076. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Павла ЕРМИШЕВА

Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА

ОСЕННИЙ РОМАНС

Нет ничего прекрасней ранней осени,
 Когда сентябрь и солнечен и тих.
 Давно скворцы свои дома забросили,
 Давно скворцы свои дома забросили
 И где-то с грустью вспоминают их.
 Проходит снова осень по земле.
 Кружатся листья, как воспоминанья.
 Как искры в остывающей золе,
 Мерцают звезды...
 Вечно их мерцанье.
 Но все пройдет — жалей иль не жалей.
 Все превратится в памятную небыль:
 И этот свет и золото полей,
 И этот свет и золото полей,
 И тишина покинутого неба.
 По синей речке барабанит дождь,
 И в стаю сбились лодки на причале.
 И только лес божеественно хорош
 В цветах любви, надежды и печали.

КРОССВОРД

КРОССВОРД
 Составил М. Рожков,
 Москва

По горизонтали:

1. Прибор для регистрации мышечных сокращений.
5. Спортивная игра.
9. Американский пушной зверек.
10. Альпийская фиалка.
13. Приток Амура.
14. Популярный советский киноактер.
15. Музыкальное произведение.
18. Плод тропического растения.
19. Черта, линия.
20. Древнеиндийский писатель.
23. Согласованное протекание во времени нескольких волновых процессов.
24. Мореплаватель, руководитель первой русской антарктической экспедиции.
27. Химический элемент.
28. Город на востоке Китая.
29. Техническая культура.
33. Хищная птица.
34. Шахматный ход.
35. Явление природы.
38. Наружное архитектурное перекрытие.
39. Наука о прекрасном.
40. Речная рыба.
41. Общее название веществ, из которых образуются ферменты.

По вертикали:

1. Южный плодовой кустарник.
2. Живописное или скульптурное украшение.
3. Русский поэт и переводчик XIX века.
4. Прибор для очистки жидкостей.
5. Изображение в искусстве крылатого льва с орлиной головой.
6. Герой одного из сказаний «Махабхараты».
7. Басовая труба в органе.
8. Порода черных кур.
11. Хвойный лес.
12. Машина для измельчения сыпучих материалов.
16. Синее красящее вещество.
17. Русский архитектор XVIII века.
21. Канал, по которому лава поднимается в кратер вулкана.
22. Время, свободное от работы.
25. Автор романа «Заговор равнодушных».
26. Тренировочный боксерский бой.
27. Большая книга.
30. Сельскохозяйственная машина.
31. Начальная или заключительная часть басни.
32. Старинный шотландский танец.
36. Выдающаяся итальянская актриса.
37. Приток Десны.

ОТВЕТЫ
 НА КРОССВОРД,
 НАПЕЧАТАННЫЙ
 В № 18

По горизонтали:

5. Беллетристика.
8. Доблесть.
9. Фольклор.
13. Курсант.
14. Серна.
15. Ортопед.
18. Каракалпак.
19. «Радуга».
20. Ягель.
21. Сказитель.
22. Негрос.
24. Статуя.
25. «Возвращение».
26. Казарка.
27. «Книга».
29. Каренин.
30. Гипотеза.
31. Черкесск.
32. Копье-метатель.

По вертикали:

1. Земляника.
2. Мейтус.
3. Эскола.
4. Экскурсия.
6. Конструирование.
7. Молодогвардейск.
10. Мурзавецкая.
11. Организация.
12. Металлургия.
16. Ирокезы.
17. Дарлинг.
23. Свекловод.
24. Сераделла.
27. Казбек.
28. Ацетат.

На одной из улиц токийского района Накано расположена штаб-квартира Общества художественного воспитания (Гэйдзюцу кэйку-но кай). Здесь же находится и Институт художественного воспитания (Гэйдзюцу кэйку кэнкюдзэ).

Недавно в редакцию «Смены» пришло письмо научной сотрудницы Института художественного воспитания Хироко Абэ, в котором излагаются новейшие достижения японской педагогической науки в эстетическом воспитании детей начиная с самого раннего возраста. При этом детально рассматривается один из аспектов новой методики, который сформулирован в заголовке к письму-исследованию: «О формировании че-

**ВОКРУГ СВОЕГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СОБРАЛИСЬ
ШКОЛЬНИКИ
9—10 ЛЕТ
ИЗ ТОКИЙСКОГО
РАЙОНА
СУГИНАМИ**

ЯПОНСКИЕ ПЕДАГОГИ И ВОЛШЕБНЫЕ „КИРПИЧИКИ“

ловека посредством игрушки». Конкретно речь идет не об игрушках вообще, но о способах постижения окружающего мира с помощью такого нехитрого игрушечного набора, как пластиковые элементы разной величины (назовем их условно «кирпичиками»).

Сама Хироко Абэ занимается исследованиями в области «педагогика скульптуры», то есть изучением эффекта преподавания скульптуры как предмета. В настоящее же время внимание исследовательницы поглощено освоением новых материалов и применением их в научно-педагогической практике. Пластиковые цветные «кирпичики» системы «лего», получившие широкое распространение по всему миру, и послужили материалом для научного эксперимента.

Достаточно беглого взгляда, чтобы заметить: «кирпичики» позволяют создавать буквально шедевры игрушечного зодчества. Простые на вид, они легко превращаются в разнообразные объемные сооружения, в том числе круглые, конусообразные, пирамидальные и т. д.

Пластиковые «кирпичики» уже на первом уроке перестают быть инструментом в руках педагогов, превращаясь в орудие познания мира самими детьми. Игрушка становится достоянием коллектива, интересным для всех, она вошла в учебные классы,

где решается сложнейшая проблема формирования личности.

Хироко Абэ проводила свои исследования и практические занятия в яслях, детских садах, начальной школе.

Почему же именно такие «кирпичики» используются в учебных группах учеными Института художественного воспитания? Дело в том, замечает Хироко Абэ, что в Европе (где, к слову сказать, изобретена система «лего») с давних пор существует традиционный комплекс учебных пособий, призванных побудить детей осознать многообразие предметов. Поэтому в круг этих пособий включены разнообразные игрушки. Относясь к такого рода готовым комплексам критически, Хироко Абэ видит в них некоторую излишнюю заданность. Она считает, что обучение в этом случае жидкнет в основном на распознавании различий, но в меньшей степени ставит цель будоражить, стимулировать фантазию. Принципиально иной характер носит использование в качестве учебных пособий пластиковых элементов «лего». Именно эти разноцветные «кирпичики», позволяющие сконструировать любую модель, вызывают гораздо более яркое и более активное представление о многообразии окружающего мира, открывают простор игре. «Это и есть первый урок обучения красоте,— пишет Хироко Абэ.—Я всегда с пафо-

сом обращаюсь ко многим людям со словами: «Вот простой «кирпичик». Только и всего. Но именно благодаря ему можно воссоздавать пространственные представления — даль, высоту, объем...»

Предлагаем читателям «Смены» ознакомиться с фотографиями игрушечных произведений, созданных как взрослыми, людьми разных профессий, так и детьми дошкольного и школьного возраста (фото Такэси Аоидзэ). Воспользуемся любезным приглашением японских друзей и совершим небольшую экскурсию по выставке слайдов, прибывшей в Москву в конверте с почтовым штемпелем Страны восходящего солнца...

Анатолий МАМОНОВ,
кандидат филологических наук

**ВЕРБЛЮД
И ПОДСТАВКА
ДЛЯ БУТЫЛКИ.**

**СОЗДАЕТСЯ
„ЖИВОЙ УГОЛОК“.**

**СОЛНЦЕ,
КЕНГУРУ,
СТРАНА
ИЗ
„КИРПИЧИКОВ“.**

**ФАНТАЗИЯ
И ТВОРЧЕСТВО.
КОРАБЛИ
В ПОРТУ.**

**ТАК ШКОЛЬНИКИ
ПРЕДСТАВЛЯЮТ СЕБЕ
„КОСМИЧЕСКУЮ СТАНЦИЮ“.**

**ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА,
ЧАСЫ-СОВА,
МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА.**

